

**Медведева И.Б. -
Путь Шоу-Дао-4.
Обучение
травами - 1997**

1997

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Путь Шоу-Дао

Книга 4

И.Медведева

ОБУЧЕНИЕ ТРАВАМИ

*Ученичество Александра Медведева, первого европейца, посвященного в
древнее учение Бессмертных*

УДК 299.5 ББК 86.39
М42

«СОФИЯ» 1999

Все права защищены. Никакая перепечатка или воспроизведение
любым способом части или всего произведения без разрешения
издательства запрещена.

Медведева И. Б.

М42 Обучение травмами — К.: «София», Ltd., 1999. — 288 с. — (сер. «Путь Шоу-Дао», кн. 4)

ISBN 5-220-00271-6 (кн. 4) ISBN
5-220-00267-8 (серия)

Книга «Обучение травмами», четвертая книга в серии «Путь Шоу-Дао», знакомит читателей с еще одной гранью искусства членов тайного даосского клана Шоу-Дао — об ширном и разнообразном арсеналом лечебных воздействий, отвечающих одной из основных целей «Спокойных» — дос тижению бессмертия физического тела.

ISBN 5-220-00271-6 (кн. 4) ISBN 5-220-00267-8 (серия)

©КБ.Медведева, 1999 ©«София», 1999

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ВВЕДЕНИЕ.....	26
ГЛАВА 1.....	37
ГЛАВА 2.....	60
ГЛАВА 3.....	91
ГЛАВА 4.....	103
ГЛАВА 5.....	119
ГЛАВА 6.....	137
ГЛАВА 7.....	153
ГЛАВА 8.....	169
ГЛАВА 9.....	197
ГЛАВА 10.....	206
ГЛАВА 11	224
ГЛАВА 12.....	241

«Мудрость не есть свойство могучего ума, это лишь способность превращать сложное в простое...»

Ли Н.

«Болезни — это проблемы мировоззрения».

Ли Н.

Дорогие друзья! Представляя вам четвертый том серии «Путь Шоу-Дао» — «Обучение травмами», я хотел бы в очередной раз напомнить, что события, о которых повествует эта книга, были связаны с периодом моего ученичества у Ли Н, несравненного мастера рукопашного боя и Хранителя Знаний тайного китайского клана Шоу-Дао — «Спокойных» или «Бессмертных», и записаны с моих слов моей женой.

С наилучшими пожеланиями, А. Н. Медведев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга познакомит вас с еще одной гранью искусства Спокойных, с темой, которая, смею надеяться, заинтересует многих из вас. Арсенал лечебных воздействий Шоу-Дао необычайно обширен и разнообразен, недаром в качестве одной из основных своих целей воины жизни выбрали достижение бессмертия физического тела или, по крайней мере, стремление к неограниченному продлению своего существования.

Можно спорить о том, возможно или нет физическое бессмертие, это в некотором роде как вера в бога — никто не получил полностью достоверных доказательств существования Бессмертных, но кто-то, тем не менее, верит в возможное бессмертие тела, или, по крайней мере, души, а кому-то подобная идея покажется абсурдной.

Учитель утверждал, что некоторые Посвященные клана действительно добились физического бессмертия и что многие члены клана владели искусством омоложения и значительного продления своей жизни. Возможно, его утверждения о физическом бессмертии были очередным трюком ложного знания, трюком, стимулирующим интерес и повышающим мотивацию к следованию по пути Спокойных у ученика. В этом вопросе я не могу дать однозначный ответ «да» или «нет» и, следуя срединному пути, предпочитаю верить в то, что слова Учителя о физическом бессмертии имели под собой реальные основания.

Поскольку многое из того, что демонстрировал мне Ли в процессе моего ученичества, в значительной мере превосходило все мои представления о границах человеческих возможностей, я не могу исключить вероятность того, что некоторые мастера клана, в течение тысячелетий изучающего и совершенствующего искусство продления жизни, люди, посвятившие всю свою жизнь, буквально с момента рождения, стремлению к достижению духовного и физического совершенства, действительно обрели способность полностью регенерировать

клетки своего организма и неограниченно про длевать свою жизнь.

В чем я могу быть абсолютно уверен — так это в том, что многие техники Шоу-Дао действительно в значительной мере способствуют физическому омоложению и укреплению организма. В этом я неоднократно убеждался, в частности, на примере учеников, посещающих мои семинары.

Следствием растущей популярности Шоу-Дао стало появление впечатляющего количества анекдотов об А. Н. Медведеве и учении Спокойных, так что, возможно, в будущем у меня даже появится шанс посостязаться в этом смысле с Василием Ивановичем и Штирлицем. В основном анекдоты ты связаны с темами рукопашного боя, но некоторые из них касаются и оздоровительных методик. Я приведу один из по добных анекдотов.

Приехал в Москву грузин на семинар к Александру Ни колаевичу и говорит:

— Я слышал о ваших методиках работы с сексуальной энергией. Говорят, что техники «Спящей собаки» творят чу деса. У меня любимая девушка совсем больна, доктора гово рят, умереть может. Научите меня, пожалуйста, что мне де лать.

Медведев показал ему даосские сексуальные техники, объяснил, как вылечить девушку, и пообещал на следующий день зайти к ним в гостиницу, посмотреть на результаты.

На следующий день приходит Александр Николаевич в гостиницу и видит: девушка выздоровела, радостная такая, смеётся, а грузин сидит в уголке и плачет.

— Что же ты плачешь? — удивился Медведев. — Ведь девушка твоя выздоровела!

— Как же мне не плакать, — ответил грузин. — Если бы я приехал к вам раньше, и мой отец, и дед были бы живы!

Мне бы хотелось процитировать письмо, которое я по лучил не так давно от одного из участников семинаров, про живающего в Севастополе.

Уважаемый Александр Николаевич!

Я не могу даже предполагать, насколько интересным для Вас может быть данное сообщение. И решил я на него только потому, что не знаю никаких достоверных аналогов на этот счет.

А вот что так не бывает, знают все...

А может, и в самом деле «печенка забарахлила — вот волосы и чернеют местами»?

Рассчитывать, что вы помните степень моего облы сения и поседения, я не решаюсь. Поэтому:

1) собрал свидетельства очевидцев,

2) сделал фото 13.02.98. Усы и борода отпущены для контроля.

Сознательное и целенаправленное воздействие на со стояние волос я начал с августа 1997 г. по методикам Шоу-Дао — массаж, медитации, психофизические уп ражнения.

Теоретически программа опирается на «Классичес кую методологию традиционной китайской чжень-цзю терапии» А. Фадеева.

К январю 1998 г., когда рост темных волос, и особен но по периметру облысения, стал очевидным буквально и я начал интересоваться об этому знавших меня ранее, стало ясно, что, если факт изменений не зафиксировать, а процесс будет продолжаться в том же темпе, через несколько месяцев никто уже не поверит, да и не встоп нит, что до этого (чуть ли не 10 лет) волосы только седели и редели, а площадь лысины только увеличивалась.

Но уже и сейчас правильность учения Шоу-Дао о здо ровье подтверждается самым наглядным образом. При чем пенсионный возраст не позволяет (по-моему) связы вать эти изменения с какими-то случайными колебания ми в состоянии здоровья.

Надеюсь, что время подтвердит верность догадки о «прицельном» использовании теории меридианов.

И вообще, не является ли это частью перехода ко второму пути?

Извините за беспокойство. Желаю Вам, Александр Ни колаевич, и Вашим единомышленникам хорошего здоровья и успеха.

Новохацкий В. П. 12.03.1998г.

К письму были приложены следующие свидетельства очевидцев:

С июля 1996 г. Валерий Петрович Новохацкий (1939 г. рождения) работал совместно со мной, т. е. я имел возможность наблюдать его достаточно часто. Налицо были изменения возрастного характера: уменьшение волосистой части головы (60—70 процентов), изменение его цвета (поседение почти на 100 процентов), возрастные пигментные пятна на коже.

Освидетельствование проведено 11.04.98 г. Объективно:

- 1) Увеличилась площадь головы, покрытая волосами;
- 2) Отмечаю явное потемнение волос на голове, усах, бороде;
- 3) Пигментные возрастные пятна уменьшились в интенсивности, а мелкие исчезли;
- 4) Улучшилось общее состояние кожи лица, виден эффект омоложения.

*Директор массажно-косметического кабинета «Васкэт»
В. А. Семенов 11.04.98г.*

Свидетельство происшедших изменений во внешнем виде.

Я, Фазилахметов Фауль Миннахметович, проживающий в г. Севастополь, знаю Новохацкого Валерия Петровича с 1985 г., знаю его голову, т. е. волосы на голове, т. к. я его неоднократно подстригал. В тот период было облысение, седина была на 60 процентов. В 1987 г. он вышел на пенсию, в тот период облысение увеличилось, седина достигла 75 процентов. До апреля 1996 г. я постоянно подстригал его волосы. В 1996 г. седина достигла почти 99 процентов.

В 1997 г. я заметил, что его волосы у корней темные. Виски потемнели. Борода и усы тоже темные. Для меня, видевшего его седым, все это казалось странным.

Облысевшая часть головы стала покрываться темными волосами. Это было 4 февраля. Сегодня, 11.02.1998г., когда он пришел за этим документом, я еще раз убедился в том, что происходят изменения.

Ф. Фазилахметов 11.02.98г.

Еще три свидетельства, приложенные к письму, я счел излишним цитировать, поскольку в них подтверждались те же самые факты.

Очевидный факт омоложения, показавшийся столь удивительным Валерию Петровичу, на самом деле является естественным и достаточно обычным явлением при регулярной практике некоторых техник Шоу-Дао. Явные симптомы омоложения, в том числе потемнение волос и рост волос в зоне облысения, наблюдались у ряда моих учеников, посещавших семинары по теории управления сексуальной энергией (техники «Спящей Собаки»).

Я уже упоминал в моих предыдущих книгах, что перед переходом ко второму пути группа семидесяти пяти-восемидесятилетних членов клана Спокойных уходила в пустынную местность, как правило в горы или в лесные массивы, куда за ними являлся посланник второго пути, который отводил их в тайную обитель, где группа завершала первый путь и получала знания о втором. После обучения люди изменялись до неузнаваемости, по внешнему виду им невозможно было дать больше сорока пяти-пятидесяти лет. Им, чтобы изменить их внешнего вида не вызвало нездоровое любопытство у местного населения, давались новые имена, сочинялись новые легенды их жизни и определялась новая страна, в которую они должны были переселиться, продолжая традиции Шоу-Дао.

Естественно, что рассказ Учителя о столь эффективных методах омоложения произвел на меня глубокое впечатление, и я в течение почти всего своего ученичества приставал к нему с просьбами открыть мне секреты омолаживающих техник. Незадолго до того, как мы расстались на длительный срок. Ли сказал, что на прощанье он хочет сделать мне подарок. Его подарок заключался в детальном описании шагов, которые я должен был предпринять для того, чтобы полностью очистить и омолодить свой организм. К сожалению, до сих пор я не имел возможности испытать в действии весь комплекс омолаживающих техник. Основной причиной тому была нехватка времени. Для того чтобы упражнения действительно привели к желаемому результату, требовалась регулярная и упорная работа в течение нескольких лет. Другим условием была необходимость работать в группе подготовленных людей обоих полов, знакомых с методами управления сексуальной энергией и другими шоу-даосскими психофизическими упражнениями.

К сожалению, ситуация, сложившаяся в России, столь сложна, что, похоже, в ближайшем будущем будет невозможно выкроить время и подобрать людей, обладающих необходимыми навыками, временем и возможностью посвятить не сколько лет практике техник омоложения. Однако я не оставляю надежды на то, что когда-нибудь в более светлом будущем мне удастся опробовать на практике методику, показанную мне Учителем, и на основе групповых занятий написать книгу о шоу-даосских методах омоложения человеческого организма.

Как ни странно, именно третий том повествования о моем ученичестве в лоне даосского клана Спокойных — «Обучение женщиной», выпущенный к тому же, в связи с экономическим кризисом, меньшим тиражом, стал своеобразным катализатором, заставившим многих мужчин и женщин принять окончательное и бесповоротное решение посвятить свою жизнь изучению философии, медицинских знаний и воинских искусств клана Шоу-Дао.

Многие из новых учеников, люди солидные и серьезные, рассказывали мне о том, что уже давно следили за выходом в свет книг и видеофильмов, рассказывающих об учении Спокойных, но почему-то именно третий том придавал им достаточную решимость встать на Путь Учения.

Еще одной неожиданностью для меня стал небывалый приток девушек и женщин, что было особенно приятно, поскольку до написания третьего тома численный перевес среди изучающих Шоу-Дао был явно в пользу мужской половины населения.

Существенно активизировалось и спонтанное создание групп по изучению Шоу-Дао как в Москве, так и в других городах, на основе живущих по соседству единомышленников. Участились и приезды «ходоков» с периферии нашей Родины, включая и ближайшее зарубежье. Многие из них, уже при первой встрече, тут же с места в карьер начинали засыпать меня вопросами, заглядывая в объемистые и потрёпанные тетради.

Все это, безусловно, не только радует, но и накладывает на авторов дополнительный груз ответственности, подстегивая желание продолжить столь успешно начатую работу по сохранению и распространению древних и в то же время удивительно созвучных современности знаний одного из тайных кланов Востока, знаний, которые уже принесли людям огромную пользу и которые, как я надеюсь, смогут придать новый импульс к самосовершенствованию сотням и тысячам людей, интересующихся эзотерическими учениями.

Уже готовится к выходу в свет пятый том серии «Путь Шоу-Дао» —

«Обучение чувствами», ведется работа над шестью и седьмой книгами — «Обучение действием» и «Обучение Учителем». Кроме того, продолжается работа над серией «Технология счастья», книги которой, как хотелось бы надеяться, помогут нашим согражданам пережить эпоху кризиса, пребывая в хорошем настроении, радуясь жизни и поддерживая свой оптимизм с помощью несложных, но эффективных даосских психотехник.

Так что наша очередная встреча на страницах «Обучения травмами» является далеко не последней, что, как мы надеемся, радует не только авторов, но и вас, дорогие читатели.

И в заключение мне бы хотелось привести еще несколько писем и выдержек из дневников моих учеников, в которых описывается их весьма интересный практический опыт, приобретенный во время практики психотехник Шоу-Дао.

«По интуиции я выбрал поляну с мощной березой, расслабился и, навалившись на дерево руками, внутренне прислушался. Тугая волна энергии, начиная с низа живота по переднесрединному каналу, пошла вверх, делая изгиб в области груди в правую сторону, и достигла лица. Я как бы уперся в невидимую стену. Голова стала заваливаться на зад, а живот притягиваться к дереву.

Мой позвоночник с непонятно-оргазмической болью прогнулся максимально назад, пытаясь вытянуться в длину. Началась волна, живот то отталкивало от дерева, при-

тягивая голову, то наоборот. Я чувствовал разрастание энергии внутри меня, и вот уже движения туловищем сменились на движения тазом по часовой и против часовой стрелки. Забегая вперед, хочу отметить, что на протяжении «сеанса» энергия заставляла организм выполнять хаотичные и непонятные для меня движения, переходя с быстрых на медленные, а затем взрываясь еще более мощными движениями. Испытываемое мною оргазмическое переживание порою было настолько сильным, что я не хотел выходить из него.

Движения тазом стали затихать, как вдруг более мощный поток энергии вызвал во мне вибрацию. Меня сотрясало от движений, плечи передергивались в разные стороны, я отчетливо ощутил позвоночник и таз. Стопы ног напряглись, и раз за разом выбрасывали меня вверх. По позвоночнику иногда прогибался назад, и настолько сильно сжимался, напрягаясь, что где-то мелькнул испуг от происходящего. Вибрация заканчивалась, переходя в медленные движения, я почувствовал себя легким и разобраным. Непонятное чувство блаженства заполнило меня, впервые в жизни я наслаждался собой.

Так долго не появлявшееся в последние дни солнце неожиданно выглянуло из-под темной тучи, яркий свет залил меня, вновь вызвав гамму ярких переживаний.

Неожиданно для меня голову стало притягивать лысиной к дереву. Лысина начала с силой вдавливаться в дерево, совершая движения по часовой и против часовой стрелки. Казалось странным, но боли я не чувствовал. Временами вдавливание было таким, что я испытывал боль, смешанную с чувством оргазмического переживания в лысине.

Взяв свое, лысина отлипла от дерева и уже лоб плотно прилип к нему. Я почувствовал прилив энергии в глазах и лбу. Вдруг глаза так сильно сжались, что мне казалось, они вот-вот лопнут от напряжения.

Напряжение спало, я пришел в себя, как вдруг мои руки, до этого момента будто приклеенные к дереву, резко обхватили его, и я стал с невероятной силой сжимать его. Было впечатление, что туловище пытается войти в дерево, мне показалось, что от напряжения я начал издавать какие-то звуки.

Не сразу, но медленно я стал расслабляться, отпуская руки, дыхание стало приходить в норму, и тут меня развернуло спиной к дереву. Затылок и задняя часть туловища, вдавливаясь, терлись о него. Насытившись энергией, спина стала

отлипать, и в этот момент правая нога поднялась вверх, стопа вытянулась. Нога сильно напряглась, вызвав вибрацию. Мне показалось, что я не прилагаю усилий, чтобы удержать ногу на весу. Было чувство, что нога пытается от чего-то освободиться. То же самое произошло и с другой ногой. Был лишь момент, когда ноги сходились вместе и колени стучали друг о друга.

Работа с деревом закончилась так же неожиданно, как и началась. Я почему-то резко хлопнул руками по дереву и, почувствовав себя свободным, отошел от него. Стояла хмурая, дождливая погода. Солнце вновь скрылось за тучами, но я этого не замечал, на душе было светло и радостно».

В.К.

В следующем письме описывается опыт другого рода, возникший, тем не менее, на базе тех же самых техник «Спящей собаки». Эта ученица первой ступени Шоу-Дао от природы обладала хорошей интуицией и чувствительностью. Упражнения «Спящей собаки» активизируют многие скрытые способности и задействуют некоторые обычно не используемые резервы человеческой психики, в том числе, повышая общую чувствительность организма, они, особенно в сочетании с изучением техник целительства, в значительной степени повышают способности к бесконтактной диагностике и лечению людей.

«Мы отдыхали после очередного упражнения «спящей собаки». Уже начали лениво переговариваться, но вставать еще не хотелось. Постепенно перед моими закрытыми глазами появилось что-то вроде карты с точками разного цвета. Я поняла, что вижу картину тела моей партнерши.

Я описала ей то, что увидела, и оказалось, что многие точки совпадают с больными или требующими воздействия зонами. После «внутреннего осмотра» двух часов я очень устала и следующие полчаса проспала. Новое умение мне очень понравилось, и я стала его развивать. Довольно скоро мне уже не требовались занятия «спящей собакой», чтобы активизировать видение. Нужно было только быть голодной и не уставшей.

Это упражнение отбирало очень много сил, и после просмотра, например, спины пациента я почти сразу же проваливалась в полудремоту на час. Сон и еда помогали восстанавливать силы. Уже на этом этапе овладения данным видом диагностики были очень интересные результаты. Уточню, что с развитием этой способности я стала видеть не только точки, но и целые зоны в цветах и ощущениях. Я не всегда понимала, что значит та или иная картинка, но иногда сами пациенты давали мне совершенно неожиданные пояснения.

Одного из первых пациентов я смотрела бесконтакт но (иногда мне так было удобнее). Закрыв глаза, я вела рукой над передней поверхностью тела пациента и комментировала для партнера опущения и цвета. В один из моментов я заявила, что под рукой чувствую болото, аморфную темную массу с вкраплениями полностью неподвижных черных участков, уходящих вглубь.

Когда я открыла глаза, то увидела, что рука находится над нижней частью живота. Оказалось, что у пациента простатит в стадии обострения и большие проблемы с потенцией. Все это на фоне избыточного веса. Вот вам и «болото»!

Осматривая одного пожилого человека, я обратила внимание на абсолютно разные ощущения от его ног. На одной из них смена красок и ощущений была более-менее привычной мне. Это не говорило о полном здоровье, но позволяло предположить обычный набор старческих заболеваний. А вот другая нога в привычную схему не вписывалась. На пятке было четкое ощущение мешанины холода и тепла на фоне ультраголубого цвета с более сильными пятнами. Над коленом я увидела более черный карман, который переходил в подобие канала или тоннеля и заканчивался другим карманом в верхней части бедра.

Оказалось, что у этого человека было ранение, и пуля прошла именно так, как я показала. От этого ранения нога стала мгновенно реагировать на погоду, и полностью исчезла терморегуляция, особенно нижней части

ноги». С.Н.

В следующем письме мы встречаемся уже с другим аспектом техник работы с сексуальной энергией — аутодвижениями и автоматическими (бесконтрольными) ударами.

«Я выполнял руками циркуляционные круги. Энергия приятно перемещалась по рукам, отдаваясь в туловище. Я отстранение наблюдал, как руки, двигаемые энергией, непроизвольно совершали движения по кругам, переходя из плавных в быстрые, то вдруг напрягаясь в какой-то зоне, выворачиваясь при этом до боли в мышцах. Движения усиливались, руки совершали порой резкие удары. Этим летом в августе я, забрав из университета свою команду, выехал в Алтынновский лес на десятидневные сборы, где я проводил дневные и ночные тренировки. Циркуляционные круги я открыл себя именно ночью, совершая за тренировку не сотни, а тысячи движений по кругам.

Я неожиданно присел. Моя напрягающаяся почти до боли правая рука стала с такой яростью (форма крыла) наносить удары сбоку, что, окажись на этом месте человек, я бы наверняка его убил (по крайней мере, у меня было та кое чувство). Руки, ноги, туловище, сознание, ярость — все слилось воедино, я впервые почувствовал себя бойцом.

Вдохшись, я перешел на медленную форму работы, как вдруг голова подалась вперед, наклонившись, а руки совершили такую серию прямых, мощных ударов, о которых я и не подозревал. С этого момента круги приобрели для меня другое значение. Тренировку я закончил медленными, успокаивающими организм движениями.

На следующую ночь я повторил работу по кругам, но уже без столь ярких переживаний. Я уже заканчивал работу руками, насытившись энергией, как снова неожидан но для меня облако энергии из туловища, содрогаясь, сквозь таз вошло в ноги.

Легкость, необычная легкость заполняла мои ноги. На верное со стороны это казалось странным, но после притопывания ногами по земле я пустился в пляс. Стопы с какой-то яростью стучали по земле, ударяя по воздуху то внутрь, то наружу. Иногда я вытягивал ногу в сторону, напрягая ее до боли, а то и до спазмов мышц. Я чувствовал вал потоки оргазмических переживаний в мышцах. Я чувствовал себя хорошо.

Какая-то сила толкнула меня к дереву, и я, подойдя к березе, стал наносить удары стопой, все увеличивая их силу и скорость. Как ни странно, но боли я не чувствовал, а начал испытывать оргазм, удовлетворение от ударов ног. Удары ног становились все выше, было чувство, что ноги пытаются растянуться. Закончив тренировку ногами, я прислонился руками к этому же дереву и провел вибрацию по всему организму.

Спустя пять минут я попросил партнера атаковать меня и вдруг с удовлетворением заметил, что руки не просто отводят его атаки, но и сами проникают в открытые зоны противника. Когда я сам перешел в атаку, то обнаружил, что руки, легко обходя препятствия, входят в зону противника.

Спустя неделю после сборов поздно вечером я сидел у телевизора. Необъяснимое чувство заставило меня одеться в тренировочную форму и выйти на улицу. Я вышел в огород и, окруженный темнотой, стал выполнять циркуляционные упражнения. Руки, наполненные энергией, буквально летали по воздуху. Я, представив мнимого противника, крутился вокруг оси, руки, словно выискивая противника, создавали защитный каркас из движений, внутренняя часть кистей была повернута наружу. Руки рассекали воздух спереди, по бокам, неожиданно они зашли за спину. Энергия нарастала. Я уже занимался тридцать-сорок минут, когда руки, поднявшись выше уровня плеч, напряглись, вытягиваясь и вызывая приятные переживания в организме.

Неожиданно запястье правой руки напряглось до боли, а кисть загнута внутрь. Судорога была такой сильной, что левая кисть непроизвольно схватила запястье правой руки и с остервенением стала ее разминать.

Закончив работу рук, я перешел к ногам. После облачных движений удары ногами перешли в верхний уровень, пытаясь максимально вытянуться вверх, при этом в натянутых мышцах появился оргазм. Неожиданно для себя я сел на шпагат и стал

тянуться. Судорожное состояние мышц, боль и оргазм — все перемешалось с энергией, вызывая приятные переживания. Ладонь правой руки при липла к натянутым мышцам ног и стала их быстро растирать.

Закончив растяжку, я встал, перекатываясь с пятки на носок, слегка подпрыгнул. Легкая вибрация пробежала по только что натянутым мышцам ног, вызвав там приятный оргазм. Вибрация усиливалась, переходя по мышцам вверх и захватывая меня всего. Я почувствовал себя разобранным и очень легким, готовым взорваться ударами. Вибрация перешла в голову, голова сотрясалась от движений по часовой и против часовой стрелки, челюсть отвисла.

Сильный жар и тяжесть появились в затылке. Мои руки взметнулись вверх, я, потянувшись на носках, вытянулся вверх, переживая сильный оргазм. Руки, вытянутые к небу, напряженные пальцы в форме «купола», прогнутое назад тело, ноги — все содрогалось в вибрации, я почти подпрыгивал стопами, вновь переживая оргазм и не желая выхода из него.

Звезды, много звезд в темной ночи смотрели на меня, я только сейчас их заметил, проникнувшись к ним чем-то хорошим.

Подойдя к березе и проделав работу по энергии, я по чувствовал, как стопа тянется к дереву. Упершись стопой в березу, я снова неожиданно для себя стал растягивать связки ног, потирая руками натянутые мышцы.

Старший преподаватель кафедры физвоспитания и спорта Пермского государственного университета Тутынин Н. А. (курсант-заочник)
16.10.1998 г

В следующих заметках, написанных инструктором Шоу-Дао, живущим в Казахстане, описывается его опыт по устойчивой активизации сексуальной энергии и спонтанном перемещении по его телу целительных оргазмических потоков ци.

«Я занимался цигун "Железная рубашка", следуя всем инструкциям в книге Мантэк Чиа уже около пяти месяцев, но по правде говоря, во все эти энергии не очень верилось, вернее, воспринималось, как нечто мне недоступное и мало понятное. Да, успехи, конечно, были, но успехи как бы внешние, как мне казалось.

Тело со временем перестало осознаваться как набор рук, ног и других составных частей, появилось ощущение уверенности и силы, но вот циркуляция ци по микро космической орбите было, как русские народные песни в опере. Все началось с того, что в один прекрасный день появилось чувство прохлады и покалывания, зуда и ошущения, как будто кто-то дул на меня снизу, так что мне захотелось посмотреть вниз и проверить, есть ли там кто или нет. Это было самое неприятное, потому что казалось, что я — сумасшедший идиот, у которого упала планка.

Так повторялось несколько дней подряд, а потом мне по казалось, что из этой точки начинает вытекать что-то про холодное. Тут я вспомнил, что есть какие-то не то ворота, не то створки, которые должны быть закрыты, и попытался это сделать, но из этого ничего не вышло, вытекание про должалось, и, мало того, это продолжалось даже более не дели.

Даже если я был занят повседневными делами, это ощущение не пропадало, менялась интенсивность, иногда оно было ярко выражено, иногда едва заметно. Потом это ощущение вытекания пропало на некоторое время, так что я уже начал забывать об этом, но не тут-то было.

Однажды во время занятия ощущение прохлады по вторилось, но, к моему удивлению, не осталось, как раньше, в точке хуэй-инь, а перетекло на копчик, оттуда в центр крестца и затем к точку мин-мэй, то есть к середине, к подвижной части поясницы, оттуда к почкам, укутывая их. Некоторое время энергия накапливалась, а потом, рас пространясь вбок по поверхности тела вдоль талии, переместилась в пупок, так что мне показалось, что со щелчком на меня одели железный пояс, который приятно хо лодил кожу.

Постепенно из этого пояса сформировался диск, ко торый вибрировал и гудел. Создавалось впечатление, *будто* некая энергетическая субстанция поднималась из

точки хуэй-инь и скапливалась в этом диске, заставляя его вибрировать и гудеть все сильнее и сильнее. Давление от накопления энергии в диске возрастало, и почему-то казалось, что я стою в лесу на своей тренировочной площадке и чувствую весенние запахи леса, чувствую приятную прохладу и свежесть, которые исходят от всего, что меня окружает, вижу сказочную картину, сотканную из весенних лучей солнца, первой зелени, стволов высоких сосен и теней, которые переплелись в волшебную сеть.

Состояние этой весны постепенно передалось всему телу, и я почувствовал, как нечто приятное и теплое поднялось по позвоночнику и легло на голову. У меня возникло ощущение, что эта мать подошла и положила мне на голову свою нежную и теплую руку. Стало вдруг грустно, я едва не заплакал где-то там, глубоко внутри себя. И тут до меня дошло, что это и есть та энергия, о которой я читал, и я испугался от этого неожиданного открытия, от этого по спине с двух сторон от позвоночника прошла волна горячей энергии и ударила по ушам так, что я вспотел, вернее, создалось такое впечатление.

Вспомнив слова Учителя о том, что ничему не надо удивляться и ничего не надо пугаться, я постарался взять под контроль свой испуг, с решительностью камикадзе — будь что будет, и почувствовал, что энергия активизируется вались по передней линии тела от основания пениса до точки между бровей. Воодушевленный достигнутым, я немного успокоился, и через некоторое время по бокам от средней линии тела двумя широкими полосами начала не спеша подниматься теплая волна, отчего создалось впечатление, будто я стою по горло в теплой воде. Вдруг я понял, что делаю почти то же, что описал Учитель А. Н. Медведев в своей книге «Тайное учение даосских воинов». От осознания этого я пережил радугу эмоций, от чувства испуга до чувства уверенности в себе и правильности выбранного пути.

Диск, находящийся на уровне пупка, начал вращаться, и меня охватили с головы до ног мощные потоки энергии, которые возникли соответственно моим эмоциональным переживаниям. Через небольшой промежуток времени энергия стала скапливаться в голове, отчего она загудела и запульсировала в точке бай-хуэй. Эта пульсация начала постепенно распространяться на всю голову, затем перешла в руки, а потом в ноги через тело. От этого начали гудеть точки юн-цюань, и возникла пульсирующая волна, поднимающаяся по ногам, по спине обратно в голову, через руки, и получилось как бы две встречные пульсирующие волны. В течение дня меня по-прежнему не покидали эти ощущения, я наслаждался тем, что могу их вызывать по своему желанию. Целый день меня не покидало чувство, будто я обрел нечто большое и ценное, но непонятное, что именно. От этого возникло ощущение, будто я знаю, что такое только что родиться и видеть мир таким, какой он есть.

P.S. Эти строки заставили меня пережить все заново. Учитель, вы очень хитры!»

А. Хазеев

В процитированных выше отрывках из писем и записей моих учеников приводится самый разный опыт. Кто-то неожиданно для себя обретает способность видеть заболевания и осуществлять бесконтактную диагностику, кто-то погружа-

ется в поток целительных и омолаживающих оргазмических ощущений, вызванных произвольным перемещением по телу сексуальной энергии, кому-то открывается техника аутодвижений и бесконтрольных ударов.

Многие люди, читая наши книги, полагают, что для них, в их обыденной жизни, нереально пережить ощущения, подобные описанным в серии «Путь Шоу-Дао», или считают психотехники Бессмертных чем-то сверхсложным и недоступным. Опыт моих учеников доказывает, что это не так. Большая часть техник Спокойных не является чем-то сложной или недоступной. Эти техники были разработаны в рамках совершенно особого мировоззрения, в рамках чуждой европейскому мышлению культуры, и они

охватывают сферу знаний, действий и ощущений, с которой современный человек практически не сталкивается, так же как средневековые китайцы не могли даже подозревать о том, что когда-то будет существовать мир компьютеров и информатики.

Постижение граней учения Шоу-Дао — это путь к расширению европейской модели мира, путь к обретению новых способов восприятия, новых возможностей общения с окружающим миром и с самим собой. Я уже не раз упоминал о том, что модель мира — это то, как человек видит мир, то, как его сознание этот мир отражает.

Модель мира определяет способность человека к адаптации, к выживанию, к саморазвитию. Каждая модель имеет свои сильные и слабые стороны. Европейская модель мира имеет свои специфические черты, свои плюсы и минусы. Для европейской модели мира в первую очередь характерно развитие интеллекта, логики, профессиональных навыков, агрессивного и потребительского стиля жизни.

С другой стороны, сфера эмоций и чувств у европейцев развита в значительно меньшей степени. Они не способны контролировать свою эмоциональную сферу, не способны использовать свои чувства так же эффективно, как они используют интеллект. Нередко это приводит к непониманию себя, к неумению осознать свои истинные потребности, к боязни испытать разочарование, боль, страх или любовь, к непониманию того, что такое счастье, и, в итоге, к неумению полноценно наслаждаться жизнью.

Изучение психотехник Шоу-Дао может восполнить этот пробел, открыв изучающему их горизонты новых знаний, удивительных возможностей, неведомых и прекрасных ощущений. Каждый может вступить на путь Спокойных. Ваше путешествие в бескрайний мир человеческой психики будет волнующим и прекрасным.

Желаю удачи на этом пути!

А. Н. Медведев

ВВЕДЕНИЕ

Любовь к народной медицине и, в первую очередь, к травяной мне привил отец. С самого раннего детства он приучал меня отыскивать съедобные дикорастущие растения, объяснял, как их использовать в качестве приманки для живых или рыб. Так, для прикормки карпа он добавлял в пшённую кашу или в комбикорм растёртую коноплю. Даже если не было каши, связанные в небольшие снопики и предварительно побитые прутиком пучки конопля, брошенные в воду в районе предполагаемого места рыбалки, обеспечивали хороший клёв.

Отец научил меня утолять голод зелёной колючкой, и оказалось, что это столь неприглядное с виду растение, очищенное от кожуры, по вкусу напоминает морковь.

Вообще народная медицина была неотъемлемой частью жизни всех моих многочисленных родственников по отцовской линии.

Как я уже упоминал, отец родился в семье рабочего Аджимушкайской каменоломни и рос в условиях крайней нищеты. У него было шестнадцать братьев и сестёр. С раннего детства отец начал трудиться в каменоломне и к шестнадцати годам заработал более десяти грив.

Для детей, подраставших в выдолбленных в известняке пещерах или в маленьких покосившихся хижинах, для лю дей, ежедневно ведущих тяжкую борьбу за существование, окружающий мир составлял единое целое с их жизнью. Море, степь и камни давали им пищу и кров. Когда их не мог про кормить камень, кормили море или степь. Любой мальчишка умел ловить рыбу, собирать раковины или использовать кам ку* для набивки матрасов. Дети знали, где найти глину «кил», заменяющую мыло, где в степи можно выкопать съедобные корешки, как поймать и приготовить грызуна, ёжика или змею.

* Камка — водоросли, выброшенные на берег.

И, естественно, каждый аджимушкаец обладал необходимыми навыками врачевания и оказания первой помощи. Болезни лечили тем, что подворачивалось под руку. Лекарства из аптеки были слишком дороги.

У тебя заболел живот по непонятной причине? Так плесни на него холодной воды и массируй его небольшими круговыми движениями по часовой стрелке, чередуя массаж и обливание холодной водой до тех пор, пока боль не утихнет.

Обгорел на солнце — приложи выжимку из трав или на мажь кожу кислым молоком (сейчас крымчане часто используют зуют для смягчения обожжённой солнцем кожи огурцы, но в то время потратили бы подобным образом огурец было непозволительной роскошью — ведь его можно было съесть).

Почти все женщины Аджимушкая и соседнего посёлка каменотёсов — Скалы — были знахарками, и одной из причин этого оказались дикие ритуалы каменных боёв, ставших традицией в этих местах.

«Каменный бой» села Аджимушкai — был уникальным зрелищем, сочетающим в себе искусство владения камнем и варварский ритуал массовых побоищ.

Кулачные бои и традиции драться «стенка на стенку» были распространены в России повсеместно, но во время подобных схваток бойцы обычно не получали слишком серьёзных или смертельных травм. В случае «каменных боёв» тяжёлые травмы были обычным явлением. Вероятно, подобная жестокость была обусловлена самим характером социума, сложившегося в аджимушкaiском районе. Эта область Крыма стала своеобразной вольницей, в которой находили приют и убежище беглые каторжники, крепостные, сбежавшие от помещиков, и прочий вольный и разношерстный приличный люд. Из русских, французов, украинцев, итальянцев, греков, белорусов и караимов стало складываться особое сообщество резчиков камня.

Большинство резчиков жило в «скалах» и называло себя скалянами. «Скалами» именовались монолиты известняка, в которых вырезались обширные ниши для жилья. Вход в жильё закладывался штучным камнем, затем вставлялись двери, а вместо оконных стёкол использовался надутый бычий мочевой пузырь, через который в жилище проникал тусклый свет.

Камень для скалян был самой жизнью. Он давал им хлеб, кров, служил оружием. С помощью камней охотились на морских птиц, защищали свою жизнь и честь, решали споры. Народный обычай «воевать» камнями появился в XVIII веке.

Бои камнями проводились, как правило, в праздничные и выходные дни

и служили своего рода кровавым развлечением. Зачинатели боя — пацаны-застрельщики, «гостевые» или «пришлые», — вихрем врываются на улицы посёлка или района «хозяев» и бросали камнями во всё, что могло разбиться, побуждая тем самым жителей села к ответным действиям. «Хозяева» без труда отгоняли застрельщиков, но к ним на помощь тут же приходила первая волна «гостей» по старше и поопытнее. Самые умелые бойцы вступали в схватку лишь в разгаре сражения, а то и ближе к его концу. Выигравшей считалась сторона, загнавшая противника в его собственные жилища. Иногда, по обоюдному согласию сторон, бой заканчивался вничью.

По предварительной договорённости бой мог проходить и на нейтральной территории, а мог начаться и рыцарской дуэлью лучших метателей камней, за которой, затаив дыхание, следили обе стороны. Правила запрещали бросать камни в упавшего человека или избивать его, предписывали не целиться в голову, запрещались рукопашные схватки. Но, не смотря на запреты, эта варварская забава многих оставляла калеками. Нередко случались и смертельные исходы.

Отец, сам принимавший участие в «каменных боях», рассказывал мне, с какой горечью переживали односельчане смерть красавца-грека Кристофора, случайно убитого во время одного из боёв.

К концу XIX и в начале XX века «каменная забава» распространилась далеко за пределы каменоломен. Дрались не только скаляне и аджимушкайцы, в бой вступили жители других районов Керчи: Горок, Глинки, Завода... Забывая собственные распри, они не раз объединялись в честолубивой, но бесплодной надежде одержать верх над аджимушкайцами. Среди них были исключительно опытные и искусные бойцы, способные в одиночку сдерживать натиск десятков человек.

Боец, владеющий искусством каменного боя, мог метнуть камень весом от 50 до 300 граммов в цель, удалённую на расстояние до 60 метров, а иногда и далее. Также он обладал способностью, практически стоя на месте, оставаться неуязвимым под градом камней, как используя техники уклонения, так и отражая камни противников небольшой каменной пластинкой — плашкой.

Естественно, что подобное мастерство приобреталось через боль и кровь. Когда очередной «каменный бой» завершался, женщины со стонами и причитаниями растаскивали по домам избитых и искалеченных мужчин. Теперь от них требовалось знахарское искусство. Женщины лечили раненых, останавливали хлещущую кровь, кто заговором, кто тушкой лягушки с предварительно содранной кожей, кто настоями из местных трав, кто компрессами, сделанными из глины.

Местный арсенал трав у степных знахарей был весьма ограничен, и в случаях тяжёлых травм или заболеваний не сколько человек специально отряжались за травами в Крымские горы. Шли они пешком, и дорога вместе с поиском трав обычно занимала около двух недель.

Степные знахари широко использовали разнообразные глины, применяя их как для приёма внутрь, так и для наложения. Девушки аджимушкайских степей задолго до появления рекламы, пропагандирующей уникальные косметические свойства масок, имеющих в своей основе целебные грязи или каолиновые глины, прекрасно знали, как благотворно действует на кожу «кил» или целебные морские грязи.

Для лечения широко использовались и ресурсы самого Керченского полуострова — грязи грязевых вулканов, воды целебных минеральных источников и рапа соляных озёр.

С раннего детства сопровождая отца в его непрерывных походах на

охоту или на рыбалку, я, как губка, впитывал знания аджимушкайских целителей, которыми он щедро со мной делился. Отец приучил меня к жизни на лоне дикой природы, что впоследствии очень пригодилось мне при изучении Шоу-Дао. Помню, как, учась в школе, я с удивлением узнавал, что есть люди, не умеющие развести огонь без спичек, не представляющие, что в качестве топлива можно использовать кизяк — высушенные солнцем коровьи лепёшки, не способные выпотрошить змею или не знающие, что такое кресало.

Я быстро научился различать целебные травы и выяснил, что почти любая травка, скромно растущая у дороги, может для чего-либо пригодиться. Меня удивило, что, в зависимости от дозировки, травы могут производить совершенно противоположный эффект. Так, разные дозы семян конского каштана могли излечивать как запор, так и понос.

Сестры и братья отца, в гости к которым я регулярно приезжал во время каникул, также пополняли запас моих знаний. Так от тёти Маши, живущей в Керчи, я узнал, какие заболевания излечивает плов из мидий, для чего полезны бычки — небольшие головастые морские рыбки, и другие тайны целительных снадобий, в первую очередь связанных с дарами моря.

Другой брат отца — дядя Федя, живущий в селе Фонтан, расположенном на Керченском полуострове, и уже переваливший за восьмидесятилетний рубеж, — был активным практикующим знахарем. С одинаковой эффективностью он лечил и людей, и скот. Дядя Федя лечил травами, навозом, водорослями, глинами, илом — всем подряд.

Отпуск у отца был долгим, два с лишним месяца, и на какое-то время мы неизменно приезжали пожить к дяде Феде. В свой первый приезд я застал в окрестностях села Фонтан ещё не тронутую железной лапой цивилизации настоящую дикую степь, где под дуновением ветра шелковисто колыхались первозданные травы. Мне даже посчастливилось увидеть детёнышей огромных редчайших птиц, которые в настоящее время почти исчезли.

В погожие ночи мы с отцом ночевали на копне, вдыхая ароматы подсыхающих трав и любясь огромными крымскими звёздами.

Вечерами взрослые собирались во дворе, пришедшие в гости соседи рассаживались за грубо сколоченным деревянным столом, и наступало время песен. Русские песни сменялись украинскими. Пели слаженно, хорошо, с душой, и чарующая мелодичность и душевность народных песен глубоко запали мне в душу.

Односельчане и жители соседних сёл часто обращались к дяде Феде за помощью. По ряду причин крестьяне не слишком доверяли местным врачам, а стандартный набор лекарств, находящийся в каждом доме и обычно состоящий из йода, зелёнки, бинтов, аспирина и анальгина, часто оказывался недостаточным.

Помню, как на меня произвело неизгладимое впечатление лечение, которое прописал мой дядя одному из пациентов, жаловавшемуся на ревматизм.

На заднем дворе дяди Феди была вырыта яма, заполненная специально подготовленным навозом. Несчастный больной регулярно отсиживал в этой яме положенное время, как объяснил Фёдор, прогреваясь.

Я регулярно забегал на задний двор, любясь на раскрасневшееся, страдающее лицо пациента. Лечение было не слишком приятным, скорее даже мучительным, но главное, что ревматизм в конце концов прошёл.

К моему удивлению, находились и другие желающие подлечиться в навозной яме, и иногда в ней одновременно сидели даже два крестьянина.

Дядя Федя был ещё и очень азартным человеком. Одним из его

основных увлечений было уничтожение мух, и он вкладывал в это занятие больше страсти, чем Глеб Жеглов в борьбу с бандой «Чёрная кошка».

Надо признать, что на дворе у дяди Феди мух действовало тельно было много, слишком много. Они обильно плодились и размножались на тёплых просторах навозной ямы, но, по скольку избавиться от столь ценного аппарата для физиотерапии дядя Федя не мог, нам оставалось одно — нещадно бороться с крылатыми и жужжащими интервентами.

С подачи дяди Феди я вооружился венгеркой (это то неенькая круглая резинка, идеально подходящая для расправы с мухами) и каждый день проводил часы, прицельно от щёлкивая насекомых, беспечно присевших отдохнуть на за литу солнцем стену дома. Последствием моей охоты стали сотни крошечных тёмных пятнышек, украсивших белёную стену, но дядя Федя был доволен.

— Настоящий боец растёт! — одобрительно говаривал он, ласково похлопывая меня по макушке. — Сразу видна наша порода, Медведевская!

Однако бороться венгеркой против мух было всё равно что пытаться остановить полчища саранчи при помощи детского сачка, и дядя Федя решил применить более совершенное оружие массового уничтожения, а именно отравляющие вещества.

Налив в металлическую миску свежего молока, дядя Федя для вкуса добавлял в него сахара, а потом щедрой рукой подливал туда какой-то мушиный яд. Миску с отравленным молоком дядя Федя ставил на землю во дворе, затем он выносил из дома два стула, мы усаживались в теньке и принимались с интересом наблюдать за мучительным концом представителей враждебного крылатого племени.

Муха подлетала, пикировала на край миски, затем остро рожно спускалась к молоку и, слегка помешкав, принималась увлечённо хлебать сладкую отраву. Затем с ней начинало твориться нечто невообразимое. Стартующей ракетой муха срывалась с места и, отчаянно гудя, принималась кружиться, метаться во всех направлениях, как крошечный чёрный фейерверк, ricochetирующий в стенах тесного помещения. После краткой, но выразительной агонии муха падала на землю и, подражав лапками, затихала навсегда.

Дядя Федя с неослабевающим вниманием мог в течение долгих часов наблюдать за этим причудливым предсмертным танцем. При этом он, ерзая от возбуждения на стуле и потирая руки от удовольствия, с азартом комментировал происходящее. Звучало это примерно так:

— Смотри, смотри, летит! Села, смотри, пьёт! Во даёт! У, как её, родимую, развезло! То-то! Будешь знать! Смотри! Ещё одна...

Так продолжалось целый день.

Меня во всей этой процедуре занимал не столько процесс уничтожения мух, сколько наблюдение за дядей Федей. Меня поражало, сколько самого неподдельного наслаждения ухитрялся извлекать этот крепкий восьмидесятилетний старик из, казалось бы, самого немудрёного дела.

Ещё одной из моих первых наставниц народной медицины стала тётя Маша. Хотя она была тёзкой моей настоящей тёти Маши из Керчи, эта тётя Маша не была моей родственницей. Знахарка тётя Маша жила в селе Пионерское. В течение нескольких лет мама снимала комнату в её доме, чтобы вывозить меня на лоно природы, хотя в том, что мама выбирала Пионерское, тоже был свой особый расчёт.

Чтобы на деле продемонстрировать детям радость коллективного социалистического труда, в крымских школах даже для учеников младших

и средних классов ввели требование проводить от нескольких дней до нескольких недель летних каникул в трудовых лагерях, где дети одновременно бы и отдыхали, и трудились на благо общества, выполняя какие-либо нехитрые сельскохозяйственные работы, вроде сбора фруктов или ягод или прополки огородов.

В качестве альтернативы трудовому лагерю я мог отбыть трудовую повинность в каком-нибудь совхозе или колхозе, и мои родители должны были отнести в школу справку о том, что я честно отработал необходимое количество часов.

Рядом с Пионерским находился совхоз, выращивающий чайные розы, но не для продажи, а для заготовки розовых лепестков. Многие москвичи даже не слышали о том, что существует варенье из розовых лепестков. Не знаю, как сей час обстоят дела на Украине, но в то время, когда Крым ещё был частью территории Советского Союза, варенье из розовых лепестков продавалось там почти повсеместно. Розовые лепестки обладали многими лечебными свойствами, в частности, розовым вареньем можно было вылечить многие воспалительные заболевания полости рта, если по нескольку раз в день держать его в течение двадцати-тридцати минут во рту на месте воспаления.

Итак, мама договаривалась в совхозе, что я буду заниматься сбором лепестков и совхоз даст мне справку для школы.

На сборе лепестков работали и другие дети из Пионерского, зарабатывая деньги на карманные расходы. В отличие от меня, они давно успели наловчиться в этом не слишком простом деле, и сельская детвора всю смеялась над неуклюжим горожанином, утверждая, что с такой сноровкой я и за год дневную норму не выполню. Впрочем, местные ребята оказались очень дружелюбными и приятными, мы сразу нашли общий язык, и они сообщали помоги мне выполнять норму, подбрасывая собранные ими лепестки в мои мешки.

Как говорится: «с миру по нитке, голому на рубашку». Так и получалось. С помощью деревенских друзей я выполнял норму примерно за час, а затем можно было найти себе гораздо более увлекательное занятие.

Пионерское навсегда запомнилось мне очарованием благоухающей плантации, расцветшей яркими красками цветущих роз, вечно исцарапанными руками, весёлыми забавами с друзьями. Там я, школьник, недавно закончивший третий класс, получил свою первую зарплату, которую я с гордостью вручил матери.

Ещё одним способом подработки был сбор тысячелистника — лекарственной травы, покрывающей склоны высоких холмов вокруг села.

Нашим любимым развлечением были рыбалка и купание в Скалке — быстрой горной речушке, перегороденной небольшой самодельной плотиной, сложенной из камней, чтобы можно было купаться.

Чтобы не тратить время, сидя на берегу с удочками в руках, мы ловили рыбу менее трудоёмким способом: на дно стеклянной банки мы клали кусочек хлебushка, горловина банки завязывалась марлей, а в марле проделывалась дырочка, заплыв через которую, мелкая рыбка уже не могла выбраться обратно.

В банку обычно попадались пескари, цыганочки и прочая пресноводная мелочь. Я так и не узнал, как по-научному называются «цыганочки», но это имя удивительно подходило небольшой рыбке с полными красными губками и игривым выражением на морде, узоры которой напоминали кокетливые серёжки.

Ещё одним повальным увлечением деревенских ребят была

дрессировка и выкармливание галчат. Галки были уди вительно умными птицами, а один галчонок так привязался ко мне, что в течение нескольких лет, когда я возвращался летом в Пионерское, он, уже будучи взрослой серьёзной птицей, узнавал меня, с приветственными криками кружился надо мной, садился мне на плечо или летел рядом, сопровождая меня во время прогулок.

Моё ежедневное пробуждение в доме знахарки тёти Маши неизменно сопровождалось шумом работающего се паратора, отделяющего фракцию за фракцией от жирного свежесвыдоенного молока.

Открывая глаза, я с наслаждением вдыхал ароматы под сохнущих лекарственных трав, которыми пропиталась вся изба.

Тётя Маша научила меня заготавливать травы впрок. Она тоже лечила и людей, и скот. Каждое растение она называла по-своему, так, как называли его её мать и бабушка. Так, тысячелистник она называла кашкой. Растения тётя Маша сушила в основном на чердаке. Процесс заготовки трав и изготовления лекарственных препаратов так понравился мне, что я сразу же стал добровольным помощником знахарки.

Я учился правильно развешивать пучки трав, измельчать растения, делать настои на воде или на спирту.

Там же, в Пионерском, я впервые начал записывать рецепты народной медицины. Я узнал такие важные вещи, как разными способами снимать похмелье, как правильно вызвать рвоту или снять неприятные последствия солнечного удара и т. д.

Шли годы, мои конспекты пополнялись новыми редкими рецептами. Я понял разницу между рецептами, прочитанными в книгах о траволечении, и между рецептами, используемыми действительно хорошими потомственными целителями.

Каждый талантливый знахарь, каждый хороший целитель вносил в приготовление лекарства свои собственные нюансы, которые во многих случаях и обеспечивали эффективность лечения. К своему удивлению, я понял, что один и тот же рецепт в одних случаях приносит больному существенное облегчение, а в других, совершенно аналогичных, случаях он может быть непригоден.

Вся эта подготовка оказалась прекрасной базой, на основе которой мне было легко осваивать новые, непривычные, но удивительно интересные и эффективные методики лечения Спокойных, показанные мне Учителем.

ГЛАВА 1

Зина, одна из учениц, записавшихся на семинар по Шоу-Дао, в первый же день нашего знакомства пожаловалась, что в её характере есть множество черт, которые мешают ей жить и с которыми она не в силах справиться.

— Что беспокоит тебя больше всего? — спросил я.

— Страх, — сказала девушка. — Я постоянно испытываю страх.

— Ты боишься чего-то конкретного?

— Иногда да, иногда нет, — ответила Зина. — В действительности мне не угрожает никакая реальная опасность, но какой-то трудно определимый иррациональный страх в той или иной форме постоянно присутствует во мне, проявляясь иногда в виде нервозности или беспокойства по поводам, которые того не стоят, а иногда в иных формах. Бывает, что тревожность

мешает мне заснуть или не дает сосредоточиться на выполняемой задаче.

Мне были знакомы эти разновидности иррационально го страха. В той или иной форме они присущи каждому чело веку, и Учитель безжалостно указывал мне на малейшие про явления подобных чувств в моем характере.

Однажды во время очередной полуночной прогулки по городу я затронул тему качеств характера, мешающих лично стному росту человека.

— Не имеет смысла говорить о каком-то абстрактном «человеке», — резко оборвал меня Ли. — Это обобщение слишком удобно для тебя, поскольку позволяет критиковать других, самому оставаясь в стороне.

— Я вовсе не критикую других, — попытался оправ данься я. — Я прекрасно знаю, что обладаю массой недостат ков.

— Дело не в том, что ты признаешь, что имеешь недо статки, — еще более жестким тоном сказал Учитель. — Толь-ко круглый дурак считает себя совершенным. Все обстоит гораздо хуже. Ты болен, и твоя болезнь почти безнадежна. Ли замолчал, выдерживая драматическую паузу. Его чересчур серьезный тон слегка напугал меня. Не понимая, что именно он имеет в виду, я, как утопающий за соломинку, уцепился за спасительное слово «почти».

Этот разговор произошел в первые месяцы моего уче ничества, и я, еще не слишком хорошо знакомый с характе ром и психологическими приемами Учителя, иногда реаги ровал на его действия слишком бурно.

— Ты хочешь сказать, что у меня какое-то серьезное за болевание? — на всякий случай поспешил уточнить я.

— Ты болен физически, но, что гораздо хуже, ты, как и все европейцы, болен духовно.

Слова «все европейцы» окончательно меня успокоили.

— Пару минут назад ты отругал меня за склонность к обобщениям, — улыбнулся я. — Говоря «все европейцы», ты подразумеваешь меня?

— Говоря «все европейцы», я подразумеваю всех евро пейцев, за, возможно, крайне редкими исключениями, хотя мне еще не доводилось встретить ни одного европейца, здо рового во всех отношениях, — сказал Учитель.

— Я чувствую, что в данном случае ты вкладываешь в понятие «болезнь» какой-то особый смысл, — заметил я. — Что ты имеешь в виду?

— Для воина жизни болезнью является любое свиде тельство отсутствия гармонии как в циркуляции энергии и естественном функционировании организма, так и в прояв лениях человеческого духа. Поэтому Спокойные считают болезнью все, начиная от невоспитанности и вспыльчивого характера и кончая плохим настроением и неумением радо ваться жизни, — заявил Ли.

Я задумался. С одной стороны, подобная концепция ка залась весьма заманчивой и вызывала отклик в моей душе, но, с другой стороны, само слово «болезнь», возможно из-за того, что моя мать была инвалидом первой группы и почти двадцать лет болела раком, вызывала у меня слишком непри ятные ассоциации. Несмотря на негибемый характер и край не выраженную волю к жизни, мать постоянно испытывала почти невыносимые страдания. После нескольких операций она с трудом передвигалась по дому, не могла даже сидеть на стуле, время от времени теряла сознание и, выполняя про стую домашнюю работу, периодически испускала глубокие исполненные муки стоны. Я привык к этим стонам и не обра щал на них внимания, но, конечно, подобная обстановка не могла не сказаться особым образом на моей психике. Я вдруг понял, что упоминание слова «болезнь» пробуждает во мне подсознательный страх, на который я раньше никогда не

обращал внимания.

Как откровение, я неожиданно осознал причину моего столь глубокого интереса к народной медицине, к знахарству и нетрадиционным методам лечения. В основе этого интереса лежал с детства глубоко запрятанный страх и желание выжить любой ценой, победить болезнь, если она вдруг застигнет меня врасплох, так, как она застигла врасплох мою мать.

Затем ко мне пришло еще одно воспоминание. Я учился в девятой английской спецшколе. Эта школа считалась при вилегированной и выгодно отличалась от других школ качеством преподавания. Однако, с моей точки зрения, качество преподавания не слишком влияло на детей, в большинстве своем типичных лоботрясов, предпочитающих заполнять свой досуг чем угодно, от спекуляции марками до драк на танц площадках, лишь бы не грязить гранит науки.

Тем не менее уровень школы отразился на поступаемости в высшие учебные заведения, и почти все ученики моего класса, за исключением одного-двух, поступили в университеты и институты.

Сейчас я вспомнил, какой ужас охватил меня, когда я неожиданно узнал, что около восьмидесяти процентов моих соклассников поступили в симферопольский медицинский институт. Отчасти это было связано с тем, что родственники многих из них имели какое-то отношение к медицине, и детишки сле довали проторенными путями по стопам предков, заодно используя так широко распространенные в провинции личные связи.

Раньше я особо не задумывался о личности врачей, которые меня лечат. Врач был для меня авторитетом, и я наивно полагал, что, если ему удалось закончить медицинский вуз, он должен быть специалистом в своем деле. Однако теперь все изменилось. Теперь врачами должны были стать мои лоботрясы-одноклассники, и я прекрасно понимал, что их реальный уровень знаний отнюдь не соответствовал завышенным оценкам, которые им ставила школа. Я мог спокойно допустить, что из них получатся посредственные инженеры или экономисты, но ошибки инженеров или экономистов не угрожали моему здоровью или здоровью моих близких. Однако посредственный врач даже при самых наилучших намерениях мог совершить ошибку, которую впоследствии было бы слишком трудно, если не невозможно, исправить.

Итак, теперь я знал, кто собирается меня лечить, и при мысли о том, какого рода будет это лечение, меня охватил ужас. Я дал себе торжественную клятву, что шесть лет спустя, когда мои одноклассники закончат медицинский институт, я не буду обращаться к врачам.

Конечно, я сам понимал, что давать подобное обещание просто смешно, поскольку вряд ли врач, к которому я когда-либо попаду, окажется моим одноклассником, и, кроме того, было очевидно, что большая часть студентов медицинских вузов были такими же лоботрясами, как и мои школьные приятели, так что определять срок в шесть лет было просто абсурдно, но я в то время был почти школьником, я еще не встретил Учителя, и дал себе эту забавную клятву, скорее следуя на поводу эмоций, чем повинаясь доводам рассудка.

— Вернись к реальности, мой маленький брат, — услышал я насмешливый голос Ли.

Я встряхнулся, удивляясь самому себе. Воспоминания так захватили меня, что я забыл, что делаю и где нахожусь. Было уже за полночь. Маленькие тихие улочки, по которым мы шли, были пусты. Откуда-то издали доносились заливыстый и нервный собачий лай. Я вернулся к реальности в полном смысле этого слова. Я ощутил на своей коже

ласкающую влажность южной ночи. Прозрачный свет луны, запутавшийся в кронах деревьев, создавал удивительную и причудливую картину игры света и тени. Облупившиеся стены домов в темноте казались древними стенами средневековых крепостей.

Я шагнул в сумрак ночи рядом с самым загадочным в мире человеком, мудрым носителем удивительного древнего и в то же время столь современного знания. Я вспомнил слова Учителя о том, что болезнь — это отсутствие гармонии и что Спокойные считают болезнью все, начиная от невосприимчивости и вспыльчивого характера и кончая плохим настроением и неумением радоваться жизни.

Сейчас эти слова стали частью меня. Я подумал, с каким искусством Ли выбирает место и время для своих наставлений. Теплая крымская ночь была полна покоя и гармонии. Даже собачий лай вписывался в этот покой, добавляя в него особую ноту очарования жизни. В такую ночь мне не хотелось быть вспыльчивым, боязливым или нетерпеливым. Я хотел быть таким же естественным и спокойным, как эта улица, как этот влажный неподвижный воздух, как эти деревья, неподвижно застывшие в лунном свете, как Учитель, шагающий рядом со мной.

Что-то неумовимо изменилось во мне. Я вдруг понял, что слово «болезнь» поменяло для меня свой глубинный внутренний смысл. Действительно, болезнь могла быть ужасной, как, например, рак, но почему-то это больше меня не беспокоило. Я подумал, что рак — это тоже отсутствие гармонии, но теперь я был почти уверен, что однажды я постигну искусство восстановления внутреннего равновесия, и тогда рак станет для меня вещью не более страшной, чем вспыльчивость или лень.

Я с благодарностью посмотрел на Учителя. По выражению его лица было очевидно, что он прекрасно осведомлен обо всех моих внутренних переживаниях и трансформациях.

— Твоим преимуществом является то, что, хотя ты легко теряешь устойчивость, ты с такой же легкостью восстанавливаешь ее, — улыбнулся он, и в его взгляде я прочитал одобрение. — Когда-нибудь ты постигнешь искусство балансировать на спине ветра, и когда-нибудь ты поймешь, что болезнь — это дар, которым судьба награждает Следующего по Пути.

Истины, поскольку лишь отсутствие гармонии напоминает тебе о том, что гармония существует. Воины жизни используют болезнь как упражнение, и жизнь предоставляет им множество возможностей упражняться и совершенствовать свое искусство существования и выживания в этом прекрасном мире. Если ты будешь относиться к болезни как к несчастью, которое ослабляет тебя и лишает тебя радостей жизни, ты так или иначе проиграешь, но если ты научишься воспринимать болезнь как упражнение, дающее тебе новый опыт, знания и силы в твоём путешествии по жизни, ты станешь и сильнее, и мудрее.

— С чего я должен начать, чтобы искоренить свои болезни? — спросил я.

— О болезнях физических мы еще поговорим, — ответил Ли. — Сейчас твоя задача — позаботиться о болезнях духа.

— Я сделаю все, что ты скажешь, — с готовностью откликнулся я.

— Не думай, что все так просто, — сказал Учитель. — Самая большая сложность в излечении болезней духа, болезней характера — это то, что ты их не замечаешь, или то, что ты замечаешь лишь некоторые детали, упуская из виду самое главное.

— Думаю, что я достаточно критичен по отношению к себе, — сказал я. — Я не стараюсь казаться лучше, чем я есть, и открыто признаю свои

недостатки.

— Какие дифирамбы самому себе! — усмехнулся Учитель. — Судя по твоему последнему высказыванию, трудно поверить, что ты чересчур критично настроен по отношению к самому себе. Но это нормально для европейца. Европейцы никогда не видят свое истинное лицо. Они считают себя либо богами, либо улитками.

— Я не считаю себя ни богом, ни улиткой, — возразил я.

— Ты понимаешь, о чем я говорю, — отрезал Ли. — Европейец смотрит в зеркало своего «я» и видит себя или прекрасным принцем, или гадким утенком, который никогда не превратится в белоснежного лебедя.

В душе я знал, что он прав, и мне вдруг захотелось по нять, кем я представляю себя — принцем или гадким утенком. Я вынужден был признать, что, действительно, иногда завишаю свои положительные качества, но бывают моменты, когда я теряю уверенность в себе и вижу себя скорее в черном, чем в розовом свете.

— Ты хочешь сказать, что европейец всегда видит себя или принцем, или гадким утенком? — спросил я. — В моем случае нельзя сказать, чтобы я склонялся к одной из этих крайностей.

— Так происходит всегда, — подтвердил Учитель, — но тут есть еще одна маленькая деталь. Ты думаешь, что европейец — это единая и неделимая личность, которая знает, что она собой представляет и чего она хочет. В действительности это не так. Личность европейца вмещает в себя множество сущностей. О существовании некоторых из них она догадывается, но о присутствии других она даже не отдает себе отчета.

— Ты хочешь сказать, что во мне живет несколько сущностей, о которых я ничего не знаю? — удивился я.

— Их больше, чем ты можешь себе представить, — усмехнулся Ли.

— А в тебе тоже присутствуют разные сущности? — зажигаясь энтузиазмом от новой неизвестной мне темы, поинтересовался я.

— Во мне тоже есть разные сущности, и ты неоднократно был свидетелем их проявления, но разница в том, что мои внутренние сущности осознаны, познаны, приручены и объединены в одно целое. Теперь они едины в своей гармонии, но в случае необходимости я могу выделить одну или несколько из них для того, чтобы они выполняли свои задачи.

— А когда я видел твои сущности? — спросил я.

— С одной из них ты познакомился, когда я впервые демонстрировал тебе технику прыжков, — хитро улыбнулся Учитель. — Помнится, она произвела на тебя неизгладимое впечатление.

«Неизгладимое» — это было еще слабо сказано. Я вспомнил, как крик и действия Ли буквально вывернули меня наизнанку, сжигая и вырывая внутренности и мозг, и что был момент, когда я всерьез принял его за инопланетное существо. Но мне никогда не приходило в голову, что то, что я видел, не было Учителем, вернее, было одной из неведомых мне сущностей, живущих в его теле.

— Расскажи мне подробнее о сущностях, — с загоревшимся взглядом попросил я. Ли усмехнулся.

— В свое время мы обсудим и это, — сказал он. — Сей час мы должны заняться другими делами. Мы слишком отклонились от темы. Пора вернуться к болезням души и поговорить конкретно о тебе.

— Как скажешь, — с легким разочарованием согласился я.

— По-моему, кто-то здесь заявил, что открыто признает свои недостатки, — усмехнулся Учитель. — Перечисли мне их.

Это предложение не вызвало во мне энтузиазма. Конечно, я мог много

чего порассказать о себе, но произошла странная вещь — когда я думал о своих недостатках, какая-то часть меня признавала, что они у меня есть, но другая часть упорно настаивала на том, что это совсем не так и что я лишь хочу назвать какие-то качества, чтобы выполнить распоряжение Ли, но что в сущности эти заявления будут ложью.

Еще одна часть сознания пассивно регистрировала этот странный внутренний диалог, не принимая ничью сторону.

— А ведь Учитель был прав насчет сущностей, живущих в нас, — с удивлением понял я, прислушиваясь к спорящим внутри меня голосам. Что же я тогда представляю из себя, и как я могу разобраться, что правильно, а что нет?

Время шло, и мне надо было отвечать.

— Наверное, я ленив, — не слишком искренне начал я, — иногда я бываю излишне самоуверен, а иногда — не слишком уверен в себе...

— Хватит, — резко оборвал меня Ли. — Ты сам не вешишь в то, что говоришь!

— Я стараюсь быть правдивым, — сказал я, — но только сейчас я понял, что у меня нет критерия истины. Иногда я действительно бываю ленив, но иногда я работаю и тренируюсь как проклятый. Что-то во мне считает меня ленивым, но другая часть меня утверждает, что это не так. То же самое с остальными качествами. Иногда они проявляются в одной форме, иногда в другой.

Учитель успокаивающим жестом похлопал меня по плечу.

— Рано или поздно мы все проходим через это, — сказал он. — Теперь ты сам видишь, насколько трудно трезво оценить себя самого. Как я и говорил, ты замечаешь лишь некоторые детали, упуская из вида самое главное.

— Я могу каким-либо образом выправить положение вещей и начать оценивать себя и свои действия объективно? — спросил я.

— Для этого тебе придется развить одну из своих сущностей — внутреннего стража, — сказал Ли. — А пока я сам расскажу тебе о твоих недостатках.

Лицо Учителя стало жестким и суровым. Он заговорил сухим и отстраненным тоном, и его слова отпечатывались в моей душе, как молот на раскаленном железе.

— Ты не имеешь стабильности, — говорил он. — Во всех своих действиях ты или излишне пассивен, или слишком перегибаешь палку. Ты излишне стеснителен, в тебе присутствует скрытая агрессивность, ты мгновенно переходишь к исполнению задуманного, не потрудившись трезво оценить ситуацию, тебе свойственны мгновенные выбросы неконтролируемой ярости, когда обстоятельства или какой-то человек подводят тебя к определенному пределу. Ты излишне доверчив и излишне наивен, ты бываешь ленив, но иногда затрачиваешь слишком много усилий на вещи, которые того не стоят...

Учитель продолжал перечисление, и я понимал, что он прав. Сущности, таившиеся в моей душе, склонили головы перед его авторитетом.

Заметив мою унылую мину, Ли неожиданно разразился хохотом.

— Выше голову, мой несовершенный дружок! — воскликнул он. — Не забывай, что твои болезни — это твои преимущества, ведь, избавляясь от них, ты постепенно придешь к гармонии и совершенству.

— Долго же мне придется идти, — пессимистично заметил я.

— Главное — не забывай одну простую истину: священна дорога, а не

храм, — сказал Учитель.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Это один из афоризмов, принадлежащий Мудрой Свинье. Я уже как-то рассказывал тебе об этой Великой и Знаменитой Хрюшке. В образе Мудрой Свины сливаются воедино инь и ян, противоположные начала, и обычно в притчах Мудрая Свинья отвергает решения, основанные на «да» и «нет», предпочитая им срединный путь.

— Расскажи мне эту притчу! — попросил я.

— Она называется «Что помогло: дорога или храм?» — сказал Учитель.

Однажды Мудрая Свинья возвращалась домой после паломничества в один из храмов Индии и повстречала юношу, идущего в том же направлении. Они познакомились и завели беседу о путешествии, ведь всем известно, что даже короткий разговор сокращает путь.

Юноша стал рассказывать Свинье о чудодейственной силе стен храма, поклониться которому он ходил. Доста точно было кому-нибудь потереть ладонями камни стен, как все его желания тотчас исполнялись.

— Исполнились ли твои желания? — спросила Мудрая Свинья. — И чего ты хотел?

— Я просил здоровья, богатства и храбрости, так как именно этого мне всегда недоставало, — ответил юноша.

— Ну и как же ты их получил? — поинтересовалась Свинья.

— Дорога к храму была долгой и тяжелой, но ее тяготы закалили и укрепили мое тело, — ответил юноша и про должил свой рассказ: — Однажды, уже в Индии, мне по счастливилось найти большой кувшин с золотом, и я стал богатым. Когда же до храма оставалось всего три дня пути, на меня напали разбойники, но я превозмог свой страх и обратил их в бегство. Так я получил все, что пожелал.

— Как неразумно поступают люди, — заметила Мудрая Свинья. — Им надо было сделать священной дорогу, а не храм.

— Что может быть священного в дороге? — удивился юноша.

— А что исполнило твои желания — храм или все-таки дорога? — спросила Свинья.

— Ты хочешь сказать, что именно процесс избавления от болезней творит чудеса, а не то универсальное состояние, к которому ты стремишься, следуя по пути? — спросил я.

— Ты почти угадал, — подмигнул мне Ли. — Таково одно из толкований этой притчи. Основная ошибка людей, обращающихся к восточным учениям, — это то, что они ищут храм, который сделает их мудрыми и совершенными, но в своих поисках храма они забывают о дороге. Некоторые на зывают этот храм нирваной или самадхи, некоторые называют его просветлением или переходом на высший уровень со знания.

Люди думают, что они готовы пуститься в путь к этому волшебному храму, но и тут они ошибаются. Дорога к храму всегда перед ними, но они не видят ее или не хотят ее видеть. Поэтому они ищут Учителей, которые откроют им сокровенные тайны о том, как достигнуть храма без Дороги, или они ищут Школу, которая дарует им Мудрость. Они забывают, что для того, чтобы стать здоровым, нужно всего лишь перестать быть больным. Им неведомо, что в действительности лечит не храм, а дорога, и самая простая дорога к гармонии и со вершенству — это дорога Спокойствия, дорога плавного и постепенного избавления от болезней — как болезней тела, так и болезней духа.

— Но почему так происходит? — спросил я. — Ведь то, что ты сейчас объяснил мне, достаточно очевидно.

— Все дело в сущностях, таящихся в личности человека, — объяснил Учитель. — Каждая сущность хочет чего-то своего. В какие-то моменты человек думает, что желания этой сущности — это его собственные желания, но поскольку он не знает, что за сущность владеет им в данный момент, он ошибается в своих желаниях, он считает, что хочет одного, хотя на самом деле за этим желанием скрывается нечто со всем другое.

— Ты не мог бы объяснить поточнее? — попросил я.

— Возможно, ты встречался с людьми, которые всю жизнь мечтают о чем-то, но никогда этого не совершают, хотя в действительности это не так уж и сложно. Например, кто-то мечтает путешествовать, но все его мечты ограничиваются лишь редкими загородными прогулками, или мечтает изучать иностранный язык, но едва может произнести на нем «здравствуй».

— Знаешь, я вспомнил забавный пример на эту тему, — улыбнулся я. — Как-то я был в гостях у друзей в поселке под Белогорском и познакомился с человеком, который купил там дом, перебравшись в Крым откуда-то из русской глубинки. Этот человек рассказал мне, что он живет здесь уже семь лет и что его мечтой всегда было увидеть море, но дел все гда невпроворот — надо и работать, и достраивать и ремонт тировать дом и он так ни разу и не выбрался на море, но когда-нибудь в будущем, когда он закончит ремонт в доме и разберется с делами, он обязательно это сделает и тогда его мечта осуществится.

Слушая его, я вежливо поддакивал, несканзанно удивляясь про себя подобному феномену. Если бы мы находились в Сибири или на Урале, я бы мог понять, что он не имеет денег и времени для столь долгого путешествия. Но до моря было всего полчаса на автобусе, и мечту его жизни было не так уж трудно осуществить. Люди не переставали удивлять меня.

— Объясни, почему он так странно себя ведет? — за кончив рассказ, спросил я у Учителя.

— Для некоторых людей важнее иметь мечту, которую они когда-нибудь смогут осуществить, чем в действительно сти осуществить ее, — сказал Ли. — Возможно, его мечта увидеть море — это все, что у него есть. Одна из сущностей, живущих в нем, жаждет увидеть море, и эта жажда подпитывает у него желание жить и бороться за существование. Ви дишь, он даже переехал жить в Крым, поближе к морю. Эта сущность толкает его действовать в определенном направлении. Но есть и другая сущность, которая прекрасно знает, что стоит ему увидеть море, как из его жизни исчезнет после дня и иллюзия и она станет пустой и бессмысленной. Возможно, что эта вторая сущность — его страж, который за щищает его дух от потери иллюзий, хотя может быть и по-другому. Нам слишком мало известно о жизни этого человека.

Неожиданно на меня нахлынула глубокая печаль.

— Но ведь это же ужасно! — воскликнул я. — В его жизни действительно нет ничего, кроме постоянной работы. Я не представляю, как можно так жить.

— В его жизни есть надежда, — мягко произнес Учитель. — И в его жизни есть стремление. Надежда и стремление — это могучие движущие силы, которые позволяют нам преодолевать тяготы человеческого существования. В действительности ты не слишком отличаешься от него. В твоей жизни тоже есть надежда и стремление, и ты тоже работаешь и тренируешься. Кому-то твои надежды и стремления могут показаться глупыми и бессмысленными, и они точно так же скажут, что ты зря тратишь

свое время и силы.

— Но я по крайней мере прикладываю усилия для осу ществления своей мечты! — возразил я, слегка обиженный подобным сравнением.

— Все дело в том, что твои сущности смотрят в одном направлении. О таких, как ты, говорят, что в них «Я» и «не Я» шагают в ногу. На эту тему у Спокойных даже есть изрече ние: «Втрое сильнее тот, в ком «Я» и «не Я» шагают в ногу».

— Что значит «Я» и «не Я»? — вновь зажигаясь любо пытством, спросил я.

— Не сейчас, — как от назойливой мухи, отмахнулся от меня Ли. — Ты всеми способами уходишь от темы твоих не достатков.

— Наверное, в этом виноват мой внутренний страж, — улыбнулся я.

К теме недостатков характера мы возвращались неоднок ратно. Ли заставил меня составить список моих слабостей и внимательно следить за проявлениями сущностей, расширяя и дополняя его новыми пунктами, отражающими мнения раз ных сущностей, классифицируя собственные недостатки и отыскивая способы избавиться от них.

Теперь настал мой черед рекомендовать то же самое своим ученикам. Я посоветовал девушке, желающей искоре- нить мешающие ей в жизни качества характера, составить список ее недостатков. Зина оказалась достаточно наблюдательной, и на следующее занятие она предоставила мне вну шительный список.

Первое место в этом списке занимал страх. Далее сле довало чувство собственной значимости. Третье место дос талось неспособности намеренно и полноценно контролиро вать свои мысли, чувства, эмоции и действия.

Четвертым пунктом было отсутствие должного конт роля собственного голоса, языка, речи, звука, интонации, не умение точно и доходчиво передать свои чувства, мысли и ощущения — иными словами, косноязычие.

На пятом месте красовалась склонность к самобичева нию, самообесцениванию и самоунижению, неадекватные проявления жалости по отношению к себе или по поводу ка ких-то событий.

Естественным следствием пятого пункта был шестой — приступы безверия в себя, неуверенность и сомнения.

Седьмое место занимали лень и безволие, неспособ ность воплощать в жизнь собственные решения типа: уме ренно питаться, рано вставать, выполнять какие-то необхо димые действия, а также склонность к откладыванию дел, оттягиванию сроков их выполнения, неспособность вовремя являться на свидания и т. д.

В восьмом пункте Зина отметила неспособность конт ролировать мимику лица, жестикуляцию и произвольные телодвижения.

На девятом месте стояла зависимость внутреннего со стояния от внешнего окружения и наоборот, зависимость выбора внешнего окружения от внутреннего состояния.

Десятый пункт занимала зависимость от мнения окру жающих, зависимость от привычек, от привязанности к дру гим людям, отсутствие естественности и простоты.

Но больше всего мне понравился последний пункт — незнание себя. Однажды Учитель сказал, что восхождение к вершинам учения Шоу-Дао начинается именно с осознания глубины незнания самого себя, поскольку в этот момент даос ступает на путь самосовершенствования, постепенно и ме тодично овладевая всеми внешними и внутренними состав ляющими личности, всеми гранями души и тела.

Однако был один пункт, который Учитель назвал бы са мым основным

недостатком, главным смертным грехом по отношению к самому себе, и этот пункт отсутствовал в Зинином списке.

Тема основного недостатка всплыла в наших разговорах, казалось бы, совершенно случайно, но, как всегда, к месту, как раз в период, когда Ли безжалостно, хотя и с присущим ему юмором, критиковал слабости моего характера.

Я рассказал ему об одном моем знакомом научном сотруднике, который интересовался йогой и эзотерическими учениями в надежде найти в них ключ к избавлению от тягот повседневного существования. У него были проблемы с же лудком и печенью, начинался артрит, отношения на работе складывались не самым лучшим образом. Пару лет назад Михаил развелся с женой и теперь жил один в небольшой комнате коммунальной квартиры. Он жаловался мне на плохое здоровье, на неспособность сосредоточиться, несмотря на то что он пытается выполнять какие-то упражнения хатха-йоги, но по самиздатовским книгам трудно научиться чему-то, а хорошего преподавателя найти невозможно, поскольку все вокруг — самоучки, изучавшие йогу по тем же самым книгам.

Я посоветовал Михаилу в первую очередь бросить курить, поскольку он, несмотря на свой интерес к йоге, дымил, как паровоз, затем изменить в лучшую сторону привычки питания, пить настои лекарственных трав, выполнять упражнения для улучшения работы суставов и т. д. Он вниматель но слушал, скорбно покачивая головой, но на каждый мой совет он неизменно находил контрдовод. Курение было единственным способом снять напряжение, накапливающееся на работе. Конечно, он хотел бы более полноценно питаться, но самостоятельно он неспособен приготовить даже яичницу, не говоря уже о полноценном обеде. Он пытался пить настои трав, но их приготовление занимает много времени, да и при нимать их надо по расписанию, а он, замотанный делами, по стоянно пропускает время приема.

Пообщавшись с ним в этом духе несколько раз, я убедился, что все мои благие намерения помочь ему растрачиваются втуне, и перестал давать Михаилу советы.

— Знаешь, что странно, — в заключение сказал я Учи телю. — Этому человеку действительно нужно всерьез заняться своей жизнью и своим здоровьем, и кажется, что он достаточно умен, чтобы понимать это, но что меня удивляет, так это то, что, если бы он тратил на заботы о себе столько же времени, сколько он проводит в беседах на эту тему, он был бы образцом здорового образа жизни.

Ли укоризненно покачал головой.

— Иногда меня просто удивляет твоя наивность, — сказал он. — Этот твой приятель вовсе не нуждается в избавлении от страданий. То, что ему действительно нужно, — это аудитория, которая будет выслушивать его жалобы, сочувствовать ему и морально его поддерживать.

— Но ведь это бессмысленно, — возразил я. — Он в самом деле болен, и если он сейчас не займется собой, остаток своей жизни он будет страдать и физически, и морально.

— Ну и что? — соорудил недоуменную гримасу Учи телю. — Каждый европеец, глядя на других, гордится своим умом и здравым смыслом. Но все горе в том, что, когда речь заходит о реальном применении этого здравого смысла для собственного благополучия и процветания, тут-то и происходит сбой. Возможно, здравый смысл и существует, но, увы, он не работает.

— К сожалению, я и сам достаточно часто подмечал это, — сказал я. — Но почему так происходит?

— Мы с тобой уже не раз беседовали о недостатках характера, —

ответил Ли. — Ты можешь похвастаться многе ством недостатков, но одна из причин, по которой я сделал тебя своим учеником, это то, что в тебе очень слабо выражен главный и наихудший недостаток человечества, причина большинства людских несчастий.

Учитель замолчал, хитро взглянув на меня.

— Что это за недостаток? — я не удержался от искушения сразу же задать вопрос.

— Может быть, ты сам мне об этом скажешь?

Я задумался. Список моих личных недостатков был столь впечатляющ, что я затруднялся придумать что-либо новенькое. Однако надо было что-то изобрести. Я напряг извилины, и тут меня осенило.

— Наверное, это глупость? — с надеждой спросил я. Мимика Учителя явственно продемонстрировала мне, что я промахнулся.

— Даже не знаю, — сдался я, назвав несколько менее впечатляющих версий, которые Ли так же молчательно отверг.

— Ты упустил одну из самых распространенных слабостей, которую тебе каждодневно демонстрируют твои сограждане, — сжалился наконец надо мной Учитель. — А не заметил ты ее потому, что основной недостаток — это плоть и кровь европейцев, это сама суть их жизни. И поскольку в определенной, хотя и в меньшей степени этот недостаток присутствует и тебе, ты даже не отдаешь себе отчета в его существовании и не можешь определить его словами.

— Мне стыдно, что я такой тупой, — покаянно признался я.

— Не ты один, — похлопал меня по плечу Учитель. — У этого недостатка есть свое, особое название, которому труд но подобрать полноценный эквивалент в русском языке. Можно было бы назвать это пассивной нерадивостью по отношению к самому себе, к своей судьбе и к своему духу. Спроси любого человека, хотел бы он быть счастливым и забыть о том, что такое страдания, и, если он в своем уме, он ответит тебе: «да». Но если ты спросишь того же самого человека, что сделал он для того, чтобы действительно быть счастливым и забыть о том, что такое страдания, он, конечно, назовет тебе несколько вещей, он сможет объяснить, что учился, или работал, или делал зарядку, или добивался любви и уважения, или сколачивал капитал, или обзавелся семьей, но вряд ли он скажет тебе о том, что он сделал для того, чтобы приобрести главный и основной компонент счастья — гармонию с самим собой и гармонию с окружающим миром.

В древности на Востоке пассивная нерадивость считалась главным смертным грехом, но постепенно люди забыли об этом и пассивная нерадивость стала частью их жизни. Только не путай пассивную нерадивость с даосским пониманием недеяния. Недеяние — это проявление гармонии, пассивная нерадивость — это проявление лени, отсутствия гармонии, пренебрежения к самому себе, к своему духу и к своему телу.

Для того чтобы добиться гармонии с самим собой и с окружающим миром, нужно непрестанно работать, непрестанно совершенствоваться, не переходя, однако, в этой работе к излишней и преувеличенной активности. Для того чтобы осознавать, в каком направлении должна вестись эта работа, тебе нужно непрерывно упражнять свой ум, свое сердце и свое тело, так, чтобы они приобрели силу, чувствительность и гибкость. Лишь в этом случае ты сможешь плавно следовать за непрерывными трансформациями окружающего мира, за сложными и хитроумными изгибами судьбы, удачно вписываясь в повороты и не оказываясь на обочине жизни.

Но если для достижения гармонии следует действовать, даже пребывая в бездействии, для того, чтобы страдать, не нужно особо стараться. Стрдание — удел ленивых и слабых духом, и в то же время стрдание — мощный инструмент для привлечения внимания и помощи других, это ресурс, помо гающий сделать других людей рабами нашего стрдания.

Мир полон страдающих людей, людей, большая часть жизни которых ирреальна, пуста и бессмысленна. Они гонятся за мимолетными призраками счастья и успеха, облекая их в форму новых вещей, новых любовниц, признания толпы, де нег, дачи или машины. Но это лишь призраки, на краткий миг насыщающие людские жажды, но не искореняющие, не уто ляющие их.

Обрати внимание на то, чем большую часть времени занято большинство твоих знакомых. Они или смотрят теле визор, или ссорятся, или болтают и сплетничают, или преда ются иллюзорным мечтам о том, чего они когда-нибудь добь ются, если судьба будет к ним благосклонна, или совершают какую-нибудь очередную глупость.

Их жизнь течет, регулируясь толчками и пинками, кото рые время от времени дает им внешний мир, и их жизнь по чти не зависит от пустых и бессмысленных мелочей, кото рыми они наполняют ее, полностью забывая о них через не сколько дней или месяцев.

Люди не чувствуют своей личной ответственности за ход своей судьбы, за то, как они живут, что делают и как умирают. Люди не помнят, кто они такие, и не задумываются о том, как они живут и зачем они живут, вспоминая о смысле жизни лишь тогда, когда их жизнью становится стрдание.

Стрдание — это восхитительная стратегия, которую изобрел человек, чтобы избежать личной ответственности.

Стрдания и воображаемая борьба с ними заполняют пу стоту жизни, создавая временные цели.

Подумай, сколько раз, когда встречаются двое и спра шивают друг друга: «Как жизнь?», они тут же переходят к дол гому и подробному пересказу своих последних неприятнос тей и неудач. Но самое забавное в этом то, что большинство этих стрданий и неудач проистекает из неспособности удов лтворить их фантазии и желания, обычно или находящиеся за пределами их подлинных возможностей, или не удовлет воряемые в силу лени и отсутствия желания работать.

Подумай, сколько времени люди посвящают реальному самосовершенствованию, реальному личностному росту, раз витию своего тела, ума и эмоций, и сколько времени, энергии и сил они затрачивают на никому не нужные пустяки, кото рые в действительности не стоят выеденного яйца.

Меня охватила печаль, а на смену ей пришло гнетущее чувство стыда и собственной ничтожности. Я прикинул, сколько времени я провожу у телевизора, вспомнил свою склонность к легким бездумным беседам с друзьями, свою природную лень, желание подольше поспать, любовь к вред ным для здоровья пирожным и прочие свидетельства самого страшного смертного греха.

— Учитель, но почему ты говоришь, что у меня пассив ная нерадивость выражена слабо? Мне кажется, что значи тельную часть времени я, как и все европейцы, растрчиваю на пустяки, не стоящие внимания.

— Ты внимательно слушал, но так и не понял, что я хо тел сказать, — покачал головой Ли. — Все, что мы делаем, в том числе и эту беседу, можно было бы назвать пустяками

и напрасной тратой времени. Шоу-Дао — не научный коммунизм. Здесь нет четкого кодекса поведения Образцового Шоу-Даоса. Здесь нет списка того, что правильно, хорошо и полезно, и того, что глупо, бессмысленно и вредно. В Шоу-Дао важно не то, что ты делаешь, а то, как ты это делаешь. Любая работа, любое действие или любое безделье могут растратить твою энергию втуне или могут способствовать твоему внутреннему росту. Это как секс: он может быть удовольствием с потерей энергии, или он может быть удовольствием с приобретением энергии. Различие между даосом и европеем состоит в том, что там, где европеец теряет, даос приобретает.

— Но в чем тогда, например, заключается разница между тем, как даос смотрит телевизор и как это делает европеец?

— Ты снова задаешь вопросы, на которые ты сам можешь ответить, если немного подумаешь, — нахмурился Ли. — Не стоит демонстрировать мне пассивную нерадивость, притворяясь глупее и беспомощнее, чем ты есть на самом деле. Сейчас, спрашивая меня о том, что ты можешь понять и сам, ты, вместо того чтобы воспользоваться случаем укрепить свой ум и уверенность в своих силах, пытаешься использовать меня там, где это не является необходимым. В качестве рычага воздействия на меня ты используешь интеллектуальную беспомощность, так, как некоторые люди используют страдания для того, чтобы завладеть вниманием других людей. А теперь ответь сам на свой вопрос.

К своему удивлению, я понял, что действительно знаю ответ. Он пришел в виде осознания откуда-то из глубин моей души, всплыв на поверхность, как большой старый сом из озерной тины, и затем сам облекся в слова.

— Европеец смотрит телевизор в основном для того, чтобы убить время, или набраться новых волнующих впечатлений, которых ему недостает в повседневной жизни, или получить какую-то не слишком важную информацию типа того, что происходит в мире на этой неделе. Европеец делает это бездумно и механически, следуя привычкам или обыденному распорядку, просто потому, что он пришел с работы, наступил вечер и больше нечего делать.

Даос смотрит телевизор лишь в том случае, если он действительно испытывает в этом необходимость, а не потому, что ему скучно и нечем заняться. И если даос смотрит телевизор, он максимально задействует все грани своей души, впитывая, используя и преобразуя получаемую информацию, наслаждаясь зрелищем согласно учению «Вкуса жизни», используя эмоции, вызываемые событиями, разворачивая миссию на телеэкране, как толчок к перераспределению энергии в организме, тренируя свой ум или, наоборот, расслабляясь.

— Ну вот видишь, как все просто, — сказал Учитель. — Все это ты уже знал, и лишь твоя пассивная нерадивость мешала извлечь это знание на поверхность. Я уже говорил, что главное — не что делать, а как это делать.

Нечто подобное мы с тобой обсуждали, говоря об отношении Спокойных к работе. Ты знаешь, что войны жизни, избегая крайностей, в каждом конкретном случае находят свой «срединный путь». Они работают и не работают одновременно, выполняя только то, что действительно необходимо сделать, но не затрачивая времени и энергии на ненужные усилия. Необходимую работу они выполняют как можно лучше, доводя это выполнение до совершенства и одновременно используя работу как упражнение по саморазвитию, извлекая из нее наслаждение интеллектуальное — от выбора наилучших решений, наслаждение эмоциональное — согласно учению «Вкуса жизни», и наслаждение

физическое, укрепляя тело в процессе работы. В некотором смысле суть внутренней ра боты немногим отличается от сути выполнения работы, не обходимой для выживания.

В душе даоса все внутренние сущности смотрят в од ном направлении, и поэтому они действуют слаженно и к общей пользе. Сущности, составляющие личность европей ца, обычно эгоистичны и противоречивы, как и люди, каж дая из них считает себя лучше, умнее и осведомлённое, и каж дая из них тянет в своем направлении, как лебедь, рак и щука в басне Крылова. То, что было важно для одной из сущнос-тей, тут же забывается, как только другая сущность берет временную власть над личностью. Третья сущность тоже бу дет тянуть одеяло в свою сторону, заставляя человека забыть о своих предыдущих желаниях, чаяниях и намерениях.

Только тот, кто способен отдавать себе отчет в том, чего он действительно хочет, тот, кто способен взять на себя от ветственность за свою жизнь и свои действия, тот, кто спосо бен в каждое свое действие вкладывать все свое внимание, свою душу, ум и тело, сможет в конце концов прийти к осоз нанию самого себя, прийти к спокойствию и к гармонии, внут ренней и внешней.

Когда одна из внутренних сущностей захватывает власть, человек забывает о том, что он есть и чего он хочет. Желания сущности он принимает за свои собственные желания, хотя эти желания могут быть вредны и даже смертельно опасны. Бывает, что на какой-то срок человека охватывает словно вре менное помешательство, все его стремления направлены на одно — например; купить какую-то вещь, или поехать в ка кое-то место, или овладеть какой-то женщиной. Сущность дает ему небывалый всплеск энергии и стремления, который он наивно принимает за состояние силы или за высшую волю, указующую ему путь к счастью. Но все это не больше чем самообман. Поэтому, когда тебя будут охватывать странные стремления или желания, спроси себя, спроси свое сердце, действительно ли ты этого хочешь или это — бессмыслен ное и ненужное желание одной из твоих внутренних сущно стей. Только приняв на себя полную ответственность за свои желания и решения, ты сможешь действовать, как воин жиз ни, а не метаться из стороны в сторону, как поплавок, зате рявшийся в бушующем море.

— Но если моя личность состоит из нескольких сущно стей, то как я смогу отделить желания сущностей от своих собственных желаний? — спросил я. — Что же тогда пред ставляет собой мое «Я»?

— Это трудно объяснить словами, но однажды ты по чувствуешь это, мой маленький брат, — мягко сказал Ли. — Твое «Я» — это некая универсальная резюмирующая всех внутренних сущностей, шагающих в ногу, поскольку все сущ ности воина жизни смотрят в одном направлении. На самом деле ты уже знаешь, что это такое, единственное, что тебе осталось, — это вывести это знание на поверхность. Для того, кто откажется от пассивной нерадивости ради ответственно сти и самоосознания, это нетрудно осуществить...

ГЛАВА 2

Идея о том, что во мне сосуществует множество разных сущностей, любая из которых в какой-то момент может взять верх и заставить меня выполнять

какие-то нелепые или вредные действия с точки зрения чего-то, что я считал более или менее самим собой, настолько поразила меня, что я не переставая думал об этом, пытаюсь выделить и классифицировать живущие во мне сущности.

Естественно, что я регулярно приставал к Учителю с расспросами на эту тему, но он отказывался обсуждать ее, ссылаясь на то, что время для этого еще не подошло.

— Ли, скажи мне, пожалуйста, существует ли какая-либо классификация сущностей, живущих в человеке? Они имеют одну и ту же природу или между ними есть какие-то принципиальные различия? Имеют ли сущности свою иерархию? Есть ли среди них какие-то более сильные или развитые, если так можно выразиться, главные сущности?

Ли укоризненно посмотрел на меня.

— Иногда ты бываешь назойливее осенней мухи, — недовольно произнес он. — Естественно, классификация сущностей существует, и, как ты правильно догадался, есть сущности, действительно имеющие совершенно разную природу. Они подразделяются, хотя эти термины на самом деле не совсем точно отражают суть дела, на сущности слова и сущности действия. На китайском языке эти два типа имеют не сколько названий, но эти названия слишком громоздки и метафоричны, чтобы для тебя имело смысл упоминать их.

Проявления сущностей слова и действия очень легко различить. Когда тобой овладевает сущность слова, она как бы говорит тебе, что ты хочешь того-то и того-то или что ты должен сделать то-то и то-то. Сущности действия никогда ничего не говорят. Поэтому когда кто-то рассказывает тебе, что он ощущал нечто внутри себя, что он не мог определить, нечто, что побуждало его действовать самым непонятным или несвойственным для него образом, можно заключить, что в тот момент им овладевала сущность действия. Одним из типичных примеров сущности действия может быть «третья рука» или твой двойник.

Заметив, что я с нетерпением выжидаю момента, чтобы задать очередной вопрос. Учитель предостерегающим жестом поднял руку.

— На сегодня хватит о сущностях. Лучше вернемся к теме болезней духа и недостатков характера, мешающих твоemu личному росту.

Я разочарованно пожал плечами.

— Как скажешь, — с едва заметной ноткой недовольства сказал я.

— О чем ты сейчас подумал? — неожиданно резким голосом спросил меня Ли.

— Даже не знаю, — растерянно ответил я. — По правде говоря, у меня в голове не было никакой четко сформулированной мысли.

— Это неправда, — жестко сказал Учитель. — Дело в том, что ты не хочешь вспоминать свою мысль, чтобы не выказывать ее вслух. Не стоит стесняться своих мыслей. Ты пока не достиг совершенства, и отслеживать и произносить вслух то, что приходит тебе в голову, — всего лишь естественная часть процесса обучения.

— Наверное, ты прав, я действительно думал о чем-то, — подтвердил я. — Но мысль была настолько расплывчатой, что, когда ты громким голосом задал вопрос, она мгновенно вылетела у меня из головы.

— Так вернись назад и поймай ее, — велел Ли. Я сосредоточился на чувстве недовольства, охватившем меня оттого, что Учитель отказался говорить на интересующую меня тему, и ускользнувшая было мысль на сей раз четко сформулировалась у меня в мозгу. Эта мысль была столь несвойственна мне, что она меня удивила.

— Это просто глупо, — сказал я. — Бывает, что в голову вдруг лезет всякая чушь.

— Давай, колись, — с привычным ехидным смешком отозвался Ли. — Выскажи мне прямо в лицо все, что ты обо мне думаешь, — с патетическо-драматическими интонациями в голосе добавил он, пародируя семейную сцену.

— Не понимаю почему, я вдруг подумал, что ты издеваешься надо мной, играешь со мной, показывая мне приманку и тут же выхватывая лакомый кусочек у меня из-под носа. На миг мне даже показалось, что тебе нравится издеваться надо мной. Даже не знаю, что на меня нашло...

— А я знаю... — многозначительно произнес Учитель. С неммым вопросом, застывшим в глазах, я взглянул на него. Ли выдержал драматическую паузу, а затем расхохотался. Я засмеялся вслед за ним.

— Ты угодил в тобою же расставленную психологическую ловушку, — заявил Ли.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Ты знаешь, как поступают китайцы, когда им приходится идти через джунгли, где водятся тигры? — неожиданно сменил тему Учитель.

— Нет. А что они делают? — заинтересовался я.

— В таких случаях идущие через джунгли надевают на затылок маску, изображающую человеческое лицо.

— И что? — удивился я. — Какое дело тигру до того, что у них на затылке?

— Конечно, тигру нет до этого никакого дела, но всё же он не нападает, — усмехнулся Ли.

— Но почему?

— Всё дело в повадках тигра. Тигры привыкли выслеживать добычу и неожиданно набрасываться на неё из засады. Поэтому тигр, пытающийся подкрасться к идущему человеку сзади, увидев маску, решит, что тот смотрит на него, а значит, подкрасться незаметно не удастся, и тигр не станет нападать. Конечно, если тигр очень голоден, чем-то раздражён или если он столкнётся с человеком лицом к лицу, тигр может атаковать, несмотря на то что он видит лицо человека, но тем не менее маска на затылке во многих случаях защищает от нападения тигра.

— Странные повадки, — заметил я. — Даже не ожидал, что тигры так себя ведут. А зачем ты мне это рассказывал?

— Потому что речь зашла о психологических ловушках, — объяснил Учитель. — То, как ведут себя тигры, может послужить типичным примером подумывания ситуации, основываясь на некоторых конкретных данных в отсутствие достаточного количества информации. Таким образом тигры попадают в психологическую ловушку.

— Ты снова упомянул психологическую ловушку, — сказал я. — Что это такое?

— Психологическая ловушка — это некая ограниченная информация, которая в особой ситуации эмоциональной вовлечённости заставляет человека делать совершенно ошибочные выводы. Большинство стратегических, военных хитростей и мошеннических трюков основываются на психологических ловушках. Психологическая ловушка — понятие элементарное и очевидное, и, попав в ловушку, расставленную другими, человек обычно со временем осознаёт свою ошибку. Он может расстраиваться или негодовать, он может стать недоверчивым или мстительным — важно не это. Главное — научиться не попадать в свои собственные психологические ловушки.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Несколько минут назад ты прямехонько угодил в свою собственную психологическую ловушку, — сказал Ли.

— В какую ловушку?

— Точно так же, как и тигр, ты, основываясь на недо статочном количестве информации и будучи эмоционально вовлечен в ситуацию, пусть даже на короткое время решил, что я играю с тобой, придавая в то же время слову «играю» весьма негативную окраску, или даже, что еще хуже, ты по думал, что я намеренно издеваюсь над тобой.

— Ты прав, — вынужден был согласиться я.

— Самое неприятное заключается в том, что, попадая в собственные сети, человек обычно не замечает этого, и, совершив одно ошибочное действие или заключение, он вы нужден подкреплять его серией новых ошибочных действий и заключений. Чем дальше человек следует по пути ошибок и ложных умозаключений, тем труднее ему свернуть с этого пути. Не так трудно признать одну маленькую ошибку, но признать ошибочной свою жизненную стратегию крайне тя жело. Люди предпочитают быть проигравшими, но правыми. Это может показаться парадоксальным, но это действитель но так. Именно это свойство человеческой психики делает модели мира столь жесткими и ограниченными, и именно поэтому болезни духа — острые или хронические, более или менее ярко выраженные, становятся основой болезней тела.

Ошибки мышления и поведения, характерные для пси хологических ловушек, порождают болезни души и недостат ки характера. Поэтому, научившись отслеживать свои соб ственные психологические ловушки и избегать их, ты смо жешь избавиться от многих черт личности, мешающих твоему духовному росту и развитию и, в определенной степени, ме шающих тебе быть счастливым.

— Я постараюсь, — сказал я.

— Начни с отслеживания того, как другие люди попада ют в психологические ловушки. Вспомни какие-нибудь наи более типичные примеры.

Я пожал плечами.

— Пожалуй, самым типичным примером мог бы стать Отелло, — сказал я, припоминая школьную программу. — Он попал в психологическую ловушку из-за преувеличенной ревности и заключил, что его жена неверна, лишь на основа нии платка и слов завистливого Яго.

— Отелло попал в ловушку, расставленную другими, — заметил Учитель. — Постарайся привести пример, как чело век попадает в расставленную им самим психологическую ловушку.

Поскольку ничего толкового мне в голову не приходи ло, я решил вновь пройтись по школьной программе, и мне вспомнилась зловещая фигура Раскольников, вооруженная топором.

— Раскольников, — сказал я. — Его эмоциональная сфера была взвинчена жадной выбраться из бедности, и вме сто того, чтобы подумать о каком-либо более или менее кон структивном способе, он целыми днями задавал себе вопрос:

«Тварь я дрожащая или право имею?». Поскольку вопрос сам по себе был достаточно абсурдным и не имел однозначного ответа, Родион Иванович попал в свою собственную психо логическую ловушку и кокнул бедную старушку, а потом долго и нудно терзался угрызениями совести.

— Что-то тебя на криминал потянуло, — укоризненно покачал головой Учитель. — Ты лучше сообрази что-либо попроще, поближе к реальной

жизни.

— А! — восторгнулся я. — Я вспомнил забавный анекдот, близкий к реальной жизни.

Холодной дождливой ночью один человек ехал по шоссе, как вдруг у него спустила шина. Он хотел было сменить колесо, но оказалось, что он забыл захватить домкрат. Машина на шоссе не была, так что не было шанса проголосовать и попросить помощи. Вдали, примерно в полукилометре от дороги виднелся домик с освещенными окнами. Иного выхода он не видел, — и мужчина побрел под дождем через поле к домику, надеясь, что у хозяев найдется домкрат и они согласятся одолжить его ему. Естественно, что настроение у несчастного автолюбителя было хуже некуда, и он принялся размышлять: «Естественно, что хозяева дома не понравятся, что перепачканный грязью незнакомец стучится ночью в их двери, — думал он. — Они даже могут принять меня за бродягу или преступника. И чего ради они вдруг дадут мне домкрат? Какая может быть гарантия, что я его верну? Они начнут задавать мне кучу вопросов, кто я такой, куда я еду, и почему, отправляясь в дорогу, я не позаботился о том, чтобы захватить свой собственный домкрат. Я вынужден буду унижаться и умолять их, чтобы не остаться ночевать на улице, а они будут смеяться надо мной и радоваться тому, что они находятся в теплом уютном доме, в то время как я вынужден таскаться туда-сюда под дождем по раскисшему полю, как бродячий пес. До чего же они неприятные люди! Они мне просто отвратительны. Да я ни за что на свете не стану унижаться, вымаливая у них этот треклятый домкрат!»

Тем временем мужчина добрался до дома и нажал кнопку звонка.

Дверь открыла женщина. Приветливо улыбнувшись, она сказала:

— Здравствуйте.

— Да подавись ты своим домкратом! — закричал на нее мужчина.

— Отлично, — похвалил меня Ли. — Хотя это всего лишь анекдот, это действительно очень жизненный пример. В данном случае автолюбитель стал жертвой ловушки ожесточения. Как ни странно, многие люди подсознательно уверены, что они умеют читать мысли других, и, не дав себе труда убедиться в том, что их предположения о мыслях других людей верны, они действуют таким образом, как если бы их умозаключения были истиной в последней инстанции. Своим детством подобных умозаключений могут быть фразы типа: «Ты считаешь, что я глупее тебя», или «Ты меня ненавидишь!», или «Ты хочешь лишить меня свободы!».

Я расхохотался.

— По ассоциации с тем, что ты говоришь, мне почему-то вспомнилась не помню где вычитанная фраза: «Никто не посмеет отнять у нас завоевания социализма».

— Вот-вот, — поднял вверх указательный палец Учитель. — Это тоже пример попадания в психологическую ловушку, но тут вместо чтения мыслей наблюдается превосходство действий. В качестве стимула защищать завоевания социализма великолепно действует мысль о том, что найдется безумец, который попытается эти завоевания отнять. Со злом себе врага — и твоя жизнь приобретет смысл!

— Еще один анекдот почти на эту же тему, — оживился я. — На Диком Западе на лихом вороном жеребце скачет Джон Эскобар Неуловимый. Но не потому он неуловимый, что его никто поймать не может, а потому, что он никому не нужен.

— А это еще одна разновидность психологической ловушки — это ловушка представления. Твой Джон на диком коне представляет себя неуловимым, хотя на самом деле ник то и не думает его искать. Подобное случается нередко. Уве рен, что тебе доводилось сталкиваться с подобными людьми.

Действительно, мне не раз встречались люди, воображавшие, что они хранят очень важные секреты, в то время как эти их тайны абсолютно никого не интересовали.

Одним из них был Андрей Веселовский, научный сотрудник, увлекающийся восточными эзотерическими учениями. И внешне, и манерами поведения он удивительно напоминал Штирлица — он был подтянут, серьезен и сдержан, и за его спокойным многозначительным молчанием скрывались глупейшие тайны оккультного мира, которые он собирался унести с собой в могилу. С естественной для того времени осторожностью он давал читать некоторым своим знакомым оккультную литературу и даже позволял подержать в руках портреты Великих Учителей Шамбалы, чьи имена обладали огромной магической силой и произнесение которых все вызывало ужасные негативные вибрации в Мировом Эфире, что даже могло вызвать нарушение Космической Гармонии.

Поскольку портреты Великих Учителей также были заряжены космической энергией, чтобы не вызвать негативных колебаний Мирового Эфира, к ним могли прикасаться лишь достойные доверия люди, преданные члены Подпольной Партии Советских Оккультистов.

Так, одна из женщин, удостоенная доверия Андрея и чести лицезреть светлые лики Учителей Шамбалы, говорила, поднося палец к губам:

— Ни в коем случае нигде и никогда нельзя упоминать имя Андрея Веселовского. Он должен оставаться в тени. Даже трудно представить, какие люди и какие силы стоят за его спиной...

Еще один знакомый мне человек, живущий весьма замкнуто и избегающий контактов с другими, был убежден в том, что все вокруг стремятся узнать его личные секреты, хотя было трудно понять, что в его жизни могло бы привлечь внимание или интерес. Он даже добился того, чтобы его телефон был указан в телефонной книге и не давался справочными бюро, хотя и без этой секретности ему почти никто никогда не звонил.

Более экзотическим примером была одна моя знакомая йогиня и по совместительству колдунья, которая была убеждена, что КГБ непрестанно следит за ней и, более того, регулярно облучает ее квартиру ужасными невидимыми лучами — последней технической новинкой Комитета, с целью уничтожить ее и не допустить, чтобы ее уникальные магические способности нанесли какой-либо ущерб Советскому Государству.

Я привел Ли еще несколько примеров, мы вдоволь пошутим, и я решил продолжить обсуждение понравившейся мне темы.

— Раз уж мы перешли на анекдоты, я расскажу тебе еще один, — сказал я. — Анекдот называется «Женская ловушка».

В купе поезда едут две женщины и мужчина. Женщины очень громко разговаривают и хохочут, как ненормальные. У мужчины болит голова, и он пытается заснуть, но из-за их воплей это невозможно сделать. Мужчина очень вежливо обращается к женщинам.

— Простите, вы не могли бы говорить потише, — просит он. — Уже поздно, у меня очень болит голова, и мне хотелось бы уснуть.

— Вы только послушайте его! — возмущенно кричит одна из женщин. — Он заявляет, что мы, видите ли, слышим громко

разговариваем! Так он может заявить, что мы лаем, как собаки. Он что, собаками нас считает? Гражда не, помогите, сукой обзвали!

— А это уже психологическая ловушка аналогий, — ска зал Учитель. — Женская логика действительно чаще обра щается к аналогиям, чем к логике, и, поскольку эти аналогии могут быть самыми странными и нелепыми с точки зрения мужчины, женская душа считается загадкой, а женская логика — непостижимой для мужчины наукой. Но, научившись подмечать и различать типы психологических ловушек, в ко торые люди склонны загонять себя, ты сможешь понимать как мужскую, так и женскую логику.

— А какими бывают типы психологических ловушек для воздействия на других людей? — спросил я.

— Их очень много, — сказал Учитель. — Вот, напри мер, так называемая магическая ловушка. Представь, что ты находишься в заполненной людьми комнате и обвиняющим голосом говоришь какие-то общие фразы типа «некоторые люди не имеют совести, слова «достоинство» и «честь» для них пустой звук, они готовы продать тебя за понюшку таба ку», и т. д. и смотришь при этом на какого-то конкретного человека, который на самом деле не имеет никакого отноше ния к тому, о чем ты говоришь. Однако люди, присутствую щие в комнате, думают, что раз ты так пристально смот ришь на этого человека, значит, и то, что ты говоришь, имеет к нему непосредственное отношение.

Подобные ловушки ты неоднократно изучал в техниках рукопашного боя. Например, в бою с двумя противниками ты, собираясь атаковать одного из них, смотришь на другого. Даже в бою с одним противником ловушка взгляда велико лепно срабатывает. Так, направленный на его солнечное спле тение взгляд, подкреплённый желанием ударить в это место, заставляет противника защищать именно солнечное сплете ние, в то время как ты наносишь удар в иную зону.

Еще одна психологическая ловушка — это ловушка не знания. Я проиллюстрирую ее соответствующей историей.

Одна женщина поехала в служебную командировку в другой город, и там в гостинице познакомилась с грузи ном, который показался ей вполне приличным и воспи танным человеком, так что она даже пригласила его по здно вечером зайти к ней в номер, чтобы поболтать. На самом деле женщина рассчитывала только на лёгкий флирт, чтобы скоротать время, и, когда грузин набросился на неё, пытаясь изнасиловать, это стало для неё полной неожидан ностью. Кричать и звать на помощь ей не хотелось, чтобы не попадать в неудобное положение — в юнце концов, она сама пригласила его в гости. Мужчина был гораздо силь нее, он уже рвал на ней одежду, и надо было срочно что-то делать.

Посмотрев грузину в глаза, женщина сказала твёрдым и угрожающим голосом:

— Идиот, ты даже не представляешь, с кем связался. Я знаменитая потомственная колдунья, и для меня сделать мужчину импотентом — раз плюнуть. Сейчас твой член съёжится и станет совсем крошечным, а в наказание за то, что ты пытался меня изнасиловать, я сделаю так, что боль ше никогда в жизни у тебя не будет эрекции.

Грузина, никогда не сталкивавшегося с чем-либо по добным, это заявление застало совершенно врасплох. От удивления и охватившего его опасения сексуальное воз буждение улетучилось, и его член действительно умень шился в размере. Это окончательно

убедило мужчину в том, что колдунья говорила правду. Страх заставил его не окончательнo съѣжиться.

— Что ты наделала! — в ужасе воскликнул грузин.

— Немедленно убирайся из моей комнаты, — злобно прошипела женщина, — иначе я найду на тебя порчу и ты умрѣшь в течение двух недель!

На ходу застѣгивая брюки, грузин пулей вылетел из еѣ номера.

На следующее утро в дверь номера женщины постуча ли. На пороге стоял грузин с цветами, конфетами и дорожкой подарками. Он чуть не плакал.

— Прости меня, — встав на колени, попросил он. — Денег дам, что хочешь для тебя сделаю, только сделай меня снова мужчиной. Ты действительно колдунья. Я всю ночь пытался добиться эрекции, но у меня так ничего и не полу чилось.

— Ладно уж, — смилостивилась женщина. — Так и быть, сниму с тебя заклятие, только смотри, больше не на силуи никого.

В данном случае грузин попался в ловушку собственно го незнания на гребне интенсивного страха перед импотенци ей, которая для гордого и темпераментного кавказца хуже смерти.

На самом деле женщины, действительно способные при помощи внутренней силы навсегда сделать из мужчины им potentа, встречаются исключительно редко, и ещѣ более со мнительно, чтобы женщина такого класса позволила себе оказаться в подобной ситуации. Ещѣ одна вещь, которую грузин не учѣл, это то, что при переключении внимания эрекция всегда ослабевает, и страх, вызванный незнанием, действи тельно мог навсегда превратить его в импотента.

А вот пример ловушки ложного знания. Родители с младенческого возраста пугают маленькую девочку бабайми. «Будешь себя плохо вести — придет бабай плохой, бабай страшный, он заберет тебя, а потом съест», — говорят они.

И вот в семью собирается приехать погостить родственник из Узбекистана, которого зовут Бабай. Девочка напугана до смерти. Она с ужасом ожидает появления бабая, бабая страшного, бабая плохого, который заберет ее и съест.

Сколько бы ей теперь ни объясняли, что этот бабай — совсем другой — хороший, добрый бабай, ребенок этому так до конца и не поверит. Девочка, попавшая в ловушку ложного знания, в ужасе вжимается в стену или убегает, увидев его, и он чувствует себя неловко, не понимая, чем он вызывает такую неприязнь.

Большинство людей постоянно находятся в ловушках ложных знаний. Множество ловушек ложного знания формируется в детстве, и даже если во взрослом состоянии человек на рациональной основе изменяет свое мнение по поводу внушенных ему в детстве вещей, мало кому удастся избежать подсознательного попадания в те же самые силки. Так, человек, которому с детства внушили, что мотовство и расточительность — смертный грех, даже приобретя огромные богатства, будет дрожать над каждой копеечкой, хотя разум может говорить ему, что в этом больше нет смысла, что денег ему хватит с лихвой даже на несколько жизней.

Женщина, усвоившая с детства, что ее долг — посвящать себя мужу и детям, может чувствовать стыд и вину, делая что-то для себя, что нравится лично ей. Она будет подсознательно обвинять себя в эгоизме и черствости и не избавится от этих чувств, даже когда дети вырастут и перестанут нуждаться в ее заботе.

В ловушку действия заманивает человека чиновник, ко торый, в момент, когда посетитель заходит к нему в кабинет, с очень серьезным и сосредоточенным видом пишет что-то в бумагах. Скорее всего, он лишь старается произвести впечатление занятого важными делами ответственного работ ника, не расположенного тратить свое время на всякие пус тьяки, поскольку вряд ли чиновник всерьез способен заняться работой в одно-двухминутную паузу между посетителями.

Искусство расстановки психологических ловушек в со вершенстве освоили астрологи, предсказатели будущего и гадалки. Обычно они используют ловушки слабостей — жад ности, страха и т. д. или ловушки совпадений.

Ловушка совпадений заключается в произнесении об щих фраз, которые можно применить к кому угодно, но чело век, отыскивая совпадения, тут же находит прямые аналогии со своей собственной жизнью и убеждается в действительности предсказаний.

— Ну-ка предскажи мне что-нибудь, — попросил я.

— Ты кто по знаку? — с важным видом поинтересовал ся Учитель.

— Лев, — с гордостью произнес я.

— Лев — это символ величия и силы, — начал импро визировать Ли. —

В твоей жизни бывали сложные периоды, когда тебе приходилось прикладывать все свои силы для того, чтобы победить обстоятельства и вырваться вперед, но ты оказывался на высоте и достигал впечатляющих результа тов, хотя, бывало, случались и неудачи. Однако у тебя впере ди еще один сложный жизненный этап, и ты будешь нахо диться на грани того, чтобы бросить все и пересмотреть все свои основные жизненные ценности. Тебе надо будет успо коиться и восстановить свои силы. Поскольку ты не сможешь составить полного представления о том, что происходит, это отсутствие ясности в мыслях может отсрочить разрешение некоторых, к счастью не самых серьезных, проблем.

Будут моменты, когда ты испытаешь всплеск оптимиз ма в связи с обещаниями, которые тебе будут давать другие люди, но ты должен помнить, что не всем можно доверять. Как следует продумывай все свои идеи. Поспешность реше ний может здорово тебе навредить.

Тебе приходилось испытывать любовные разочарования, но тебе удавалось и зажигать любовь в женских сердцах. Иногда тебе нравится спорить, но для тебя было бы лучше избегать выяснения отношений с женщиной, которую ты любишь, поскольку ссоры способствуют охлаждению отно шений и готовят почву для недоверия и ревности.

У тебя будет период трения и напряжения на работе, но ты преодолеешь его и добьешься успеха. Недостаток жизнен ных сил, который ты будешь время от времени испытывать, невозможно будет восполнить с помощью медикаментов, но правильное питание и регулярные физические упражнения помогут тебе стать сильным и энергичным. Мне продолжать?

— Не стоит, — рассмеялся я. — Я уже готов заплатить тебе червонец за столь исчерпывающую информацию. Из тебя вышел бы великолепный астролог.

— И не только астролог, — гордо приосанился Учитель и заговорил, подражая рекламному агенту: — Любые разде лы черной и белой магии, — к вашим услугам ясновидящий астролог-целитель номер один Советского Союза. Любые ваши проблемы будут разрешены за 24 часа, какими бы слож ными они ни были. Со стопроцентной гарантией! Приворот и отворот, присушка и отсушка, счастливое избавление от со перников и соперниц, помощь в работе, повышении благосос тояния и любви, снятие дурного

глаза. Прочистка чакр и открытие третьего глаза и отверстия Брамы! Общение с духами умерших родственников, знаменитых людей и домашних животных! Хиромантия, физиогномика, гадание на свече, хрустальном шаре, кофейной гуще и курином бульоне! Разрешение кармических проблем и разрубание кармических узлов! Лечение кристаллами и талисманами, восстановление и увеличение сексуальной потенции до уровня атомного реактора, а также все, что пожелает ваша душа. Все за 24 часа и все со стопроцентной гарантией!

— Забавное сочетание — астролог-целитель, — сказал я. — Я сейчас понял одну вещь. Мне всегда казалось странным, как вполне здравомыслящие люди с высшим образованием верят в самую несусветную мистическую чушь, но теперь, когда ты объяснил, как легко человек попадает в психологические ловушки, расставленные другими, или в свои собственные психологические ловушки, как возникают болезни духа и как они становятся основой болезней тела, я вдруг осознал, что вся эта околומистическая компания магов, гадалок, астрологов и предсказателей в определенной степени паразитирует на болезнях человеческого духа. С одной стороны, они могут использовать человеческие слабости для личной выгоды, но, с другой стороны, они могут играть роль своеобразных психотерапевтов, так что сочетание астролог-целитель может быть вполне оправданным.

— Ты попал в точку, — подмигнул мне Учитель. — Человек, лишенный спокойствия и ясности духа, инстинктивно стремится восстановить эту ясность, но он не знает, как это сделать, или не имеет необходимого запаса воли и устремления для достижения внутреннего равновесия. Самое простое и всем доступное средство восстановления гармонии — обращение к услугам тех, кто называет себя экспертами в данной области.

Не думай, что все астрологи, гадалки и предсказатели — намеренные обманщики и что их деятельность так уж вредна или бессмысленна. То, что сейчас стало профессией психотерапевта, раньше было работой колдуна, астролога, гадалки или священника.

Что раньше делали люди, чтобы облегчить бремя своей совести или принять важное решение? Они шли на исповедь или за советом к священнику, и если священник был добрым и проникательным человеком, научившимся читать в людских сердцах, он действительно врачевал болезни их духа.

Сейчас мы живем в стране атеистов. Атеист не может пойти на исповедь к священнику, и он обращается к астрологии или к магии, к гаданиям или к оккультным наукам. В основе всего этого лежит то же самое инстинктивное стремление избавиться от болезней духа, от страха и неуверенности в себе, от боли, чувства безнадежности или бессмысленности своего существования, сомнений и угрызений совести. Люди не просто попадают в психологические ловушки — они летят на них, как мотыльки на свет, поскольку обычно именно психологические ловушки помогают им избавиться от сомнений и сожалений, от угрызений совести и страха.

Проще всего сказать, что твоя судьба складывается именно таким образом, поскольку на нее влияют звезды или планеты. Конечно, кое-что зависит и от тебя, но твоя воля к принятию решений — ничто перед могучим предопределением звезд.

Если тебя преследуют неудачи — это не твоя вина, — просто кто-то насал на тебя порчу или в детстве сглазил тебя, или, может быть, в прошлой жизни ты был гиеной, слопавшей выпавшего из гнезда птенца, и теперь у

тебя дурная карма.

Но главное — не то, истинное или ложное знание продают тебе маги, астрологи или священники, главное — чтобы их действия приносили облегчение.

— Но если большинство из того, что они делают и говорят, — полная бредятина? — спросил я. — Разве в конечном итоге это может оказать действенную помощь? Я не понимаю, почему такое распространение получили именно странные, примитивные и далекие от реальности вещи, в то время как об учениях, подобных Шоу-Дао, почти ничего не известно?

— Ты никак не избавишься от юношеского максимализма, — покачал головой Ли. — Представь себе, что ты слышал, что в Соединенных Штатах есть частная клиника, в которой врачи делают уникальные в своем роде операции на позвоночнике и парализованные люди начинают ходить. А теперь представь, что ты живешь в маленьком провинциальном советском городке, у тебя была травма позвоночника и ты наполовину парализован. Ты все равно будешь вынужден обращаться к местным врачам, и они будут прописывать тебе лекарства, которые облегчат твои боли, они назначат тебе какие-то физиотерапевтические процедуры или курс массажа для поддержания тонуса пораженных мышц. Ты всегда обращаешься к тому, что близко и доступно, хотя, возможно, ты знаешь, что где-то существует нечто, что действительно могло бы помочь тебе самым радикальным образом, но, увы, ты никогда не сможешь воспользоваться этой возможностью.

В случае, когда человек, например, не может принять важное решение, хороший астролог или гадалка, читая скрытые желания в его душе, смогут дать ему желаемый совет или ободрить его, вселив в него уверенность в благоприятном исходе, избавив его таким образом от нервозности и сомнений.

— Нечто подобное произошло с моей знакомой, — сказал я. — Она занималась не совсем легальным бизнесом, и у нее появилась возможность войти в одно дело, которое, с одной стороны, могло принести огромные доходы, но с другой стороны, могло оказаться слишком рискованным. И, хотя она чувствовала, что все должно пройти успешно, ее постоянно одолевали сомнения, так что она даже начала страдать бессонницей. Тогда она пошла к гадалке, и гадалка, естественно, не посвященная в детали, предсказала ей, что дело, которым она собирается заняться, увенчается полным успехом и принесет ей богатства. Моя знакомая перестала сомневаться, к ней вернулся сон, и, действительно, все прошло более чем благополучно.

— Часто людям надо лишь получить подтверждение тому, что они следуют правильным путем, поскольку в глубине души они уже приняли решение, но боятся или не хотят принять на себя ответственность за это решение. В подобных случаях астролог или гадалка лишь помогают человеку избавиться от сомнений и неуверенности в себе, хотя не всем везет так, как твоей знакомой, и нередко опытные гадалки дают советы в такой форме, что их можно трактовать как угодно, и человек, трактующий их, попадает в психологическую ловушку ожиданий.

— Я помню, как в детстве на меня произвела огромное впечатление история, которую я прочитал у Геродота, — сказал я. — Там Крез, царь Лидии, собираясь затеять войну с Персией, отправился к Дельфийскому Оракулу, чтобы узнать, выйдет ли он победителем из этой войны. Дельфийский Оракул дал великолепный ответ. Он сказал: «Если ты отправишь свои войска в Персию, великое царство падет».

Уверенный в себе Крез, дотоле не знавший поражений, ни секунды не

сомневаясь, решил, что падет царство его про тивника, а он вкусит триумф победителя. Только когда войс ка Креза были разбиты наголову, а сам он попал в плен и был приговорен к смерти, он осознал, что слова Оракула имели двойное толкование и что должно было пасть его собствен ное царство.

— Вот тебе еще один пример того, как опасно попадать в свои собственные психологические ловушки. Но все мно гозначные и универсальные толкования европейских предска зателей — ничто по сравнению с широчайшим простором для воображения, представляемым гаданием по Книге Перемен. Толкования ее предсказаний содержат в себе все мыслимые и немыслимые психологические ловушки. Китайцы всегда были мастерами неопределенных предсказаний.

— Но почему тогда гадания по Книге Перемен были так знамениты? — спросил я. — С их помощью действительно можно было предвидеть будущее или нет?

— И да, и нет, — ответил Ли. — Гадание по Книге Пе ремен — это искусство, доступное немногим. Искусных га дателей можно пересчитать по пальцам, так же как действи тельно искусных врачей. То, как при традиционном гадании расположатся стебли тысячелистника, образующие триграммы или гексаграммы, — это еще не ответ — это не кое направление, ведущее в глухую и неизведанную местность, наполненную ловушками и миражами. Тот, кто умеет избе гать ловушек и обманчивых иллюзий, тот, кто сформировал в себе чувство срединного пути и развил искусство баланси рования на спине ветра, отыщет в этой местности свой един ственно правильный путь, свой единственно правильный от вет, но подобному человеку не нужно прибегать к гаданию, чтобы знать, что делать.

— Мне встречались люди, — сказал я, — которые, зат рудняясь принять решение, отдавались на волю судьбы, под брасывая в воздух монетку, и в зависимости от того, выпа дет орел или решка, поступали тем или иным образом.

— Это как в анекдоте, — улыбнулся Ли. — Собрались мужики и решают, что делать. Спорят, спорят, ни к какому решению прийти не могут — и решают бросить монету. «Если выпадет орел — напьемся в стельку, — договариваются они.

— Если выпадет решка — отправимся по бабам, если монета упадет на ребро, пойдем в кино, а если монета зависнет в воздухе — тогда уж, ничего не попишешь, придется рабо тать».

— Почти, — рассмеялся я. — Но один мой знакомый поступал иначе. Если монета говорила ему сделать одну вещь, он делал нечто другое.

— «Спроси у женщины и сделай наоборот», — процити ровал Учитель. — Этот твой друг попадался в психологи ческую ловушку противоречий. Ему казалось, что, поступая «наперекор судьбе», он утверждает свою индивидуальность и независимость, но на самом деле он демонстрировал тая щуюся в его душе жажду противоречия.

— Ты упомянул, что болезни духа становятся болезня ми тела, — напомнил я. — Есть пословица: «В здоровом тебе — здоровый дух». Как ты считаешь, что на самом деле пер вично, а что — вторично: болезни духа или болезни тела?

— На этот вопрос невозможно дать однозначный от вет, — сказал Учитель. — Бывают дети с врожденными урод ствами, люди могут искалечить тело, попав в аварию, или они могут заболеть, подхватив инфекцию, но если человек родился здоровым и живет в более или менее приемлемых для выживания условиях, если совершаемые

им в силу необходимости действия не доводят его до истощения, его физическое состояние в гораздо большей степени зависит от состояния его духа, чем состояние его духа — от физического состояния.

Болезни духа проявляются в слабостях, а потакание слабостям разрушает здоровье. Подумай, например, о заядлых курильщиках. Они прекрасно знают, что курение убивает их легкие, но тем не менее они продолжают курить. Пристрастие к сигарете — следствие болезни духа — слабости и безволия, становится основой для болезней тела.

То же самое относится к неправильному питанию, к сексуальной неразборчивости или к тяге к алкоголю.

Заболевания духа — тревожность, скрытые страхи, неуверенность в себе или чувство вины — порождают напряжения в соответствующих участках тела. Эти напряжения препятствуют свободной циркуляции энергии, возникают области застоя, болезненные зоны — города и крепости, и от туда болезнь распространяется дальше — вширь и вглубь — в мышцы, внутренние органы и кости.

Одной из проблем современной медицины является то, что врачи прописывают средства против болезней тела, а бывая в то же время о болезнях духа. Эти средства приносят облегчение и на время устраняют симптомы, но корень болезни, пусть даже почти незаметный, остается, чтобы в подходящий момент снова дать всходы. Именно поэтому многие люди предпочитают обращаться к знахарям и целителям. Среди целителей встречаются подлинные жемчужины — гениальные врачи, способные в одно и то же время излечивать и тело, и душу. И чем более гениальным является целитель, тем более обширен его арсенал психологических ловушек.

— Как здорово! — воскликнул я. — Мне бы хотелось научиться излечивать болезни духа.

— Я расскажу тебе одну притчу, — сказал Ли. — Она называется «Любовь к камню».

Жил когда-то богатый купец и владел он драгоценным камнем, равного которому не было на всей земле. Любил он этот камень больше всего на свете и никогда с ним не расставался.

Днем и ночью любовался купец своим камнем, забыв о сне и еде, и здоровье его от этого стало ухудшаться. Забеспокоилась жена купца — так недолго и мужа погубить, и, захватив с собой деньги и дары, отправилась за советом к мудрому даосу, слава о котором летела во все стороны быстрее стрелы, пущенной из тугого лука.

Даос благосклонно принял подарки и, обещав помочь, отправил несчастную женщину восвояси.

Через две ночи наступило полнолуние, и влюбленный в камень богач вышел в сад, чтобы полюбоваться, как лунный свет играет на гранях его сокровища, зажигая в мерцающей глубине камня разноцветные огни.

Вдруг холодное дуновение коснулось щеки купца и, обернувшись, он увидел рядом с собой словно сотканную из мрака безликую фигуру в странной одежде из лохмотьев и перьев.

— Кто ты и что ты здесь делаешь? — дрожащим голосом спросил богач, с ужасом вглядываясь в злое очертание незнакомца.

— Я — твоя смерть и пришла за тобой, — ответил странный глуховатый голос.

— Но я еще молод и не хочу умирать, — севшим от страха голосом прошептал купец.

— Я могу выполнить твоё последнее желание, — сказала смерть. —

Проси, что хочешь, кроме одного — остаться жить на земле.

— А я могу и после смерти не расставаться с камнем? — спросил богатый с затаенной надеждой.

— Конечно, если таково твоё жгание, — равнодушно ответила смерть. — И ты, и твоё сокровище будете навечно заточены в холодной непроглядной тьме. Ты не сможешь видеть свой камень, но будешь вечно сжимать его в руках.

— И я больше никогда не увижу луны? — тоскливо спросил купец.

— Ты никогда больше не увидишь ни луны, ни сада, ни родных, — захохотала смерть. — Ты не сможешь любоваться цветами, ласкать жену, вкушать лакомства, греться на солнце и подставлять лицо летнему ветерку. Но зачем тебе все это? Всю свою жизнь ты видел только одно — драгоценный камень, и после смерти ты не расстанешься с ним.

— Дай мне срок проститься с родными, — отчаянно закричал богатый, падая на колени. — Я сделаю все, что ты захочешь, только оставь мне ещё один день!

— Ладно, — говорит смерть, — я подарю тебе один день, если взамен ты отдашь мне свою драгоценность.

Протянул купец смерти камень, даже не взглянув на него, и бегом бросился в дом. Мечется по комнатам, жену зовет, а её нигде нет. Выбежал снова в сад, смотрит — у ворот жена стоит и держит в руках его заветную драгоценность.

— Откуда у тебя камень? — теряя рассудок, завопил богатый. — Тебе его дала смерть?

— О чём ты говоришь? — удивилась жена. — Мне отдал его даос, когда выходил из нашего сада.

Понял тогда купец, с кем он вел беседу. Заплакал он от облегчения, потом рассмеялся, обнял жену, забрал у неё камень и, размахнувшись, зашвырнул его в реку.

С тех пор изменился купец. Стал веселым, щедрым и, как никто, научился наслаждаться жизнью. И неудивительно — уж он-то знал, что в любую минуту за ним может прийти смерть.

Учитель замолчал, и я задал вопрос:

— Интересно, к какому типу относится болезнь купца?

— А как ты думаешь?

— Наверное, это как-то связано с жаждой, — предположил я.

— Не совсем, — сказал Ли. — В данном случае мы стали киваемыми в типичном случае одержимости.

— Это слово наводит на аналогии одержимости бесами.

— Одержимость — это обусловленное некими внутренними процессами сужение модели мира до крайне ограниченной фиксации на каком-то предмете, идее или действии. В то же время слова «одержимость бесами» в определенной мере оправданы, поскольку в период одержимости одна из сущностей, заключенных в человеке, берет верх, начисто подавляя все остальные сущности.

Типичная «одержимость бесами» обычно является не контролируемым проявлением сущности действия.

— Мы все-таки вернулись к вопросу о сущностях, — вдохновился я.

— Напрасно радуешься, — сухо оборвал меня Ли. — Как я уже сказал, сейчас не время обсуждать тему сущностей. Лучше вернемся к предмету одержимости. Сужение модели мира может иметь самую разную природу — в его основе может лежать страсть, или навязчивая идея типа создания

вечного двигателя, или желание разжечь мировую революцию, или какая-либо неутоленная жажда.

В случае купца мы видим, как болезнь духа порождает болезни тела, и даос демонстрирует нам великолепный пример шоковой терапии, которая в некоторых случаях является лучшим методом лечения одержимости.

— Почему? — спросил я.

— Можно сказать, что одержимый человек дает себе команду не видеть, не воспринимать и не чувствовать ничего, что могло бы отвлечь его от объекта его концентрации. Поэтому обычные, не экстремальные воздействия на его мысли и чувства не производят желаемого эффекта.

Представь себе бронестекло. Ты можешь бросать в него камни, стрелять в него из ружья или из пистолета, но на нем не останется даже царапинки. Обычными методами тебе не удастся проникнуть за преграду. Но если тебе удастся, например, достать бронестекло, ты разнесешь преграду вдребезги, и то, что было скрыто внутри, выветрится наружу. Лишь на гребне сильных эмоций удается сломать барьер одержимости, хотя есть и другие методы, но они требуют значительно больших затрат времени и сил.

— Несколько лет назад я прочитал рассказ одного японского автора, — сказал я. — Я не помню его имени, но рассказ показался мне таким нетипичным, что он запомнился мне. Теперь я понимаю, что то, что описал автор, было при мером излечения одержимости на волне сильных эмоций, хотя

в данном случае это был случай спонтанного самоизлечения.

Герой рассказа, исключительно жестокий японец, каждый день, возвращаясь с работы, безжалостно избивал свою жену. Несчастливая женщина была покорной и кроткой. Она всячески старалась угодить своему мужу, но тем не менее он каждый день находил повод, чтобы придаться к ней, и избивал ее с каждым разом все сильнее и сильнее.

Однажды он вернулся домой в особо плохом настроении и начал бить ее особенно жестоко. Он сломал ей ноги, она корчилась от боли на полу, вся в крови, и в какой-то момент, когда он занес руку для очередного удара, женщина с трудом приподнялась на локтях и, взглянув ему в глаза, тихим голосом произнесла: «Пожалуйста, не надо!»

Что-то перевернулось в душе его мужа. Впервые он почувствовал, какие физические и душевные терзания должна была испытывать она за годы, которые они прожили вместе. Японец не мог понять, за что он избивал ее. Она делала все, чтобы заслужить его любовь, он ни в чем не мог ее упрекнуть, и он не мог объяснить себе, почему он вел себя подобным образом.

Японец заплакал и упал на колени рядом с женой. Он поклялся, что никогда в жизни больше не ударит ее и посвятит всю свою жизнь заботам о ней. Он отнес ее на кровать, смыл кровь с ее тела и перебинтовал ее раны. К сожалению, избивая ее в последний раз, он повредил ей позвоночник, и женщина стала инвалидом.

Теперь муж неустанно заботился о ней. Каждый день он на спине выносил ее погулять, он мыл ее в бане и готовил для нее еду. Любовь к жене стала смыслом его жизни.

— Печальный рассказ, — сказал Учитель. — Не удивительно, что он показался тебе странным, но тем не менее для японца то, что произошло, было бы вполне понятным и объяснимым. Японцам, как, впрочем, и китайцам, часто свойственна одержимость. Жестокая внутренняя дисциплина стала частью их культуры, а любое жесткое самоограничение сузало модель мира, и, в зависимости от его волевых устремлений и силы духа, японец может сузить свою модель мира до крайних пределов.

То, что произошло с твоим японцем в момент, когда жена сказала: «Пожалуйста, не надо», можно было сравнить с озарением, с внезапно обрушившимся на него осознанием. Эмоциональное отождествление с женой разрушило его зашитые барьеры жестокости и заикливости на самом себе, но — обрати внимание — это озарение не расширило его модель мира, оно лишь способствовало замене одного типа одержимости на другой. Одержимость жестокостью сменилась одержимостью любовью.

— Все это кажется мне таким странным, — заметил я. — Как возникает подобная одержимость жестокостью?

— По-разному, — ответил Ли. — Возможно, в детстве люди, которых этот японец любил, причинили ему сильную боль и он поклялся, что никогда не допустит слабости полюбив кого-либо, и тогда никто не сможет причинить ему боль. Но поскольку его склонность или потребность испытывать любовь была слишком сильной, ему понадобились огромные усилия для того, чтобы полностью заглушить в своей душе ростки любви. Чтобы бороться с любовью, он использовал жестокость, и чем лучше вела себя жена, чем ласковее она обращалась с ним, тем больших усилий ему стоило заглушить в себе голос любви.

И вот неожиданно наступил момент осознания, когда японец понял, что он причиняет невинному существу страдания гораздо более сильные, чем те, что пережил он, и это осознание стало для него невыносимым. Он понял, что преградился в чудовище и что он пытается любящее его существо без всякой на то причины, подобно тому как в детстве без всякой причины пытали его. В этот момент его одержимость сменила ориентацию.

Учитель замолчал. Я почувствовал, как невыносимая печаль охватывает меня. Какое странное существо человек, и как трудно понять механизмы, управляющие его душой!

— Выше голову, — хлопнул меня по плечу Ли, подметивший на моем лице печать черной меланхолии. Это всего лишь рассказ.

— Я понимаю, — отозвался я, стараясь вернуть себе хорошее настроение.

— Я знаю, как привести тебя в чувство, — усмехнулся Учитель. — Нужно всего лишь подбросить тебе еще один лакомый кусочек знаний. Поэтому, возвращаясь к теме болезни духа, я расскажу тебе еще одну притчу, которая называется «Всем неприятностям неприятность».

Одного чиновника все время одолевали беды и несчастья. То заболел кто-нибудь из домашних, то на скотном дворе случится пожар, то на службе важная бумага пропадет. Посоветовали ему добрые люди пойти на поклон к святому даос. Чиновник так и поступил.

Выслушал даос долгий рассказ несчастного о его бедах и неудачах и говорит:

— Дело твое непростое, тут советчик помудрей меня нужен. Несколько лун состоит в моем доме Смерть человеческая. Если не боишься, спроси у нее совета.

— А как я ее узнаю? — спрашивает чиновник.

— Нет ничего проще, — ответил даос. — Как войдешь в дом, сразу увидишь чан с водой. Наклонись над ним и спрашивай.

Не знал чиновник, что даос как раз одно снадобье готовил собрался, а для этого на дно чана человеческий череп положил и воду налил, чтобы вода на черепе настоялась.

Зашел чиновник в дом, заглянул в чан, да как череп на дне увидел — чуть от страха не померз.

Даос тем временем тихонько прокрался в дом, спрятавшись за спиной чиновника и говорит глухим страшным голосом:

— Ведомо мне, о несчастный, о твоих бедах да напастях. Жаль мне тебя стало, но теперь твои беды кончились: я заберу твою жизнь, чтобы прекратить

твои страдания.

От этих слов чиновник пуше прежнего перепугался, да как закричит:

— Нет, не надо у меня жизнь забирать, все у меня в ней хорошо, а если что и приключится, так это и к лучшему, от будничной суеты отвлекает.

Выскочил чиновник из дома, словно за ним черти го нятся, и побежал домой без оглядки.

Странное дело — с тех пор у того чиновника бед и не удач поубавилось, а если и случалась какая-то неприят ность, то он говорил:

— Да разве это несчастье! Вот у даоса в доме гостит всем несчастьям несчастье, всем неприятностям неприят ность!

Я удивился тому, как незаметно испарилась терзавшая меня печаль.

Учитель, покачивая головой, ехидно смотрел на меня.

— Типичный европейский знахарь мог бы сказать, что враги наслали на этого чиновника порчу или что у него дур ная карма, потому что это самый простой способ объяснить человеку, почему на него сваливаются неприятности.

— А что мог бы сказать святой даос? — поинтересовал ся я.

— Он бы сказал, что в душе чиновника взяла верх сущ ность, притягивающая неприятности. Страдать и жаловаться всегда проще, чем бороться, и когда человек отказывается бороться, он начинает подсознательно искать оправдания для своей пассивной позиции. Неприятности — это лучшие оп равдания, и, хотя чиновник не подозревал об этом, то, что мы могли бы назвать его внутренней силой, давало ему то, что он хотел, — неприятности.

Даос прекрасно понимал, что для того, чтобы ослабить власть ведущей сущности, ему придется доказать глубинно му осознанию чиновника, что пришла пора сменить страте гию жизни. Притворившись смертью, он заставил чиновни ка осознать, куда его заводит сущность, притягивающая не счастья, и, на гребне страха, чиновник переструктурировал свою модель мира, на подсознательном уровне дав себе при каз прекратить саморазрушение и начать радоваться жизни.

Даос в этой притче прекрасно знал психологические ло вушки, с помощью которых он мог манипулировать мировоз зрением и поведением людей, и его с полным правом можно было бы назвать гениальным целителем человеческих душ.

Тема психологических ловушек настолько меня увлек ла, что я стал собирать особенно увлекательные истории на эту тему, и некоторые из них настолько забавны, что мне бы хотелось о них упомянуть. Конечно, я не могу полностью ручаться за их точность и достоверность, поскольку я услы шал их от других, но достоверность, наверное, даже не слиш ком и важна. В нашей стране происходят и более удивитель ные вещи.

Итак, в уездном городе Н. жила компания весьма пью щих мужичков, которые к тому же все, как один, были авто любителями. Выезжая на дачу к одному из них, чтобы на лоне природы раздавить пару бутылочек, они каждый раз минова ли пост ГАИ, где обычно дежурили их знакомые милиционе ры, которые закрывали глаза на то, что они садятся за руль в нетрезвом виде.

И вот друзья, как всегда, отправились на дачу, но, про езжая мимо поста ГАИ, они увидели на посту нового, незна комого им милиционера. Затем они, естественно, напились в стельку, но, поскольку остатки сознания еще теплились в их затуманенных алкоголем мозгах, никто не хотел садиться за руль, чтобы не лишиться прав. И только один из них, которо му уже было море по колено, решил отвезти остальных в го род. Отважный водитель

буквально на днях купил по дешёвке «запорожец» у водителя-инвалида, и ему не терпелось обновить покупку, с которой он даже не снял знак, предупреждающий, что за рулем инвалид.

И вот «запорожец» проезжает мимо поста ГАИ, милиционер делает знак остановиться, водитель тормозит, и вся нетрезвая компания погружается в отчаяние, предчувствуя, что сейчас их приятель лишится прав до конца своей жизни.

Расстроенный водитель открывает дверцу, и, поскольку он не способен даже держаться на ногах, он вываливается на асфальт и из последних сил на четвереньках ползет к посту вому.

Милиционер, заметив на машине знак инвалида, видя ползущего к нему на карачках человека, естественно, приходит в ужас, издали, махая жезлом, приносит ему свои извинения и умоляет несчастного инвалида поскорее уехать.

«Инвалид» заползает обратно в свою инвалидную машину, трогается с места и уезжает. До приятелей не сразу доходит смысл происшедшего, но, сообразив, что к чему, они хохочут, как ненормальные.

В данном случае милиционер попался в ловушку додумывания ситуации. Было темно, и он находился на таком расстоянии, что не мог почувствовать запах. Если бы милиционер не был так эмоционально вовлечен в происходящее и не терзался угрызениями совести из-за того, что заставил ползти по асфальту полупарализованного человека, он бы избежал попадания в психологическую ловушку.

Следующая история тоже связана с милицией и алкоголем.

Два приятеля, один из которых был участковым милиционером, решили по-русски отметить какую-то знаменательную для них дату и для этого уединились в квартире милиционера с несколькими бутылками водки, вина и подходящей случаю закуской.

На следующее утро гость проснулся с гудящей от похмелья головой. Принявший больше хозяин спал, как убитый, и растолкать его так и не удалось. Гость, назовём его Васей, решил прогуляться, но обнаружил, что его одежда залита вином, залепана томатным соусом от кильки и не годится для прогулок. Недолго думая, он застирал свою одежду, повесил её сушиться, надел милицескую форму и отправил её подышать свежим воздухом.

Только вышел на улицу — к нему подбегает женщина, хватая за рукав и говорит: «Товарищ милиционер, у меня муж пьяница, бьёт меня, пожалуйста, разберитесь с ним».

Васе всё равно делать было нечего, и, назвавшись им не своим другом, он пошёл разбираться с пьяным мужем. Но поскольку Вася не был настоящим милиционером, он не стал читать тому морали и угрожать забрать его в участок. Вася предпочёл потолковать с мужиком по душам. Они распили полбутылочки водки, а новоявленный представитель правоохранительных органов тем временем задушевно беседовал с хозяином, так доходчиво объяснив, что не стоит бить женщину, когда можно полюбовно улаживать все споры, что незадачливого мужа прошибла слеза и он торжественно поклялся никогда больше не поднимать на жену руку.

Вася покинул счастливое семейство и продолжил свою прогулку, пока его снова кто-то не остановил. Так, до вечера Вася ухитрился в лучшем виде разобраться с ещё несколькими делами. Когда он вернулся к другу, настоящий милиционер всё ещё спал. Вася снял форму, повесил её в шкаф, надел свою одежду и отправился домой.

Каково же было удивление милиционера, когда через несколько дней

от благодетельствованных Васей жителей района в отделение пошли благодарственные письма, в кото рых говорилось, как хорошо тот справляется со своими обя занностями, и вообще какой он приятный и достойный чело век. В результате начальство даже объявило ничего не пони мающему милиционеру благодарность за хорошую службу.

В этой истории есть два подтекста. Один — это то, что она является очевидным случаем психологической ловушки, когда люди привычным образом реагируют на форму, не об ращая внимания на то, что поведение человека в форме явля ется совершенно нетипичным и этой форме не соответствует ет, то есть что форма не соответствует содержанию.

Второй подтекст представляет собой уже другую тему, рассматриваемую учением Спокойных, — тему нестандарт ных решений, которые во многих случаях оказываются го раздо оптимальнее казалось бы очевидных и общепринятых действий.

Историю о следующей психологической ловушке — ло вушке незнания — мне рассказал один из моих учеников.

В одном собачьем питомнике, где хозяева оставляли животных на передержку, овчарка заболела стригучим лиша ем, и ее на машине, принадлежащей питомнику, повезли в больницу. Шофер, ведущий машину, чем-то когда-то досадил инструктору-собаководу, и инструктор решил отыграться на нем. В принужденной манере он завязал разговор и объяс нил шоферу, что собака больна стригучим лишаем, а это бо лезнь крайне опасная и исключительно заразная.

— Теперь машина пойдет на списание, — сообщил ин структор, — ее даже хлоркой отмыть не удастся. Бациллы лишая уже витают в воздухе повсюду, и скоро у тебя начнут чесаться разные места, а потом ты станешь лысеть и шелу шиться.

— А как же ты? — спросил испуганный шофер.

— У меня к лишаю иммунитет, — беспечно ответил инструктор.

На прощание он посоветовал шоферу никому не гово рить о том, что он заразился стригучим лишаем, потому что тогда люди испугаются и перестанут общаться с ним.

На следующий день в питомнике инструктор подслушал, как шофер платится своему напарнику о подцепленном стригучем лишае, присматриваясь к своей руке и почесывая ее.

Инструктор подошел поближе, критически осмотрел руку шофера и, скорбно покачивая головой, сказал с видом знатока:

— Это придется выжигать каленым железом...

Конечно, научиться распознавать психологические ло вушки и избегать их — задача практически невыполнимая, но стремиться к лучшему проникновению в суть вещей и яв лений — достойная цель для последователя даосизма.

Одно из основных упражнений, помогающих в распоз навании психологических ловушек, это наработка умения со ставить форму и содержание, сознательно посылаемые сигналы с подсознательными проявлениями организма. В данном случае пословица «не верь глазам своим» верно отра жает одну сторону медали, хотя пословица другой стороны медали могла бы звучать как «не верь интуиции своей».

Человек, знающий, как обмануть глаза, обманывает фор мой. Но люди более высокого уровня мастерства способны обманывать и содержанием, то есть они способны продуци ровать воздействующие на человека на подсознательном уров не сигналы, вызывающие чувство доверия, страха, подчине ния или какое-либо другое чувство.

В случае, когда в психологическую ловушку заманивает не только форма, но и содержание, подобной ловушки крайне трудно избежать. Тут уже необходимо совершенно новая спо собность проникновения в глубинную суть происходящего, но это тема для отдельного разговора.

По канонам Спокойных попадание в психологические ловушки они приравнивали к болезни. Впрочем, болезнью они считали любое состояние, отличное от состояния универсаль ной гармонии, в котором «всадник на спине ветра наблюдает за серединой».

Излишняя доверчивость — это болезнь.

Излишняя недоверчивость — это болезнь.

Излишняя эмоциональность — это болезнь.

Недостаток эмоциональности — это болезнь.

Ярость — это болезнь.

Альтруизм — это болезнь, и т. д. и т. п.

Дать чётко сформулированное формальное определение нормы, естественно, было невозможно. Осознание нормы или меры вещей и явлений приходило постепенно на интуитив ном уровне вместе с осознанием подлинной сущности сре динного пути. Задумываясь о том, что представляет собою норма, избегая попадания всё в большее число психологи ческих ловушек, даос становился всё ближе и ближе к норме, ближе и ближе к истинной гармонии.

ГЛАВА 3

Незадолго до преддипломной практики мне довелось познакомиться с удивительным человеком, и это знаком ство стало для меня началом нового этапа погружения в ча рующий мир целительства.

Я направлялся на встречу с одной из своих подружек, которая должна была состояться недалеко от кинотеатра «Мир». Летнее солнце палило немилосердно, у меня еще ос тавался запас времени, и я не смог удержаться от соблазна заскочить в манящее прохладой небольшое кафе, приветли во распахнувшее двери на центральной аллее парка, примы кающего к кинотеатру.

— Надо же, в конце концов, хоть иногда доставлять себе удовольствие, — подумал я и, с сомнением оглядев хлипкие пластиковые кресла, уселся на прочный деревянный табурет

— единственное сооружение, внушавшее мне доверие.

Я заказал три стакана сока — яблочный, виноградный и томатный — и задумался над тем, не стоит ли побаловать себя пирожными, как кто-то тронул меня за локоть. Я повер нул голову. Мне приветливо улыбался студент сельхозинсти тута, учившийся на одном из начальных курсов агрономи ческого факультета. Мы познакомились примерно год назад, и он страстно увлекся Шоу-Дао. При первой же возможности мы с ним уединялись в одном из бесчисленных коридоров «Альма матер», и после каждой такой встречи, длящейся обычно от пяти до десяти минут, он покидал меня, доволь ный и счастливый, как медали, унося на себе энное количе ство свежих синяков.

Глядя на его сияющее лицо, я каждый раз вспоминал любимую поговорку Ли: «Не больно, значит неправильно».

— Если ты не ощутишь хотя бы часть мощи приема на своем

собственном теле, ты не сможешь обрести уверенность в нем, — объяснил мне Учитель.

— Сколько лет, сколько зим, — воскликнул я, вставая с табурета и заключая Захара в объятия.

— Учитель, есть подработка! — поспешил сообщить он.

— Это очень кстати, — обрадовался я, и, решив, что по такому случаю тарелочка пирожных уж точно не помешает, направился к стойке бара, бросив вая на ходу:

— Тебе что-нибудь купить?

— Сок и пару бушкеток, — откликнулся Захар. Мы уселись напротив друг друга, наслаждаясь ощущением уюта и предвкушая удовольствия общения и совместной трапезы. Когда первый голод был утолен, Захар, дожевывая кусок бушетки, сказал:

— Есть возможность хорошо заработать. Нужен иглоукалыватель.

В те времена слово «рефлексотерапевт» еще не получило широкого распространения, и человека, применявшего методы рефлексотерапии, даже не имеющие отношения к акупунктуре, называли простым и понятным словом «иглоукалыватель».

— Я к твоим услугам, — бодро откликнулся я. — Когда приступить и кого надо сделать ежиком?

В этот период моей жизни мне пришлось изменить свои принципы и время от времени браться за работу, которую оплачивали. Это было связано с тем, что мою маму уже несколько раз оперировали по поводу рака и деньги, требуемые на лекарства, на подарки врачам и медсестрам и на усиленное питание, многократно превосходили возможности нашего семейного бюджета.

Захар расправил плечи.

— Начну по порядку, — сказал он. — Пару недель назад я отправился в городскую парилку, и там один забавный дедуля попросил меня сделать ему массаж. Я промассировал его совершенно бескорыстно, но в конце концов он чуть ли не насильно всучил мне двадцать пять рублей.

Названная сумма произвела на меня впечатление, поскольку по тем временам она превышала половину моей стипендии и составляла почти четверть зарплаты инженера.

— Ты лучше переходи к делу, меня мало интересуют размеры твоих гонораров, — сказал я, вовремя вспомнив о том, что рискую опоздать на свидание.

— Я просто хочу показать, что дедушка умеет быть благодарным, — лукаво подмигнул мне Захар. — Завтра поздно вечером я снова отправляюсь к нему. Похоже, он ищет чело века, сведущего в иглоукалывании и массаже, и я порекомендовал ему тебя.

— И где обитает твой щедрый дедуля? — поинтересовался я.

— В зоне Новоромановки. Тебе наверняка известны там районы частных застроек, где живут корейцы.

— Ты хочешь сказать, что дедуля — кореец? — удивился я.

— А разве я об этом не упоминал? — в свою очередь удивился Захар.

Это обстоятельство стало решающим аргументом. Мне показалось очень странным, что щедрый корейский дедушка пытается отыскать иглоукалывателя среди представителей славянского населения, поскольку из рассказов Учителя и Лина о местной корейской общине я знал, что среди крымских корейцев было немало искусных лекарей и что корейцы жили очень замкнуто, предпочитая решать свои личные проблемы в тесном кругу общины.

Захар проводил меня к месту свидания. Моя подружка запаздывала, и мы, отойдя в безлюдный переулочек, принялись с энтузиазмом мутузить друг друга, как сказал Захар, для лучшего усвоения вкусной и здоровой пищи.

На следующий день я отправился в Новоромановку, где мы должны были встретиться с Захаром. Было около десяти часов вечера, и опустившаяся на город ночь была прекрасна. Воздух был прозрачен и чист, блюдечки мерцающих южных звезд кокетливо подмигивали мне с высоты. Захар опаздывал, и это давало мне возможность лишиться раз насладиться таинственными пейзажами ночи. Прождав более получаса, я задумался о том, что, если так пойдет и дальше, я рискую провести под звездами всю ночь, но шестое чувство подсказывало мне, что нужно еще подождать и что встреча, кото рая мне предстоит, обещает стать совершенно особенной.

Минут через пятнадцать в конце улочки замаячила стре мительно приближающаяся фигура Захара. Он размахивал руками, еще издали выкрикивая извинения и объясняя при чину задержки.

— Это была девушка моей мечты. Я просто не мог ее оставить, — задыхаясь и обливаясь потом, сообщил он. — Я знал, что ты меня дождешься. Все вышло совершенно слу чайно. Ее родители так редко уезжают из дома, а тут нам как раз выпал шанс...

— Для даоса любовь священна, — улыбнулся я. Несколько минут спустя мы постучались в калитку не большого домика. Дверь открыла улыбчивая, но немногословная женщина средних лет. Она провела нас через двор, а затем по блистающим чистотой комнатам, давая нам возможность по достоинству оценить аккуратность и трудолюбие корейского народа.

Хозяин домика оказался и улыбчив, и многословен.

— А, это и есть долгожданный доктор, — воскликнул он. — Спасибо, Захарушка, спасибо!

Он притянул Захара к себе, крепко обнял его и, расцеловав в обе щеки, незаметно сунул деньги в нагрудный карман его рубашки. Передача двадцати пяти рублей прошла в луч ших традициях контрактной передачи информации в шпионских боевиках.

Захар, подозревая, что в его присутствии больше не нуж даются, спросил:

— Так я пойду?

— Давай сначала покушаем, — сказал старый коре ец. — Из моего дома никто голодным не уходит. Затем он переключил свое внимание на меня.

— Ты можешь звать меня дедушка Давы, — обнимая меня, сказал старик. — А теперь пойдемте за стол.

Я хотел было возразить, напомнив о том, что лечение не рекомендуется проводить на полный желудок, но сдержался, понимая, что мои возражения были бы бесполезны.

Дедушка Давы провел нас в самую большую комнату дома и усадил за внушительных размеров деревянный стол, уставленный всевозможными яствами. Тут были и воздушные пирожки из почти прозрачного белого теста, казалось вот-вот готовые вспорхнуть, как вспугнутые голубки, и мисочки, наполненные красной и черной икрой, и разнообразные сала ты, и непонятным образом приготовленное мясо, происхождение которого я на глаз не смог определить.

Хозяин радушно потчевал нас, и только сейчас я смог внимательно рассмотреть его. Я поразился тому, насколько колоритной была его внешность. В глубоких морщинах выразительного и приветливого лица

прятались маленькие черные глазки, излучающие энергию и лукавство. Его многое повидавшие на своем веку руки, как корнями мангровых деревьев, были опутаны выпуклыми венами.

Старый кореец щедрой рукой накладывал нам на тарелки новые и новые блюда. Когда глаза Захара ословели и выражение его лица свидетельствовало о том, что его измученный едой организм больше не способен принимать до полнительные порции пищи, дедушка Давы поднялся из-за стола и бережно проводил до двери дорогого гостя.

Я, не в силах пошевелиться, остался сидеть на своем месте, впадая в полусонную медитацию воспоминаний и последовательно воспроизводя в памяти все новые для меня вкусы этого удивительного застолья.

Вскоре кореец вернулся, и мы направились в его спальню, которая, как и все комнаты в этом доме, буквально ослепляла чистотой. Несмотря на небольшие размеры, спальня казалась просторной, поскольку единственными предметами, находившимися в ней, были большой удобный стул и широкая кровать, застеленная белым покрывалом.

Мы обменялись несколькими общими фразами обо всем и ни о чем, а затем я, решив, что пришло время перейти к делу, расстелил на полу газету и выложил на нее из сумки спирт, вату, иглы и прочие предметы, которые могли мне пригодиться при лечении.

— Что вас беспокоит? — спросил я.

— Ты же доктор, вот ты и догадайся, — лукаво сказал кореец.

Он ловко стянул рубашку и штаны и улегся на кровать. Моему взору предстал ряд воронкообразных шрамов, при чудливым узором украшавший его тело в самых разных местах. По их расположению я понял, что над дедушкой Давы поработал опытный врач и что у него болят ноги.

Я неторопливо стал складывать свой реквизит обратно в сумку.

— Что такое? Почему, дорогой, ты убираешь свои медицинские приспособления? — забеспокоился старый кореец.

— Я буду лечить вас другим способом, — сказал я. В моей голове уже созрел план лечения.

— И что же ты будешь со мной делать, если не колоть? — с несколько игривой интонацией поинтересовался дед.

— Я буду вас жечь, — в тон ему ответил я.

На счастье я прихватил с собой самодельные полынные сигареты. Я последовательно прогрел все круглые шрамики, оставшиеся от контактного прижигания травяными конусами. Эта процедура заняла много времени. Мы разговорились, и старик объяснил мне, что он прибег к моим услугам потому, что у него личный врач был в отъезде.

Так на месяц я стал врачом дедушки Давы. Он так ни разу и не сказал мне, от чего я должен был его лечить, но отметил, что от моего прижигания в его состоянии наступило значительное улучшение.

С каждым новым сеансом дедушка Давы чувствовал себя все лучше и лучше, и по мере выздоровления он становился все более приветливым и открытым со мной.

Я начал дополнять прижигание полынной сигаретой массажем болезненных зон, прорабатывать зоны шрамов на жатием с долгой задержкой руки, выполнять некоторые другие манипуляции, совмещая несколько методов воздействия.

Старый кореец потчевал меня историями из своей жизни, а затем он неизменно приглашал меня к столу, на котором нас среди прочих блюд неизменно поджидали объемистые миски с черной и красной икрой.

Не выдержав, я однажды поинтересовался, откуда берется икра в

таких количествах, поскольку в то время купить икру в магазине было практически невозможно, и дедушка Давы объяснил, что чёрную икру доставляют из Астрахани его родственники, скрывая контрабандный товар в автомобильных шинах, поэтому она и выглядит помятой. Не зная, говорил ли это дедушка Давы в шутку или всерьёз, да, чест но говоря, меня это и не беспокоило. Больше всего на свете мне хотелось познакомиться с личным лекарем старого ко рейца, который вскоре должен был вернуться из своей поездки.

За столом дедушка Давы снова увлекался воспоминаниями. Он говорил неправильно с уникальным, удивительно приятным акцентом, придававшим его речи особую выразительность и очарование. Однажды он с энтузиазмом принялся рассказывать о своей жизни во время Великой Отечественной войны. Выглядело это примерно следующим образом:

— Ой, как было плохо! Шёл война, был тяжёлый период для нашей Родины. Народ воевал, страна голодала. Люди плохо жили.

Неожиданно протяжно-жалостливые интонации его речи сменялись на бойко-весёлые с резким поднятием тона.

— Я хорошо жил, — говорил он, и темп его речи постепенно убыстрялся. — Я на железной дороге работал. На одной станции начальник русский, за все отвечаю. Его заместитель корейца ни за что не отвечаю. Заместитель корейца лесом вагон с верхом грузит. На второй станции начальник русский за все отвечаю, а его заместитель корейца ни за что не отвечаю. На второй станции заместитель корейца верхушка леса срубил май. Хорошо жил...

На столе одно блюдо сменяло другое, на смену воспоминаниям о войне приходили воспоминания более приятные...

— Один девушка любовница дом подарил, — вещал дедушка Давы, мечтательно закатывая глаза. — Сорок ты счаст!

Сделав выразительную паузу, чтобы мы по достоинству оценили его щедрость, старик, неожиданно спохватившись, что его могут неправильно понять, многозначительно добавил:

— Новый деньга!

Дедушка Давы обвёл взглядом наши лица, выражающие подобающее случаю восхищение, и продолжил свой рассказ:

— Второй девушка любовница дом подарил. Тридцать тысяч! Новый деньга! Один мальчик сиротка бегал по двору, мама погиб, папа погиб, дал двадцать тысяч на его воспитание, новый деньга. Теперь большой человек — председатель обкома.

Дедушка Давы явно перепутал должности, и ему казалось, что «председатель» звучит солиднее, чем «секретарь».

— К себе в край зовет, — между тем продолжал кореец. — Говорит — ни в чём нуждаться не будешь!

Из рассказов дедушки Давы я узнал, что он был весьма уважаем в тесном кругу корейских семей. В своём роде он был местным «капо де тутти капи»*, если проводить аналогию с «Крестным отцом», но, естественно, в его случае в условиях Советского Союза сфера действий корейского «капо» по большей части ограничивалась экономической деятельностью, хотя за многословием экзотичного старика нередко угадывалось нечто, о чём он предпочитал не распространяться. В чём-то жизнь корейской общины напоминала мне рассказ Учителя о выживании клана Спокойных среди чуждых им народов. Община жила по своим собственным законам, стараясь по мере возможности избегать столкновений с коренным населением и правоохранительными органами, гибко и разумно приспосабливаясь к

обстоятельствам.

Дедушка Давы твердой рукой регулировал жизнь общины. Большинство корейских семей зарабатывало на жизнь, выращивая ранние арбузы, лук, овощи и фрукты на частных огородах или на взятых в аренду у государства землях. От дедушки Давы зависело, куда каждая из семей поедет продавать свою сельхозпродукцию. Старик распределял места так, чтобы у всех семей был приблизительно равный доход и что бы никто никому не мешал в торговле на рынке. Великолепно зная ситуацию на всех основных рынках Советского Союза, дедушка Давы руководил делами так, что община процветала. Конечно, иногда случались и неприятные инциденты, вроде столкновений с конкурентами кавказского происхождения-

* Капо де тутти капи (итал.) — высший титул главы итальянской мафии.

дения, но мудрый патриарх ухитрялся улаживать и эти проблемы.

В дедушке Давы, почти по О. Генри, удивительным образом сочетались черты гангстера и филантропа.

— Я всегда людям помогай, — объяснил мне как-то дедушка Давы. — С Дальний Север друг приехал, говорит — страдают там русские люди. Местная власть не даёт водку продавать, вино продавать. Сухой закон, понимаешь, ввели. А как рабочему человеку без водки на холоде жить? Вот я и помог. Партию арбузов на север отправил.

Половина арбузов бесплатно в детские дома передал, а в другую половину для страдающий рабочий спирт шприца ми впрыснул. Связи свои использовал — через два дня арбузы на месте были. Друг у меня есть — в транспортная авиация работает. А если бы официально перевезти просил — на две недели груз бы застрял. Рабочие спасибо говорили.

Похоже, что делать инъекции арбузам дедушке Давы понравилось, и он неоднократно пользовался этим методом. Однажды на бахчу одного корейца из общины колоритного патриарха совершили налёт жившие в соседней деревне русские конкуренты по арбузному бизнесу. Арбузы у трудолюбивого корейца удались на диво, чего по какой-то причине не смогла перенести загадочная русская душа. Вооружённые палками налётчики в открытую пришли на поле и под аккомпанемент забористого мата перебили почти поспевшие арбузы.

Ответный удар не заставил себя ждать. Месть, хотя и не была столь демонстративной, оказалась достойной. Дедушка Давы под покровом ночи отправил корейских детишек на поля интервентов. Детишки были вооружены шприцами, которыми они впрыскивали керосин в готовые к сбору арбузы. Эффект превзошёл самые смелые ожидания. Возмущённые покупатели, попробовав пожароопасные плоды, вернулись на рынок, объединились, и, пылая негодованием, перевернули лотки с товаром и забросали продавцов их же собственными арбузами.

Ещё один раз дедушка Давы воспользовался инъекцией ми, когда на одном из российских рынков конкуренты кавказской национальности, угрожая физической расправой, по требовали у корейцев по дешёвке продать им все свои арбузы и убраться с рынка. По совету патриарха корейцы, не вступая в конфликт, арбузы таки продали, но зато в недрах каждого арбуза таился очередной сюрприз.

Так, по мере возможности не прибегая к насилию, но действенно и эффективно, корейский «капо де тутти капи» отвечал ударом на удар, всё же предпочитая не наносить удара первым.

Дедушка Давы регулярно прибегал к нехитрым приемам первобытной магии. Впервые я столкнулся с этой чертой его характера, обратив внимание

на то, как он прячет под подушку в спальне здоровенный кинжал.

— Готовитесь защищаться от врагов? — пошутил я.

— Ты знаешь, дорогой, мне часто снится плохой сон, — ответил дедушка Давы. — Когда снится плохой сон, когда за мной кто-то бежит, когда на меня кто-то нападать, я хватай во сне кинжал за ручку, от меня все убегай. Я с кинжал — меня все боятся.

Не знаю, отчего дедушку Давы терзали ночные кошмары — то ли оттого, что он слишком много кушал перед сном, или у него действительно было много врагов, но верно одно — кинжал действовал безотказно, мгновенно отпугивая всех противников.

Когда в его семье кто-то болел, дедушка Давы брал шерстяные ниточки и завязывал на них узлы. Нитки могли быть разного цвета, но обязательно шерстяные. Он подолгу, тща тельно и неторопливо раскладывал их на подоконниках и шкафах, и никто в мире не смог бы убедить его в том, что это средство вряд ли поможет.

Старый кореец пытался влиять и на погоду, совершая странные ритуалы, отдаленно напоминающие мне обряды Буду. Если дедушке Давы нужна была теплая солнечная погода, он, убивая очередную курицу, брызгал ее кровью на за ранее насыпанные небольшие горки сухого песка, а если для получения хорошего урожая срочно требовался дождь, старик наливал в блюдечко воду и затем окроплял ее кровью курицы.

И, хотя в натуре дедушки Давы слишком откровенно проглядывало что-то первобытно-жутковатое, он был исключительно обаятельным, добрым и щедрым человеком. Я от носился к нему с искренней теплотой, не будучи склонным морализировать по поводу его несколько вольного отношения к закону, но одна черта его характера неизменно коробила меня, несмотря на то что, согласно заповедям Шоу-Дао, я старался и ней относиться терпимо. Дело в том, что дедушка Давы был страстным и неисправимым собачолюбом.

После того как я несколько раз отведал исключительно вкусно приготовленное мясо, старый кореец с лукавой усмешкой открыл мне секрет его происхождения и признался, что отлавливает бродячих собак. В порыве великодушия дедушка Давы пригласил меня на «охоту», и я, несмотря на то что подобное мероприятие не вызывало у меня энтузиазма, не смог отвергнуть столь экзотическое предложение.

Несколько дней спустя мы отправились на охоту. Дедушка Давы вооружился лишь большим мешком. Когда я спросил его, не нужна ли ему приманка, старик лукаво ответил, что у него — свой собственный метод охоты и приманка ему не требуется.

Примерно четверть часа мы блуждали по пустынным вечерним улицам, пока не наткнулись на крупную кудлатую дворнягу.

— Тише, не мешай! — шепнул мне дедушка Давы. Он сделал несколько шагов по направлению к собаке, слегка согнул колени и, наклонившись в ее сторону, каким-то особенным, приторно-сладким голосом пропел:

— Куть-куть-куть!

Псина замерла на месте и, с любопытством наклоняя голову из стороны в сторону, уставилась на старого корейца.

— Куть-куть-куть, куть-куть-куть! — продолжал выпевать дедушка Давы.

Собака, как зачарованная, медленно переставляя лапы, двинулась к нему.

Я, наблюдая за этой сценой с внезапно пробудившимся интересом,

поймал себя на том, что сам был готов следовать на сладкий, но коварный призыв, как крыса за дудочкой кры солова.

— Куть-куть-куть, куть-куть-куть!

Дворняга приблизилась к корейцу почти вплотную, и тут дедушка Давы сделал молниеносное, как бросок кобры, дви жение рукой, одним взмахом накинув мешок на несчастную псину. Последовала короткая борьба, кореец затынул горло вину и с легкостью, неожиданной для его возраста, вскинул мешок на плечо.

— Хороший собачка, сладкий собачка, — время от вре мени приговаривал он, пока мы возвращались к дому.

Посвящение в тонкости корейской кулинарии напоми нало ужасы застенков гестапо в сочетании с некоторыми ин донезийскими обрядами. В одном из сараев, расположенных во дворе, находился пыточный станок, в который бедную со баку зажимали, полностью обездвигивая ее. Затем, замотав ей морду тряпками, ее избивали палками и оставляли в таком виде, полуживую, на несколько дней, чтобы ее мясо стало более мягким и сочным.

Дедушка Давы объяснил мне, что если мясо собаки он может съесть сам, то для того, чтобы отведать мозг, он обяза тельно приглашает всех домочадцев, поскольку мясо одной собаки похоже на мясо другой, но мозг каждой собаки имеет свой собственный, неповторимый вкус.

— Особенно, — добавил дедушка Давы, мечтательно закатывая глаза, — хорош мозг белый собака. Очень-очень вкусный мозг.

Процесс приготовления блюд из собачатины окончатель но отбил у меня аппетит к ним, и в дальнейшем я вежливо, но упорно отказывался от собачьих деликатесов, предпочитая телятину или курятину.

ГЛАВА 4

Я регулярно посещал дом старого корейца до тех пор, пока он окончательно не поправился. Прощаясь, старик креп ко обнял меня.

— Запомни, дорогой, — сказал он. — Мой дом — это твой дом. Заходи, когда хочешь, ты мне всегда дорогой гость. Если хочешь видеть мой личный врач, приходи через пару недель, я буду знать, захочет ли он показать тебе свой искус тво.

Две недели спустя старый кореец обрадовал меня, ска зав, что лекарь согласен встретиться со мной и что встреча произойдет в его доме.

Я ждал этой встречи с нетерпением. Точно в назначен ный час я постучался в двери дома дедушки Давы, и неиз менно улыбаясь, но молчаливая корейянка провела меня в гостиную, где рядом со старым корейцем я увидел высокого крепкого сложения человека.

Дедушка Давы представил нас друг другу, сказав, что я могу называть его личного врача Ким. Мы вежливо пожали друг другу руки, но я не заметил на лице Кима ни малейших следов приветливости или радости от встречи.

Старик дипломатично покинул нас, и мы уселись в крес ла с каменными лицами, подобно игрокам в покер. Некото рое время мы молчали, изучая друг друга. Чтобы не пока заться слишком навязчивым, я не хотел начинать разговор первым.

В глазах Кима мелькнула искра неодобрения, и он заго ворил ровным металлическим голосом, практически без ак centa, на безукоризненном русском языке.

— Дедушка Давы мне как отец, — произнес он. — Толь ко по этой причине я согласился показать тебе маленькую часть своего искусства.

Меня поразило, что, говоря о своем умении, он произнес слово «искусство». До этого я общался со многими знахарями, и ни один из них не упоминал этого термина, за исключе нием Учителя. Возникшая аналогия с Ли еще больше усили ла мое желание учиться у этого человека.

— Ты будешь учиться лишь на моих условиях, — меж ду тем продолжал лекарь. — Запомни, одно-единственное нарушение — и мы распрощаемся с тобой. Имей в виду, что я не учу и не лечу русских. Я не делаю это потому, что рус ские мешают моей работе, потому, что они ставят под угро зу здоровье моих близких, мое благополучие и мое искус ство.

Ким замолчал, холодно и бесстрастно глядя на меня. Видимо, он ожидал, что я начну протестовать против подоб ной оценки людей моей национальности, но я, никак не про являя своего отношения к его словам, продолжал внимательно слушать.

— Когда русскому говоришь, что ты его вылечишь, но больше не будешь лечить никого из его соотечественников, — снова заговорил лекарь, — он тебя не слушает и обязательно приводит кого-то еще. Ты ему говоришь, что не будешь ле чить того, кого он привел, но он начинает упрашивать. Рус ский назойливей мухи. Когда ты его лечишь, он считает себя слишком умным и он не слушает твоих рекомендаций, поэто му лечить его слишком трудно. И, главное, когда с русского берешь деньги, он очень переживает по этому поводу, и брать деньги у него неприятно. Есть еще много других причин, но я не буду о них упоминать, потому что того, что сказано, уже более чем достаточно.

Мне было не очень-то приятно слышать столь нелест ную оценку своих соотечественников, но, положа руку на сердце, я должен был признать правоту Кима. За несколько лет своей знахарской практики я не раз сталкивался с подоб ным поведением. Кроме того, я в любом случае не собирался спорить с лекарем, поскольку мне хотелось узнать как можно больше о его искусстве.

— Я принимаю больных по ночам, — снова заговорил Ким. — Обычно прием начинается в час-два ночи и заканчи вается в четыре-пять утра. Если хочешь, ты можешь прийти этой ночью и понаблюдать за процессом лечения. Но учти — ты не должен задавать никаких вопросов, и без моего разре шения не можешь даже говорить.

Я был согласен на любые условия.

Ким практиковал во времянке одного из дворов в райо не, где жили корейцы. Было далеко за полночь, когда я отыс кал нужный двор и получил возможность осмотреть мест ную «больницу».

Времянка была разделена на два отсека небольшой фа нерной перегородкой. В одной ее части располагалась «при емная», где ожидали своей очереди больные и сопровождаю щие их родственники, а в другой половине царствовал коре ец, которому помогали две женщины.

Я молча уселся в углу на старом продавленном стуле и стал наблюдать за процессом лечения. Время шло, и я почув ствовал разочарование. Идущие непрерывной чередой боль ные уже бывали у него на приеме, и их общение с лекарем ограничивалось несколькими фразами, произнесенными на корейском языке, и баночками с мазями и настойками, кото рые им давал врач. Я уже почти засыпал, когда двое пожи лых корейцев ввели в приемную мальчика лет двенадцати, страдающего нервным тиком. Каждые несколько секунд его лицо перекашивали страшные гримасы, напряжение мышц чу

довишно искажало черты лица.

Ким велел родственникам выйти и усадил мальчика на стул, к спинке которого была дополнительно приколочена расположенная вертикально доска. Привязав к ней голову мальчика, лекарь начал широкими полосами плотной материи привязывать к стулу его туловище, руки и ноги. Когда почти полностью спелёнутый мальчик уже не мог пошевеливаться, Ким уселся на стул напротив него в удобную позу и с размаху ударил его по одной щеке, потом по другой. Он наносил удары долго и методично, и постепенно я начал понижать его стратегию в нанесении ударов.

Лекарь бил мальчика каждый раз, как только его лицо искажалось судорогой. Удары никогда не наносились два раза подряд в одно и то же место. Кроме того, они наносились вскользь, и это означало, что, с одной стороны, сохранялась значительная болезненность удара, а с другой стороны, подобный удар причинял организму меньше разрушений. При мерно через полчаса непрерывного избивания лекарь перестал наносить удары и около двадцати минут после каждой судороги щипал мальчика за разные части тела.

Я подумал, что после подобного лечения мальчик должен стать пугливым от синяков, как ягуар. Все время, пока продолжались истязания, Ким говорил что-то спокойным монотонным голосом.

Часа через полтора, к моему удивлению, нервный тик стал проходить. На лице ребенка отражалась внутренняя борьба, и, когда он усилием воли глушил начинающиеся спазмы мышц, его лицо на несколько мгновений окаменевало. Но как только мальчик расслаблялся и по его лицу проскакивала судорога, он тут же снова получал увесистую оплеуху.

Я с сожалением подумал, что большинство методов этого знахаря, к сожалению, я вряд ли когда-нибудь смогу приложить на практике. Теперь я понимал, почему Ким категорически отказывается лечить русских. Мало кто из моих соотечественников сумел бы с должным мужеством и пониманием перенести подобную процедуру. При подобных методах лечения и врач, и пациент шли по лезвию бритвы, и нужна была немалая сноровка, которая вырабатывалась у врача лишь с долгими годами практики, чтобы не допустить ошибки. Я в данном случае предпочел бы какой-либо более медленный, но безопасный метод лечения, вроде иглоукалывания.

Днем я как следует отоспался, и на следующую ночь вновь оказался во временке Кима. В этот раз мне повезло больше, и появилось несколько очень интересных пациентов. В частности, привели одну женщину, у которой была водянка. Ее живот казался огромным, похожим на отвратительный чужеродный нарост на её и без того по-жабы изуродованном болезнью теле.

Указав на женщину, знахарь по-русски объяснил мне, что бывают водянки, которые нельзя протыкать, и бывают водянки, которые протыкать можно. Эта водянка относилась к тем, которые можно протыкать. Ким взял какой-то острый предмет, больше всего напоминавший замусоленный черный сук, и, к моему ужасу, с размаху всадил его в живот женщины. Затем он уложил ее на бок на огромный стол, чтобы дать стечь жидкости, хотя делать это было и не обязательно, поскольку вырвавшаяся наружу под большим давлением зловонная струя обдала нас с ног до головы, а заодно залила потолок и стены комнаты.

Лекарь подставил тазик под дырку в животе женщины и велел мне помочь ему. Мы начали выглаживать ее тело вокруг дыры, пытаясь вывести наружу остатки жидкости. Когда процедура была закончена, Ким вынул из шкафа какую-то мазь и, залепив дырку мазью, наложил сверху лист неизвест

ного мне растения, а затем прикрыл его кусочком бинта, ко торый прикрепил лейкопластырем.

Мы вышли во двор, где находился летний душ, на кры ше которого черная бочка с водой за день разогревалась сол нечными лучами. Вода уже успела остыть, и, поеживаясь от прохлады, я с наслаждением смыл с тела отвратительную жижу.

Лекарь тоже вымылся. Одна из помощниц унесла нашу одежду, и вместо нее выдала мне что-то из вещей знахаря. Хотя для корейца Ким был высоким человеком, его одежда налезла на меня с трудом.

Когда я, одетый не по размеру, вернулся во времянку, там оказалась очаровательная молодая девушка. Я всегда пи тал слабость к кореянкам, а девушка была так хороша, что я в этой тесной и нелепой одежде почувствовал себя неловко.

Смущаясь еще сильнее, чем я, кореянка объяснила Киму, что у нее бывают приступы падучей. За время общения с Учителем я успел хорошо познакомиться с неконтролируе мыми судорожными движениями, производимыми в изменен ном состоянии сознания и связанными с самопроизвольным перемещением энергии по телу.

Девушка рассказала, что с каждым разом приступы уси ливаются и происходят все чаще и чаще, и тут же у нее на чался припадок. Крича и содрогаясь, она в корчах упала на пол.

Мы с Кимом подняли ее и уложили на стол. Я отметил, что стол был покрыт свежей чистой клеенкой. Помощницы лекаря за то время, пока мы мылись в душе, успели полнос тью прибрать комнату и вымыть стены, пол и потолок. Ким велел мне раздеть девушку догола. Приступ падучей посте пенно ослабевал, но судороги еще не утихли до конца, и раз деть ее оказалось не простым делом.

Мы намазали тело пациентки мазью, которую мне дал знахарь. Корчи продолжались.

— Делай в точности то же, что и я, — велел Ким. Мы начали выглаживать тело девушки в направлении от середины туловища к конечностям, время от времени ме няясь местами или переворачивая ее тело с боку на бок, на спину или на живот. Процесс был настолько ответственным, что выглаживание этого прекрасного обнаженного тела не вызывало у меня даже тени эротических чувств. К утру, вко нец утомленные, мы поняли, что добились какого-то успеха, поскольку девушку перестали бить корчи.

— Почему приступ продолжался так долго? — спросил я, прежде чем уснуть на постеленном прямо на полу времян ки матрасе. — Никогда не думал, что припадок падучей мо жет продолжаться так долго.

— Перед твоим приходом я дал ей лекарство, — отве тил Ким. — Оно усилило болезнь для того, чтобы мы смогли ее окончательно изгнать.

Девушку, уснувшую прямо на столе, накрыли теплым одеялом, и я, опустившись на предназначенный для меня мат рас, немедленно погрузился в сон.

По мере общения наши отношения с Кимом станови лись все более теплыми. Убедившись, что я не собираюсь нарушать его инструкции, он начал более щедро делиться со мной информацией. Я познакомился с методами лечения, ка завшимися мне почти невероятными, и однажды мне даже довелось самому стать пациентом корейского целителя.

Я тренировался с одним из моих учеников, когда во вре мя выполнения приёма у меня в позвоночнике что-то хруст нуло и тело пронзила жуткая боль. Я с трудом выпрямился. Каждое движение доставляло почти

невыносимые страдания. Я с трудом мог передвигаться, причём исключительно в од ном чётко зафиксированном положении, хорошо хоть, что в вертикальном.

Ситуацию усугубляло то, что Учителя не было в горо де, а обращаться в больницу мне казалось делом почти бес перспективным. В те времена в Советском Союзе только на чинали говорить о мануальной терапии, о её результатах хо дили легенды, и чудесные излечения доктора Касьяна казались почти волшебством. Я был уверен, что в больнице мне только слегка облегчили бы мучения, а вылечиться мне нужно было быстро. Единственное, что мне оставалось, — это обратиться к Киму, что я и сделал.

— Удачно, что травма прихлась на конец недели, — сказал кореец. — Тебе придётся остаться у меня на несколько дней.

Он предложил мне пройти в сарайчик, расположенный рядом с временкой, где он принимал больных, и служивший своеобразной «больничной палатой». В углу сарайчика сто яло грубо сколоченное большое деревянное ложе с возвыша ющимися над ним сантиметров на десять деревянными бор тиками. Про себя я окрестил его «корытом».

Ким помог мне раздеться догола и улечься на живот в центр «корыта». Помощники целителя внесли тазик с обва ренными кипятком остро пахнущими травами, и кореец при нялся обкладывать этими травами всё моё тело. Боль вскоре затихла. Я понял, что бортики ложа предназначались для того, чтобы целебные смеси не падали на пол.

— Лечение займёт три дня, — сказал Ким. — Всё это время тебе придётся голодать.

— Как скажешь, — без особого энтузиазма согласил ся я.

Лекарь усмехнулся.

— Пожалуй, я навещу дедушку Давы, — сказал он. — Надеюсь, ради тебя он разрешит опустошить свою библию теку.

Около часа спустя Ким вернулся, нагруженный двумя мешками книг.

— Надеюсь, здесь ты найдёшь что-нибудь интересное для себя, — сказал он.

Я читал книги, а один состав на моей спине сменялся другим. Меня мутило от голода и от запаха трав, но особые неудобства доставлял валик, подложенный под живот.

Последним лечебным составом оказалось разогретое нутряное свиное сало, смешанное с жиром нескольких жи вотных, начиная от щенков и кончая барсуками и медведями. Вонь этого состава была столь невыносима, что у меня нача лась рвота, но поскольку из-за длительного голодания рвать было просто нечем, тело сотрясали мучительные рвотные спазмы, и я пытался ослабить их, нажимая на соответствующие точки.

Наконец Ким деревянным скребком содрал с меня слой сала и обтёр меня влажными тряпками. По его указанию в сарай вкатили стол, с кустарно приделанными к нему коле сиками от детской коляски. Подкатив его вплотную к моему ложу, кореец передвинул меня на стол, который заскрипел и прогнулся под тяжестью моего тела. Подталкивая угрожаю ще раскачивающийся и скрипящий стол, лекарь отвёз меня к ещё более жуткому сооружению, сделанному на основе детс кого спорткомплекса и напоминающему ожившую иллюст рацию ужасов инквизиции. Спорткомплекс ошетинился мно жеством причудливых блоков и цепей, лямок, верёвок и мяг ких поддерживающих накладок для различных частей тела.

Прямо на столе Ким начал меня массировать. К тому времени Учитель уже успел показать мне основные приёмы мануальной терапии, и меня

удивило то, что техника, исполъ зуемая корейским лекарем, была совершенно иной.

Хорошенько размяв и размассировав моё тело, корейс кий лекарь начал выполнять всевозможные манипуляции, начиная с суставов пальцев, как бы выгибая и освобождая их, и кончая вытягиванием головы в сочетании с вибрацией. Затем он взял меня обеими руками за челюсть и принялся тянуть, выравнивая таким образом позвоночник.

Закончив массаж, Ким на несколько часов приковал меня к спорткомплексу, подвесив за разные части тела с помощью лямок и блоков. К своему удивлению, я совсем не чувствовал боли, и меня поразило, насколько странным и непривычным стало ощущение моего тела. Оно было ужасающе мягким и казалось не моим. Я испытывал лёгкость и подъём. Мышцы отказывались слушаться. Я попытался ощупывать себя паль цами, и пальцы без труда проникали в толщу мышц, как в желе, хотя в обычном состоянии из-за напряжения в мышцах такое проникновение было бы невозможным.

Потом вернулся Ким, и началась процедура окончатель ного вправления позвонков. Он подкладывал пальцы сбоку от позвоночника, вдавливая их вглубь и в сторону, а затем ударял по ним пальцами или кулаком другой руки.

Не упоминая имени Ли, я сказал, что немного знаком с техниками мануальной терапии, и описал приёмы, показан ные мне Учителем, а потом спросил, в чём состоит принци пальное отличие манипуляций, которые Ким предельвал со мной, от известных мне методов.

— Приёмы, о которых ты говоришь, годятся для холод ного тела, — объяснил Ким, — а у тебя сейчас тело горячее, размягчённое.

Его пальцы бегали у меня по позвоночнику, как пальцы пианиста по клавиатуре рояля.

Наконец кореец ещё раз полностью обтёр моё тело, снял меня с пыточного станка и, обернув плотной тканью, на не сколько часов уложил на живот на матрасик на полу времен ки. Затем он дал мне указания особым образом покататься по полу сарайчика, а затем лежать, меняя позы, то на спине, то на боку, то на животе, потихоньку напрягая и расслабляя оп ределённые группы мышц.

Боль полностью прошла, и позвоночник нисколько меня не беспокоил.

— Ну как тебе методы народной медицины? — усмех нулся Ким.

— Мучительно, но на редкость эффективно, — вынуж ден был признать я. — Похоже, я потерял счёт времени.

— Ничего, теперь тебя ожидает нечто приятное, — ска зал лекарь. — Дедушка Давы приглашает нас на ужин.

Я вспомнил рекомендации медиков о том, что при выхо де из продолжительного голодания необходимо ограничение в приёме пищи, и ужаснулся, представив неизменно ломя щийся от яств стол корейского патриарха.

— А разве я могу наесться после голодания? — осто рожно спросил я.

— Никаких ограничений! — великодушно разрешил Ким. — Ты можешь есть всё, что пожелаешь.

Дедушка Давы принял нас с распростёртыми объятия ми, и, многословно поздравляя меня с излечением, увлёк нас к столу, один вид которого привёл меня в состояние почти неземного экстаза. Мы ели, пили и разговаривали. Дедушка Давы всю ночь рассказывал истории из своей жизни. К мое му удивлению, я не ощутил никаких неприятных последствий обжорства. Наоборот, я испытывал необычайный душевный подъём и

прилив сил.

Я уже успел рассказать Ли о том, что прохожу обучение у удивительного корейского целителя, но мы не слишком углублялись в эту тему. Однако теперь, как только Учитель вернул, я тут же забросал его вопросами о Киме и о том, что думает Ли о его методах излечения.

— Тебе посчастливилось встретиться с удивительным врачом, — сказал Учитель, — возможно, единственным в своём роде. Но не стоит вкладывать особые надежды в приращение его методик. Его методики не для многих, они — для одного. Ким — мастер высочайшего класса. Он из тех, кто всегда применяет индивидуальные методы лечения. В этом его искусство сродни высшим формам искусства Шоу. Ким создаёт уникальный способ лечения для каждого конкретного больного, в отличие от подавляющего большинства врачей, которые, наоборот, пытаются каждого больного подогнать под стандартные методы лечения.

— А почему бы вам не познакомиться? — предложил я. Ли укоризненно посмотрел на меня, и в голове у меня тут же сформулировался ответ на мой вопрос, составленный из фраз, когда-то вскользь брошенных Учителем, в частности, фразы о ненужности лишних связей. На секунду мне стало стыдно за то, что я, будучи уже продвинутым учеником, продолжаю периодически сваливаться на позиции новичка.

Впоследствии я не раз беседовал о знахарстве как с Кимом, так и с Ли, и мне особо импонировало то, что их взгляды на этот вопрос полностью совпадали.

Многие известные мне знахари утверждали, что на самом деле лечат не они, что через их посредство пациента исцеляет бог, и однажды я спросил Учителя, что он думает по этому поводу.

— Лечит не бог, а человек, — сказал Ли. — Человек может полагать, что берёт силы у бога, но на самом деле он берёт их у себя. Силы даёт вера, а не бог. Поэтому лучший лекарь — это тот, кто верит в себя, а не в бога.

В вопросах подхода к лечению Ким почти слово в слово повторял высказывания Учителя.

— Болезни следует лечить с изменения человека, с изменения его природы, его психики, его бытия и его судьбы, — объяснил мне однажды лекарь. — Если человек не управляет своими эмоциями, он болен. Если человек не управляет своими страстями, он болен. А если человек не наделён волей, то он смертельно болен. Поэтому нет смысла лечить человека, лишённого стремления к жизни, так как при этом великое умение знахаря пропадает втуне. Не следует жалеть пациента, ибо жалость не способна к трезвой оценке. Больной в первую очередь должен заслуживать излечения.

Я помню, как меня вначале даже слегка шокировало подобное мировоззрение. С одной стороны, у меня сформировался образ типичного врача, связанного клятвой Гиппократова и в каком-то смысле находящегося в рабском положении и обязанного лечить всех, хотя качество этого лечения может быть более чем сомнительным, и, с другой стороны, позиция почти всемогущего корейского знахаря, который выбирает себе пациентов, руководствуясь выработанным им самим законом жизни, законом меры, законом соотношения добра и зла. Знахарь сам выбирал человека, достойного быть излечённым, выбирал на основе мудрости и интуиции, сформировавшихся у него за долгие годы практики и обучения.

Через некоторое время Ким начал уже полностью доверять мне, и я стал принимать активное участие в процессе лечения. Ким даже начал разговаривать с некоторыми интересными для меня пациентами на русском языке.

Однажды Ким, пребывающий в особо хорошем расположении духа, совершенно неожиданно заявил:

— Я собираюсь сделать тебе подарок. Открыв дверь в приемную, он что-то сказал по-корейски, и в комнату вошла женщина средних лет.

— Это мой русский ассистент, — сказал по-русски Ким. — Расскажите, что вас беспокоит.

— Это просто ужасно, — со слезами на глазах пожаловалась женщина. — Я обращалась ко всем возможным знахарям и ко всем известным врачам, но никто не в силах мне помочь. Одна подруга рассказала мне о вас, о том, что вы творите чудеса. Вы — моя последняя надежда.

У меня очень сильные почти непрерывные хронические боли в области лица и головы. Меня обследовали лучшие профессора, но никто не может даже поставить диагноз. Я прошла все круги ада, ходила и к бабкам, и к дедкам, меня и заговаривали, и лечили травами, да всё без толку. Не знаю, может быть это оттого, что я кореянка, никто и не хочет как следует лечить меня?

Ким усмехнулся.

— Если врач не умеет лечить, то ему безразлично, чело века какой национальности не лечить, а врач, который лечит, вылечит представителя любой национальности.

Он приоткрыл дверь и отдал по-корейски какое-то распоряжение. В комнату ворхнула юная пухленькая кореянка, ещё совсем девочка, но в ней уже угадывалась будущая кра савица. В руках она несла большое лукошко с белыми, желтоватыми и коричневыми яйцами.

Испуганно зыркнув на лекаря, кореяночка грациозным движением поставила лукошко на странное сооружение, представляющее собой перевёрнутую вверх дном выварку, на которую был напаян плетёный табурет с привязанными к его ножкам верёвками. В данный момент эта выварка служила столиком, но её можно было использовать и по прямому назначению — для переноски кипятка. Тогда её переворачивали, верёвки накидывали на плечи, а плетёный табурет позволял не обжигаться, прикасаясь руками к дну.

Девчушка пробежала мимо меня к выходу, по дороге игриво задев меня бедром и бросив на меня мимолётный жалкий взгляд раскосых чёрных глазок.

— Вот чертёнок, — улыбнулся я.

— Гляди, вот пройдёт несколько лет, и ты ради неё ещё корейцем станешь, — пошутил Ким. — Такие женщины, взрослея, всегда добиваются того, чего хотят. Не забудь на свадьбу пригласить.

Меня вдруг охватило желание рассказать лекарю о своей связи с Лин и об Учителе, но я не поддался порыву. Мне вспомнилась фраза, сказанная когда-то Ли:

— Спокойные стоят выше национальностей и национальных интересов, но это не значит, что они не гордятся той национальностью, к которой принадлежат. Учение Шоу открыто для всех и принадлежит всему человечеству в целом.

Ким зажёл старую керосинку и поставил на неё кастрюлю с водой. Он велел мне помещать яйца в алюминиевый дуршлаг по 6—8 штук и опускать дуршлаг в кастрюлю, разогревая их.

— Отбирай только белые яйца, — сказал лекарь. — Цветные не трогай.

Керосинка оказалась на редкость шумной, она фырчала и сопела, как маленький огнедышащий дракон. Меня очаровывала эта почти средневековая обстановка, где вместо сверкающей хромированными

частями современной аппаратуры для лечения использовались какие-то древние и странные вещи, иногда переделанные во что-то новое или поменявшие своё назначение; и вместе с тем меня поражало, как гениальный врач, работающий в условиях этого средневековья, добивался результатов, которым могли бы позавидовать при знании светил нашей медицины.

Разогретые в воде яйца я заворачивал в льняные тряпочки и передавал их Киму. Раздетая до пояса женщина сидела на стуле, уныло скрестив руки на обнажённой груди. Она мрачно и со страхом наблюдала за процессом лечения. Лицо пациентки было искажено гримасой недоверия и боли. По тому, как налились кровью прожилки в её глазах, я понял, что приступ обострился.

Ким катал горячие яйца по её лицу, шее, спине, плечам и груди. Через полчаса выражение лица женщины смягчилось, она прикрыла глаза и, казалось, впала в полудрёму.

Остывшие яйца второй раз не разогревались. Лекарь безжалостно выбрасывал их в помятое оцинкованное ведро.

— Горячими яйцами я только подготавливал её тело к главной процедуре, — сказал Ким. — На окончательной фазе лечения болезнь выкатывается оплодотворённым яйцом, в котором теплится жизнь птенчика. Техника лечения оплодотворённым яйцом — это и есть мой подарок тебе. Теперь по давай мне только цветные яйца. Они — с живыми зародышами.

Хотя кореец обращался ко мне, я понял, что в ещё большей мере его слова предназначались для пациентки.

Оплодотворённые яйца Ким использовал уже без льняных тряпочек. Он катал их по телу пациентки, тихо нашептывая что-то на корейском языке.

Я заметил новую перемену в больной. На её лице заиграла блаженная улыбка. Она настолько расслабилась, что, когда лекарь закончил сеанс, начала медленно валиться со стула. Я успел подскочить и помочь Киму подхватить её обмякшее тело. Мы уложили женщину на плетёную циновку, по стеленную на полу справа от входа. Лекарь сунул ей под голову кипу тряпок неизвестного происхождения и назначения. Во всех процедурах Кима меня поражала не соответствующая его невероятной результативности обыденность и естественность происходящего.

Кореец дал мне указания сварить все использованные цветные яйца, сжечь их во дворе паяльной лампой в видавшем виде тазике, а затем измельчить оставшиеся угли и похоронить останки в лесу.

Пациентка пошевелилась на подстилке. Похоже, она прислушивалась к нашему разговору.

Завершив процесс уничтожения использованных яиц с наименьшим тщанием, чем если бы речь шла об использованном ядерном топливе, я вернулся во времянку. Корейский лекарь был там один.

— Неужели ты действительно веришь во всё это, — спросил я его.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, например, необходимость сжигания и захоронения использованных яиц и прочие ритуалы. Эти яйца что, действительно так опасны?

Ответ Кима оказался для меня неожиданным.

— Не важно, верю ли я, — сказал он. — Главное, чтобы в это верило подсознание. Не знаю, что именно, но что-то во всём этом есть. Главное, что это помогает, не так ли?

Кореец внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Тебе понравилось лечение оплодотворённым яйцом?

— Еще бы! — с энтузиазмом воскликнул я. Мне уже приходилось сталкиваться с чем-то подобным в народной медицине. Горячим сваренным вкрутую яйцом обычно прогревали болезненные зоны. Остужая его до нужной температуры, чтобы оно было достаточно горячим, но не обжигало, яйцо перемещали по поверхности тела, перекаты вая его с боку на бок. Если подобные манипуляции проводи ли в районе лба или носа, наступало облегчение при насмор ке или простуде, горячим яйцом можно было лечить засту женные мышцы и т. д. Однако то, что продемонстрировал Ким, было совсем иного плана.

— Секрет заключается в том, — сказал лекарь. — что болезни вытягиваются оплодотворенным яйцом, в котором теплится жизнь птенчика. Такое яйцо обладает особой си лой, но силы самого яйца еще недостаточно. Сила яйца дол жна быть дополнена силой целителя, а может быть, наобо рот, сила целителя дополняется силой яйца.

Выкатывая яйцом болезнь, ты должен очень четко и ясно представлять себе содержимое этого яйца, пусть и в симво лическом виде, вроде оранжевой или желтой массы с черной точечкой внутри, важно не то, как ты его представляешь, важ но ощущать содержимое этого яйца как бы внутри себя.

Выкатывая болезнь яйцом, ты должен чувствовать эту болезнь, представляя ее в виде некой вязкой массы, которая, в зависимости от тяжести заболевания, может быть разного цвета и разной степени вязкости. Цвет болезни обычно варь ируется от светло-коричневого до черного. Начиная катать яйцо по болезненной зоне, нужно создать образ того, что вяз кая болезнетворная масса как бы спекается, прилипая к яйцу, а затем она втягивается в черную точку зародыша, наворачиваясь на нее по суживающейся спирали.

Когда ты почувствуешь, что яйцо и зародыш до отказа заполнились болезнетворной массой, яйцо теряет свою силу и его следует заменить на свежее и чистое оплодотворенное яйцо. Использованные яйца после завершения лечения сна чала отвариваются вкрутую, а затем измельчаются и закапы ваются в землю, чтобы накопленная в них вредоносная энер гия никому не причинила вреда.

Методы Кима во многом напоминали шоу-даосскую ра боту с мыслеобразами, которую показывал мне Учитель. Впоследствии я и сам не раз применял в своей практике ме тод выкатывания яйцом, с благодарностью вспоминая удиви тельного корейского целителя.

Наиболее часто я использовал технику выкатывания оплодотворённым яйцом при лечении гинекологических за болеваний, добиваясь при этом очень хороших результатов. Так, у пары моих любовниц мне удалось вылечить серьёзное и запущенное воспаление придатков.

Хотя целительство меня необычайно привлекало, я не мог да, честно говоря, и не хотел всецело посвящать себя ему.

— Целительство — не совсем твой путь, — сказал мне как-то Учитель. — Путь целителя — это одна из ипостасей пути отшельника, а ты не создан для этого пути. Твоё пред назначение — стать Хранителем Знания, и когда-нибудь этот путь не оставит тебе времени для чего-либо другого...

ГЛАВА 5

Я продолжал размышлять о сущностях, живущих в человеке, но, поскольку Учитель больше не затрагивал этот вопрос, мой интерес к ним постепенно угасал. Про себя я решил, что сущности — это некое условное определение спе цифических «ролей», в которые вживается человек, выпол няя те или иные функции в своей социальной жизни. Так, в один момент он мог

исполнять роль отца, в другой момент — роль интеллектуала, или делового человека, или поборника справедливости.

Конечно, в глубине души я понимал, что такая трактовка слишком примитивна и не может соответствовать представлениям Спокойных о структуре человеческой психики, но подобные размышления помогали мне успокоиться и по-прежнему свое чересчур настойчивое любопытство. Так было до того дня, когда я лицом к лицу столкнулся с одной из своих внутренних сущностей, которая никак не вписывалась в схему «ролей» и которую Ли впоследствии определил как «ведущего». Все началось с упражнений укоренения и разветвления.

Был конец мая, на удивление жаркий даже для Крыма.

— Сегодня большой день для тебя, — торжественно заявил Учитель.

Мы неторопливо шагали по лесополосе, направляясь к нашей излюбленной полянке. Я промолчал, прикидывая, что может означать эта фраза. Приобретенный мною опыт общения с Ли заставлял меня настороженно относиться к подобным заявлениям.

Учитель лукаво взглянул на меня.

— Сегодня тебе предстоит стать человеком-деревом, — еще более торжественно заявил он.

— Так уж и сегодня? — усомнился я.

Поскольку в представлении Спокойных понятие «чело-век-дерево» означало совершенного человека, гармонично соединившего в себе четыре первоэлемента — землю, воду, огонь и воздух, и обретшего контроль над этими стихиями, мои сомнения были вполне оправданны.

— Интересно, куда подевалась твоя европейская самоуверенность? — усмехнулся Ли. — Неужто ты считаешь себя столь далеким от совершенства?

— Увы, — вздохнул я.

— Символ дерева имеет много скрытых значений, — переходя на серьезный тон, сказал Ли. — Дерево обладает мощью и устойчивостью. Оно плотно укореняется в земле, питаясь ее соками, впитывая в себя воду и устремляясь вверх, к небу, где его пищей становятся воздух и огонь солнечного света. Земля, вода, воздух и огонь увеличивают силу дерева, и оно дает плоды.

Человек, уподобившись дереву, также может соединить в себе инь земли и небесный ян. Плодом этой работы станет его жизненная энергия, его внутренняя сила и, в итоге, сама его жизнь.

Дерево лишено сомнений и сожалений, внутренних конфликтов и противоречий. Оно обладает естественным спокойствием и безмятежностью. Поэтому, превращаясь в дерево, ты сможешь избавиться от многих болезней духа и тела.

Мы вышли на полянку, и Учитель остановился в центре ее.

— Комплекс упражнений «Волшебное дерево» помогает воину жизни взаимодействовать с энергиями собственного организма, — сказал он. — Лучше всего начинать практику «Волшебного дерева» поздней весной, когда природа уже полностью пробудилась от зимнего сна и деревья покрылись зеленой листвой. Упражнения надо проводить на поляне, среди деревьев. Встань на северном краю поляны, лицом к югу, так, чтобы перед тобой было больше открытого пространства.

Я по положению солнца прикинул, где может находиться север, и встал так, как сказал Учитель.

— Разденься и сними часы, — велел он, — Ничто не должно стеснять твоих движений и препятствовать естественному перемещению энергии по

телу.

— Ботинки тоже снимать? — спросил я.

— В данном случае да, — сказал Ли. — Но если тебе придется выполнять упражнения в более холодную погоду, это не обязательно. Ты можешь заниматься в одежде, но она должна быть свободной. Брюки должны быть без ремня, и на теле не должно быть никаких металлических предметов. Вна чале тебе нужно размяться. Начни с упражнений по кругам, но характер этих упражнений должен быть мягким и разог ревающим, где-то на уровне контролируемых аутодвижений. Ты готовишься не к бою, а к состоянию спокойного, но чет кого восприятия, и тебе нужно размять и разогреть все тело и суставы. Одновременно с упражнениями по кругам воспро изведи состояние «внутреннего облака».

Я подчинился. Вскоре мое тело наполнилось мягкими и приятными потоками оргазмических ощущений, которые, ка залось, окутали его густым невидимым облаком. Спокойствие внутренней улыбки сделало меня легким и невесомым.

— Теперь выполни естественную стойку, — давал мне указания Учитель. — Поставь ноги на ширину плеч и распо ложи ступни таким образом, чтобы тазобедренные и голено стопные суставы располагались в одной вертикальной плос кости. Слегка присогни колени, опуская центр тяжести и рас прямляя поясницу, растягивая спину и позвоночник. Плечи расслаблены, руки свободно свисают вдоль туловища. Опус ти подбородок и слегка подтяни его к шее, так, чтобы точка бай-хуэй на макушке головы была направлена к небу. А те перь выполни упражнения «живая нора» и «кожаный мешок».

Эти упражнения были мне хорошо знакомы. «Живая нора» — упражнение с первым нижним источником — зак лючалось во втягивании ануса, сопровождаемом специфичес кимимыслеобразами с целью создания потока оргазмичес ких ощущений, который затем поднимался вверх. Упражне ние «кожаный мешок» в чем-то напоминало упражнения йоги — «наули» и «уддияна бандха». С его помощью развивались и прорабатывались мышцы живота, и затем, с помощью мыс леобразов, также вызывался поток оргазмических ощущений, которые накапливались в нижнем дань-тяне или использовались для устранения энергетических застоев во внутренних органах, мышцах и костях.

— Накапливай энергию, позволяя ей свободно перемещаться по телу, — сказал Ли.

Я почувствовал, как мышцы начали подрагивать под первыми легкими биениями аутодвижений. Учитель подошел ко мне и мягкими плавными движениями начал проглажи вать мое тело по разным направлениям. Каждое движение начиналось от точки бай-хуэй, вниз по одному из трех на правлений: по задней поверхности головы, спине, ногам и середине ступней; по лицу, груди, животу и ногам до ногтей больших пальцев ног; и через уши, плечи и руки до ногтей средних пальцев рук. В соответствии с указаниями Ли, я, сле дуя за его руками, на выдохе проводил энергию вниз, по ук азываемому его ладонями маршруту, избавляясь от напряже ния и вывода из тела в землю болезненную, «мутную» ци.

— Сейчас ты готов к укоренению, — услышал я слова Учителя. — Упражнение, которое ты будешь выполнять, на зывается «корни в земле». Представь себя деревом, стань им, почувствуй себя им. Твои стопы становятся корнями, и они врастают в землю, вжимаясь в нее так, словно хотят ее разда вить. Энергия устремляется вниз к ступням, накапливаясь там

естественным образом, стимулируя рост и силу корней. По воле своим стопам самим выбрать удобное для них положение. Они не должны быть мертвыми и неподвижными, они могут двигаться, выбирая наиболее удобную для них позицию, и, в соответствии с изменением положения стоп, туловище тоже может менять свое положение, но все эти перемены должны осуществляться лишь интуитивно, на уровне аутодвижений.

Упражнение «корни в земле» помогает тебе развить устойчивость и силу ног, так необходимые в бою, оно создает прочную энергетическую связь с землей, оно позволяет тебе питаться силой земли, накапливая ее в ногах и нижнем дань-тяне, подобно тому, как ею питается дерево.

Прежде чем начнутся аутодвижения, ты можешь проявить немного самостоятельности, сознательно подталкивая свои ноги к интуитивному выпусканию корней. Перенеси для начала вес на пальцы ног, вдави их в землю и ощути, как они врастают в нее. Потом перенеси вес тела на пятки и позвошь пяткам укорениться. Затем распредели равномерно вес по всей стопе и почувствуй, как корни прорастают из точки юн-цюань. Не забывай о том, что корни устремляются не только вглубь, они распространяютсявширь. Чем мощнее твоя корневая система, тем выше твоя устойчивость и тем эффективнее твоя энергия взаимодействует с энергией земли.

Чтобы пустить корни еще глубже, ты можешь дополнительно опустить центр тяжести тела, сопровождая это опускание мыслеобразом еще более мощного и глубокого укоренения.

Я почувствовал, как мышцы ступней подергиваются от притока ци. Энергия, скапливаясь в нижней части ног, начала пульсировать, вызывая раздражение и беспокойство. Я несколько раз перекатился с пальцев на носки, пытаясь «выпустить корни», но что-то не срабатывало, словно невидимые закурпки в активных зонах пальцев препятствовали моей энергии слиться с энергией земли. Раздражение от бегущей энергии в ногах нарушало мою концентрацию. Я вновь обратился к упражнениям внутренней улыбки и «живой норы», стараясь достичь необходимого состояния спокойствия.

Глубокое размеренное дыхание помогло мне отключиться от неприятных ощущений в ногах, на миг я вошел в столь приятное и расслабляющее состояние «внутреннего облака», что на какой-то отрезок времени позабыл, кто я, где я и чем занимаюсь, а затем меня поразило неожиданное и странное ощущение. Мне показалось, что из пальцев ног вырвались юркие быстрые змейки, которые нырнули в землю, но их хвосты плотно застряли у меня в ступнях.

Змейки вертелись, устремляясь вниз, отыскивая удобные им позиции, а потом у меня перед глазами почему-то промелькнула сцена из учебного кинофильма, в котором показывался многократно ускоренный процесс роста пшеницы. Белые, вначале почти прозрачные тонкие ростки, набирая силу и цвет, уверенно устремлялись вверх. Словно отзываясь на эти образы, десятки подобных ростков вынырнули из моих стоп, на сей раз устремляясь не вверх, а в землю.

Я почувствовал, как стопы зашевелились, интуитивно отыскивая наиболее удобное для укоренения положение, а за тем ростки буквально пригвоздили их к земле. На мгновение возникло желание освободиться, почувствовать себя свободным. Я попытался приподнять ногу, но не мог даже на миллиметр оторвать ее от земли.

Ростки разрастались. Я чувствовал, как деревенеют их стволы, как они меняют свой цвет на более темный. Поток ци больше не вызывал напряжения у меня в ногах. Энергия ушла в землю, превратившись в

стремительно развивающуюся корневую систему.

Я, удивленный и потрясенный, отстраненно наблюдал за этим процессом. Рост корней постепенно замедлялся, наступил момент, который я определил про себя как момент равновесия, а затем энергия земли принялась наполнять мои корни. Она поднималась вверх медленными, приятными и мощными потоками. Эта энергия не была тяжелой и беспокойной. Возникла несколько странная аналогия этой энергии с густым материнским молоком. Наполняя и питая меня, ци земли давала мне устойчивость и спокойствие.

Поглощенный переживаниями, я не сразу обратил внимание на боль и напряжение в полусогнутых ногах. Я направил энергию земли вверх, и ее целительный поток почти сразу принес облегчение. Ци скапливалась в нижнем дань-тяне. Ее потоки начали циркулировать по всему телу, вверх и вниз. Потоки, идущие к корням, стимулировали их рост, хотя это был рост уже не вглубь, авширь. Последнее, что я помню, — это спазмы неконтролируемых аутодвижений, которые, стремительно усиливаясь, понесли меня вразнос.

Когда я пришел в себя, я лежал на земле, на своей одежде, а Учитель с сосредоточенным видом массировал и растирал мое тело.

— Ты не должен был до такой степени отдаваться во власть аутодвижений, — сказал Ли. — Ты потерял контроль над ними. Мне пришлось принимать срочные меры, чтобы вывести тебя из опасного состояния.

— Я не знал, что нужно контролировать аутодвижения, — попытался оправдаться я. — Я мог это сделать, но ты же меня не предупредил.

— Все в порядке, — сказал Учитель. — Для первого раза все прошло неплохо. Но теперь, когда ты имеешь представление о том, что такое укоренение, ты будешь выполнять это упражнение самостоятельно в течение нескольких недель, так что тебе придется самому полностью контролировать весь процесс. Ты не должен намеренно вызывать аутодвижения или специально подавлять их. Просто следуй за велениями тела и наблюдай проявления ци в твоём организме, пребывая в состоянии внутреннего спокойствия и отрешенности. Твое тело знает, что делает. Не мешай ему.

В этот раз ты отключился и не смог завершить упражнение. Когда аутодвижения усают, нужно забрать свои корни из земли. Ты можешь представить, что ты всасываешь их внутрь, растворяя их затем в своём теле и вместе с ними возвращая обратно твою собственную энергию, смешанную с энергией земли и воды. При помощи дополнительных мысленных образов ты можешь собрать ци из окружающего пространства или от окружающих тебя деревьев, перемещать эти энергии в теле, равномерно распределяя ци по организму, и т. д. Со временем ты научишься интуитивно чувствовать, что именно тебе нужно.

Забрав свои корни внутрь, ты должен руками собрать ци движением инь в круге силы и, наложив ладони на нижнюю часть живота, поместить ее в нижний дань-тянь. После этого тебе предстоит растереть и размассировать все тело, начиная с области живота вокруг пупка. Затем следует область почек и ноги. Ты оглаживаешь ноги сверху вниз, собирая в землю избыточную ци, и наконец переходишь к верхней части туловища, начиная массаж от кистей рук к плечам, затем следуют лицо, шея и волосистая часть головы. Не забудь сбрасывать с рук лишнюю ци. Процедура заканчивается прохлопыванием ладонями по всему телу и отдыхом в течение десяти-пятнадцати минут.

Я начал практиковать укоренение ежедневно, по возможности в лесу, но, в силу недостатка времени, иногда приходи-

лось довольствоваться комнатой. Учитель время от времени спрашивал о моих успехах, и наконец он решил, что пришло время перейти к следующему упражнению комплекса «живые деревья».

— Упражнение, которое ты сейчас будешь делать, называется «живая ветвь» или «разветвление», — сказал он.

Мы находились на той же самой полянке в лесополосе, где я впервые «укоренился».

— «Пустить корни» — это лишь полдела, — продолжил Учитель. — Корни — это основа, это сила дерева, но через корни дерево впитывает в основном воду и питательные вещества. Теперь, когда ты знаешь, как укорениться, пришла пора перейти к следующему этапу — к этапу роста и развития. Теперь ты будешь устремляться не только вглубь земли, но и к небу, выпуская вверх ветви и питаясь еще и энергией неба и солнца — чистой энергии воздуха.

Процесс «выпускания корней» занял несколько минут, и, когда мое тело стало подгибаться первыми изгибами, Учитель подошел ко мне. Его пальцы коснулись кончиков пальцев моих рук, коротким легким движением подкинул их вверх.

— Расслабься и отдайся ощущениям, — сказал Ли. Его пальцы продолжали приподнимать и подбрасывать мои кисти, плавно меняя направление движений. С каждым разом руки становились все более невесомыми. Они опускались вниз медленно и словно нехотя. Я тоже становился легким и невесомым. Меня охватывало удивительное ощущение радостно-восторженного спокойствия. Несмотря на свою интенсивность, радость и восторг не были утомительными, а затем мои руки, отыскав особые зоны пространства, словно созданные для них, зависли в воздухе. Создавалось впечатление, что все мое тело погружается в приятную упругую и мягкую массу, поддерживающую меня в расслабленной неподвижности, и в следующий момент я ощутил себя парящим над огромным бескрайним пространством, подобно степному орлу.

Эта ассоциация неожиданно вызвала удивительно яркие воспоминания детства. Я ощутил свою нить жизни, вернувшись в яркий летний день, когда мне было восемь лет. В то время у меня уже было свое ружье. Я испытывал столь типичную для многих мальчишек страсть к охоте.

В тот день мы с отцом охотились в степи. Я заметил орла, сидевшего на столбе линии электропередач. Тщательно прицелившись в него, я выстрелил и понял, что попал, потому что огромная птица слегка вздрогнула.

Орел медленно повернул голову в мою сторону, и, как мне показалось, взглянул на меня с презрительным спокойствием. Немного погодя он величественно расправил крылья и, оттолкнувшись от столба, взмыл к небесам.

Это был удивительный момент. Возможно, тут сказалось изумление оттого, что выстрел не причинил птице никакого вреда. Чувство, которое я в этот момент испытывал к орлу, приближалось к чувству религиозного благоговения. Для восьмилетнего мальчика он стал своеобразным символом величественного спокойствия и силы, почти символом вечности. В момент, когда орел воспарил, я слился с ним в своих чувствах. Казалось, что я расправил крылья и взлетел вместе с ним, унесенный ввысь этим прекрасным зрелищем.

Я так никому и не рассказал о своих переживаниях, только спросил у отца, почему выстрел не причинил птице никакого вреда.

— Твои патроны были заряжены бекасином в расчете на перепела, — ответил отец. — Это очень мелкая дробь, а перо крупной птицы хорошо

защищает от неё, особенно если выстрел был произведен с большого расстояния.

Я принял это объяснение, но оно не изменило мои чувства. После встречи с орлом состояние парения стало часто посещать меня во сне и в полудреме, и я уже настолько ассоциировал себя с этой могучей птицей, что переставал ощущать себя человеком, оставалось лишь удивительное чувство парения.

Я и раньше летал во сне. Подобные сны свойственны многим людям и связаны с различными фазами полового созревания. В народе существовало поверье, что, когда человек летает, он растёт. Однако «парение орла» в моих снах было очень специфичным.

Для меня полёт начинался с того, что я взмывал над лестничным пролётом нашей симферопольской квартиры, где деревянная лестница полуинтом уходила вниз, к двери на улицу. На какой-то момент я зависал над этим пролётом, а затем выплывал в широко раскрытое окно веранды и скользил над знакомыми улочками родного города, то взмывая высоко вверх, то снижаясь до уровня голов идущих по улицам пешеходов.

И вот сейчас я снова был орлом, парящим над широкими просторами степи.

Громкие ритмичные звуки прервали чудо этого полёта. Я сфокусировал взгляд и понял, что Учитель хлопает в ладоши перед моим лицом.

— Вернись к суровой действительности, мой маленький брат, — с обычной для него ехидной усмешкой произнес Ли. — Заверши упражнение и промассируй тело.

Я привычно втянул внутрь корни, концентрируя энергию в нижнем дань-тяне, и, завершив массаж, опустился на землю рядом с Учителем, поглощённым завариванием чая.

— Это было здорово, — взволнованно сказал я. — Мне не часто приходилось испытывать подобное удовольствие. Я даже вернулся назад по нити жизни в один удивительный момент моего детства.

Пока Ли неторопливо разливал чай по кружкам, я рассказал ему о своём переживании.

— Что такого ты сделал со мной? — в заключение спросил я. — Я запомнил только, что ты приподнимал пальцами мои руки.

— Ветви деревьев не растут так, — сказал Учитель. — Они занимают совершенно особые зоны пространства, располагаясь так, как им удобно, как требует того их энергетика. Когда ты пускаешь корни, когда ты превращаешься в дерево, твои руки становятся ветвями деревьев. И точно так же, как ветви деревьев ищут своё особое место в пространстве, твои руки должны отыскивать благоприятные для тебя зоны.

— О каких зонах ты говоришь? — заинтересованно спросил я. — Я не знал, что существуют какие-то особые зоны.

— Ты прекрасно знаешь об этом, — возразил Учитель. — Я уже рассказывал тебе о методе лечения некоторыми зонами пространства, или о том, как на определённом расстоянии от человека ставят зажжённую свечу, пламя которой особым образом воздействует на энергетику человека.

— В самом деле, ты прав, — вынужден был признать я. — Но у меня как-то не возникла ассоциация между лечением зонами пространства и особыми позициями рук.

— И то и другое позволяет тебе влиять на энергетические потоки организма, — сказал Ли. — Наверняка ты заметил, что, когда я подкидывал твои руки, перемещая их в разных направлениях, ты по-разному

воспринимал разные зоны пространства. В некоторых из них твоим рукам хотелось отжаться подольше, а в самых благоприятных для тебя зонах руки застыли, и ты испытал чувство удивительного комфорта. Ты выполнил то, что делает дерево, — отыскал наилучшие позиции для твоих ветвей.

На первых порах тебе потребуется моя помощь, но вскоре ты сам научишься правильно располагать свои ветви. Для этого тебе нужно лишь подметить начало аутодвижения рук, а затем интуитивно помочь им занять благоприятную для тебя позу. По мере приобретения опыта ты сможешь уделять внимание и «листьям» — пальцам, поскольку пальцы тоже в значительной мере влияют на перераспределение энергии в твоём организме.

Но ни в коем случае не старайся запоминать позиции ветвей и воспроизводить их в последующих упражнениях разветвления. Каждую минуту, каждый момент в тебе и в окружающем мире происходят перемены, поэтому каждый раз тебе придется интуитивно отыскивать новые зоны и новые позиции. По мере практики позиции рук будут становиться все более симметричными, хотя полной симметрии тебе до биться так и не удастся. Симметричные позиции рук говорят о здоровье и о гармоничном распределении энергии в теле. Если же поза несимметрична, но естественна, это является

свидетельством избытка или недостатка ции в каких-то областях тела.

Неестественные позиции свидетельствуют о более серьезных нарушениях. Неестественные позиции, сопровождающиеся наклонами и искривлениями туловища, называются «корявое дерево», но, принимая эти причудливые позы, тело как бы лечит само себя, устраняя застои энергии и компенсируя нехватку или избыток ции.

Когда твои позы станут более или менее симметричными и ты приобретешь достаточную практику в упражнениях «Волшебное дерево», ты почувствуешь то, что называется «шевелением корней». Потоки ции, идущие через ноги в землю, улучшат проходимость энергетических каналов ног, сила ног увеличится, и возникнет естественная тенденция сгибать колени, опуская центр тяжести все ниже и ниже. Ступни ног могут начать незначительно смещаться, отыскивая еще более прочные позиции укоренения, и таким образом *будет* происходить перемена стойки. Но все эти изменения должны протекать медленно и естественно, без нарушения ритма дыхания и позиций туловища и рук. В каждом упражнении ты должен прорабатывать лишь одно особое положение, допуская не более одной перемены стойки. По мере практики ты приобретешь необходимый опыт.

— У меня не выходит из головы мой опыт парения, когда я превращался в орла, — задумчиво произнес я. — Я столько раз испытывал его в детстве, и сейчас я снова вернулся к нему. Такое впечатление, что я превращаюсь в нечто совершенно не имеющее отношения к моей обычной личности, и в то же время я знаю, что мне делать, чего я хочу и как я должен действовать. Что это такое — обычный сон или нечто более глубокое?

— В эти моменты орел становится твоим ведущим, — пожал плечами Ли. — Это очень простое объяснение.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я.

— Похоже, что мы возвращаемся к теме, которой ты так одержим, — усмехнулся Учитель. — Ведущий — это одна из сущностей, которая может быть частью тебя или может на какое-то время входить с тобой в контакт.

По лукавым огонькам, поблескивающим в глазах Ли, я понял, что он находится в хорошем настроении, и в моей душе забрезжила надежда.

— Поднимайся! — скомандовал Учитель прежде, чем я успел задать свой следующий вопрос. — Встань на северный край полянки и выполни

упражнения выпускания корней и разветвления.

Я с легким сожалением отставил в сторону кружку с недопитым чаем и отправился на «место укоренения». Меня охватило разочарование при мысли о том, что я ошибся и Учитель снова ушел от разговора о сущностях.

Возможно, разочарование мешало мне сконцентрироваться, и процесс укоренения занял больше времени, чем обычно.

— Соберись, — неожиданно прикрикнул на меня Ли. — Ты должен быть готов встретиться лицом к лицу с твоим главным ведущим.

Тут мог сыграть роль фактор неожиданности, или было что-то особенное в интонациях его голоса, но этот окрик буквально загипнотизировал меня, и, когда Учитель стал подкидывать мои руки, они повиновались ему, как хорошо вымуштрованные солдаты опытному сержанту. Я чувствовал зоны пространства как миниатюрные тоннели или как обволакивающие и поддерживающие чехлы, имеющие более или менее удобную для моих рук конфигурацию. Наконец руки отыскали идеально отвечающую им форму и растворились в ней. Я ощутил мощный выброс энергии, направляющийся вверх, от корней к голове и ветвям, а затем мое тело исчезло, и я провалился в безбрежное пространство, наполненное интенсивным фиолетовым цветом, в котором, кроме этого света, ничего больше не было. Я ощутил растерянность и пустоту, поскольку я не знал, что со мной, что случилось с моим телом и где я нахожусь, а затем из глубины фиолетового цвета и, одновременно, из глубины меня самого сформировалось странное существо, не имеющее ни формы, ни объема, и это существо заговорило со мной.

На самом деле слово «заговорило» тут не подходило. Существо передавало мне информацию каким-то особенным, бессловесным образом, на уровне некоего универсального чувственного восприятия. Я знал, что существо было мной, и в то же время мной не являлось, и я знал, что это существо знало ответы на все вопросы, которые волновали меня, а за тем я ощутил безграничную уверенность в правильности выбранного мною пути, во всем, что я делал и чем занимался. Затем существо передало мне нечто, что я мог бы определить как универсальное знание, граничащее с мудростью вселенной. Я не мог осознать его или удержать, но восхищение оттого, что я к нему прикоснулся, взволновало меня до такой степени, что я позабыл обо всем. Затем меня буквально вырвало из фиолетового пространства мощным высасывающим движением, и я вернулся к действительности.

Я ощутил свое тело с нелепо растопыренными руками, вибрирующими в воздухе, словно крылья птицы, ловящие ветер. Мои босые ступни особенно остро ощущали контакт с землей через точку инь — юн-цюань и через точку ян в центре соединения пятки со стопой, через которую энергия возвращается в землю при «падении плода». Мои пальцы щеко тала трава. По сгустившимся сумеркам я понял, что провел в состоянии «волшебного дерева» немало времени. Даже не оглядываясь по сторонам, я знал, что Учитель ушел.

Тело налилось ощущением силы, но в то же время некоторые его части были застывшими и одеревеневшими. Я почувствовал себя опустошенным. Я втянул энергию корней и ветвей внутрь, концентрируя ее в нижнем даньтяне, и, потянувшись затекшим телом, приступил к массажу. Затем я сел на землю, привалившись спиной к дереву, и, бездумно глядя на звезды, вернулся в воспоминаниях к своей встрече с тем, кого Учитель назвал моим главным ведущим.

Впоследствии я не раз показывал упражнения укоренения и

разветвления своим ученикам. Их реакции были самыми разнообразными — спокойными и бурными, с мощными всплесками энергии аутодвижений, даже сопровождавшимися криками или плачем, но лишь двое моих учеников смогли однажды провалиться в фиолетовое пространство, где они, как и я, встретились с главным ведущим.

Мне запомнился забавный случай, когда один из участников семинара после выполнения упражнения «волшебных деревьев» подошел ко мне и сказал:

— Я уже давно занимаюсь практиками ци-гун, но удивительно, что даже в парных упражнениях с женщинами я не испытывал столь мощных переживаний, как при занятиях с вами.

— Но ведь Учитель лучше любой женщины, — глубоко комысленно заметил я, и участники семинара буквально согнулись пополам от хохота.

Я с нетерпением ожидал следующей встречи с Ли, терзаемый жадой поделиться с ним подробностями моей встречи с ведущим, а заодно засыпать его вопросами на интересующую меня тему. На следующий день, вернее, на следующую ночь мы встретились в городе и, как обычно, отправились бродить по улицам.

Учитель посмеивался над моим нетерпением, но я чувствовал, что он готов к разговору.

— Ведущий — это особое состояние тела, души и разума, позволяющее через чувства понять то, что недоступно уму, — наконец сказал он.

— Но ведь согласно этому определению ведущий — это состояние, а не сущность, — заметил я. — А ведь раньше ты говорил, что ведущий может быть частью меня, но может быть и сущностью, находящейся вне меня.

— Не придирайся к определениям, — сказал Учитель. — Ведущего невозможно описать словами, поэтому опиши мне, которые я тебе даю, — всего лишь очередной кусочек ложного знания, которое, тем не менее, помогает тебе создать представление о теме разговора. Вчера ты встречался с ведущим и получил от него знак истины. Ты видел его, ты говорил с ним, так объясни мне, что такое ведущий.

— Я не могу этого объяснить, — сдался я. — Но мне бы хотелось побольше узнать о ведущих, даже если то, что ты мне скажешь, не будет в полной мере отражать истинное положение вещей.

— Наиболее распространенный тип ведущего я мог бы определить как некую сущность, находящуюся внутри тебя, представляющую собой квинтэссенцию работы твоего подсознания и способную гораздо более плодотворно, нежели сознание, анализировать опыт твоей жизни и события, происходящие в окружающем мире, — сказал Ли. — В той или иной форме ведущий присутствует в каждом человеке, но далеко не все способны слышать его голос или воспринимать его внесловесные команды. Люди, чутко реагирующие на указания ведущего, называются ведомыми. Как правило, ведомые люди щедро одарены в энергетическом смысле. Они чувствительны и обладают хорошей интуицией. Такие люди могут принести много пользы себе и окружающим, если они выберут правильный путь, свободный как от излишних предрассудков, так и от ложного заигрывания с тайными силами, управляющими их жизнью.

Ведущие обычно привязаны к настроению, к эмоциональному состоянию человека. Ведущий может проявляться в душе человека в виде затаенной, но устойчивой эмоции, которая редко приобретает бурные формы, но тем не менее эта эмоция четко и однозначно указывает хозяину, например, что ему

стоит или не стоит делать, с кем ему стоит или не стоит вступать в контакт.

Многие, сами того не ведая, испытывают сильнейшее воздействие ведущих в моменты сильной влюбленности, когда нечто внутри их подталкивает к совершению безумств, полностью противоречащих предыдущим планам и доводам рассудка. Нечто подобное происходит в состоянии аффекта, когда человек может совершить самое ужасное преступление, а затем он не в силах понять, как это произошло. На короткое время подсознание захватывает власть и влечет человека по избранному им непредсказуемому пути.

— Но ведущие, о которых ты говоришь, причиняют человеку вред, — заметил я. — Вначале я понял, что ведущий помогает человеку выбирать правильное решение в случаях, когда его сознание не способно полностью оценить ситуацию.

— Есть множество типов ведущих, — сказал Учитель. — Больше, чем ты можешь себе вообразить. Формы их проявления классифицируются в соответствии с шестидесятью четырьмя гексаграммами. Это сложная классификация, и сейчас я не буду вдаваться в подробности. Ты должен уяснить лишь то, что есть благоприятные для тебя ведущие и есть ведущие-разрушители. Ведущие, помогающие человеку, тесно связаны с его внутренней силой, но личность такого человека должна быть гармоничной и уравновешенной. В случае личности, страдающей от внутренних конфликтов, склонной к резким перепадам настроения, ведущие не могут обладать целостной стратегией, и, даже в случае, если человек обладает значительным запасом энергии и внутренней силой, влияние ведущих может быть как благоприятным, так и опасным. Именно поэтому я упоминал, что ведомые люди должны придерживаться срединного пути, избегая как излишних предрассудков, так и заигрывания с неизвестными силами. Еще одна любопытная категория ведущих — это ведущие сна. Ведущие сна как бы предугадывают ситуацию, которая может возникнуть, и облачают ее в видения. Эти видения становятся вещими снами.

Ведущие глубинной интуиции помогают человеку, серьезно настроившемуся на достижение какой-то конкретной цели, отыскать наиболее быстрые и доступные способы ее достижения.

Для военной жизни подобные ведущие завязаны на их внутренней силе. Именно на взаимодействии с такими ведущими построена значительная часть техник управления войсками. Воины жизни умеют создавать своих ведущих, или они могут позволить кому-то еще создать ведущего для них. Иными словами, ведущий не всегда является порождением самого ведомого.

Умея создавать ведущих для других, ты сможешь управлять людьми. В частности, на этом во многом основаны техники управления толпой или техники управления группой людей.

Самый простой способ создать ведущего для другого человека — это использовать его жажду или потребность. Приведу элементарный пример — тебе достаточно в жаркий день с наслаждением выпить стакан воды для того, чтобы человек, у которого уже сформировалась аналогичная потребность, ощутил непреодолимое желание последовать твоему примеру.

— Это мне напомнило дурную шутку, которую иногда проделывают на концертах, — сказал я. — Говорят, что если кто-то сидит в первом ряду и жует лимон, корча соответствующие рожи, у музыкантов, играющих на духовых инструментах, рот наполняется слюной, и они не могут нормально играть.

— Это еще один способ формировать ведущего, — кивнул Учитель. —

Как видишь, существует множество способов.

Для контроля над ведущими Спокойные используют внутреннего стража. Именно внутренний страж защищает интересы своего хозяина, своевременно высвобождая или контролируя его жажды, но страж в то же время является и разумным ведущим, в некотором роде королем всех ведущих, поскольку на пути к достижению цели он действует наиболее осознанно.

Представь, что полностью обессиленный человек ползет по пустыне в попытке отыскать источник воды. Ему приходится контролировать все свои эмоции, все свои жажды, подталкивающие его прекратить сопротивление, расслабиться и отдохнуть, но поддаться этим жаждам означает проиграть битву в борьбе за жизнь. В подобной ситуации внутренний страж, контролируя волевыми усилиями мотивацию человека, мобилизует его на продолжение борьбы, на выживание.

Ли замолчал. Несколько минут мы шагали в тишине, а потом я задал вопрос, который давно вертелся у меня на языке.

— А что ты можешь сказать о сущностях, которые охватывают бесноватых? — спросил я.

— Не торопись. Возможно, когда-нибудь ты встретишься и с нелюдьми, — усмехнулся Учитель.

ГЛАВА 6

Общаясь с людьми, практиковавшими альтернативные методы лечения, я условно относил их к одной из трех категорий: знахарей, народных целителей и «полународных целителей». К категории народных целителей я относил людей, использующих типичные средства народной медицины — лекарственные травы, прогревание, компрессы и т. д.

Знахари, с моей точки зрения, в основной степени полагались на психологические методы воздействия, типа чтения молитв или заговоров, изгнания духов, снятия порчи и совершения прочих магических ритуалов, хотя и они в своей практике широко использовали методы народной медицины.

Самым распространенным типом «полународных» целителей были люди, страстно увлеченные народной медициной. Они использовали любой предлог для того, чтобы давать советы и рецепты всем родственникам, друзьям, знакомым и даже незнакомым. Как правило, их советы приносили больше пользы, чем вреда, но нередко случалось, что они допускали ошибки.

Одной из таких «полународных» целительниц была моя знакомая преподавательница. Я познакомился с ней на первом курсе института, и интерес к народной медицине, первоначально объединивший нас, перерос в прочную дружбу. Соня давала мне переписывать ее конспекты по рецептурам трав и народным методам лечения. Во время лекций, прикидываясь прилежным студентом, записывающим каждое слово преподавателя, я изучал и копировал их. Я тоже не остался в долгу и принес ей тетради, где были записаны кое-какие рецепты по лечению животных, которые сообщил мне отец, некое рые знахарские приемы, которым научил меня дядя Федя, брат отца, живущий в селе «Фонтан», в доме которого я, еще будучи школьником, иногда проводил часть летних каникул.

Мы начали активно обмениваться литературой на тему всевозможных

методов лечения, типа лечения кристаллами или камнями, запахами, наложением рук и т. д. Естественно, литература подобного рода существовала в те времена лишь в виде ксероксов, сделанных с подпольных переводов, и по добный обмен порождал особо доверительные отношения.

Я стал желанным гостем в Сониной семье, и оказалось что увлечение народной медициной захватило всех ее чл е нов. В ее доме я познакомился с несколькими народными и «полународными» целителями, там же я впервые столкнулся с практическим применением рефлексотерапии, иглоукалы вания и прижигания.

Два-три раза в год к Соне в гости приезжал врач-рефлексотерапевт, живущий в одном из небольших украинских городков. Он действительно был прекрасным специалистом, и одна из комнат Сониной квартиры на время превращалась в кабинет. Естественно, что Сониной семье и ее близким дру зьям медицинские услуги оказывались бесплатно, но с ос тальных врач брал деньги и очень неплохо зарабатывал себе на жизнь.

Благодаря ходатайству Сони, мне была предоставлена уникальная возможность наблюдать за процессом лечения, а заодно изучать литературу и конспекты по рефлексотерапии, которые он привозил с собой. Так первые курсы института превратились для меня в своеобразный университет, где я активно изучал не только воинское искусство, но и народную медицину.

В те времена методы рефлексотерапии еще были в но винку, и люди, хорошо освоившие их применение, обычно неплохо устраивали свою жизнь. Даже в тех случаях, когда их услуги не оплачивались деньгами, они с лихвой компен сировались другими способами.

Так один мой знакомый офицер, служивший в провинци альном гарнизоне, с моей подачи всерьез заинтересовался иглоукалы ванием и, хотя и был самоучкой, лечил быстро и эффективно. Об этом его таланте прослышали более высо кие чины. Они начали пользоваться его услугами, а в благо дарность за это посылали его на различные курсы повыше ния квалификации, писали положительные характеристики и всячески способствовали его продвижению по службе.

Переезжая на новое место службы, в другой город, этот мой знакомый быстро создавал себе репутацию не только открытого общительного парня и хорошего офицера, но и врача, целителя, бескорыстно помогающего окружающим. В армии, как ни в одной другой структуре, бескорыстие неред ко щедро вознаграждается. В конце концов он перебрался в Москву, защитил диссертацию и получил звание полковни ка. Возможно, когда-нибудь он станет генералом. Не знаю, как сложилась бы его жизнь, если бы он не увлекся иглоука лыванием...

Общаясь со знахарями, я убедился в том, что, хотя они и применяют самые разные методы, все эти методы базиру ются на нескольких основных принципах или идеях. Наблю дая за работой народных целителей, я понял, что по меньшей мере половина успеха обеспечивается не столько прописы ваемыми ими лекарственными препаратами, сколько специ фическим процессом общения, неким особым рода контак том, устанавливающимся между лекарем и пациентом.

Наиболее распространенным способом общения с боль ным было полное подавление его воли, более того, некото рые знахари, как мне казалось, воспринимали пациента чуть ли не как врага, которого они стремительным натиском зах ватывали в плен. Я понимал, что в условиях дефицита време ни, при большом потоке больных этот метод может неплохо работать, но мне, воспитанному в шоу-даосских традициях проявления

уважения к людям и искреннего ненасильственного общения, он не слишком нравился, хотя в некоторых случаях он и в самом деле оправдывал себя.

С одной из целительниц, крайне агрессивной и на редкость воинственно настроенной по отношению к больным, я познакомился чисто случайно, благодаря моему другу, который зарабатывал на жизнь подпольным разведением пушных зверей. Володя ненадолго заскочил ко мне домой и, поговорив на разные темы, предложил мне поехать с ним к целительнице Анфисе, живущей в Белогорске на улице Павлика Морозова.

— Ты сам убедишься, что это нечто особенное, — улыбаясь собственным воспоминаниям, сказал Володя. — Не знаю, насколько она хороша как целительница, но могу гарантировать, что по изощренности ругательств и многоэтажности мата она побьет любого мужика. Надеюсь, что ее напор тебя не испугает.

— Меня трудно испугать, — заметил я. — Ты слышал, как выражается моя дорогая мама. Не уверен, что твоей белогорской колдунье удалось бы ее превзойти.

— Ох уж эти женщины, — вздохнул Володя. — С ними так просто не сладишь.

— И как она лечит? — поинтересовался я.

— Травами и родным русским матом, — ответил Володя. — Народ к ней просто ломится.

— А ты как с ней познакомился?

— Мои родственники находятся с ней в приятельских отношениях. А я к ней обращаюсь за советами по поводу песцов. Ты же знаешь, я не могу пригласить официального ветеринара, а она и животных лечит.

Пока мы добирались до шоссе, чтобы поймать попутку до Белогорска, Володя сообщил мне дополнительные сведения о воинственной целительнице. Я узнал, что в данный момент в ее доме живет семейная пара, приехавшая из Петропавловска-Камчатского, муж и жена. Каждое лето они проводят с целительницей, помогая ей и приобретая необходимые навыки в лечении, а в остальное время совершают длительные рейды по всей стране, собирая целебные травы в самых разных регионах, в том числе, конечно, на Алтае и на Дальнем Востоке. Анфиса платит им за помощь и травы не большой процент от своих доходов, но эти деньги с лихвой перекрывают зарплату, которую они могли бы получить, работая на государство.

На своем приусадебном участке целительница также выращивает лекарственные травы, и, кроме того, у нее есть много добровольных помощников, бесплатно снабжающих ее лекарственным сырьем.

Володя признался, что сам неоднократно в благодарность за лечение песцов привозил ей овес, собранный в нужное время на указанном Анфисой поле. На то, чтобы наполнить багажник свежесрезанными колосьями, не требовалось много времени. Небольшие дозы овса в качестве общеукрепляющего средства Анфиса добавляла почти во все рецепты. Вообще овес и очанка были ее самыми любимыми растениями, и она их прописывала больным. Однако иногда она бралась и за сложные случаи заболеваний.

Как я впоследствии убедился, основным руководством в ее работе служили книги по лекарственным травам, изданные в шестидесятые годы, но, по моему мнению, решающим фактором успеха ее врачебной практики были именно психологические методы воздействия на пациента.

Наконец мы добрались до Белогорска и несколько минут спустя отыскали небольшой беленый домик Анфисы. Калитка, ведущая во двор, была не заперта, и из-за нее доносились громкие пронзительные крики.

Слова было трудно разобрать, но тон разговора ясно давал понять, что объекту, на который в данный момент была обращена всепоглощающая ярость целительницы, приходится несладко.

Володя гордо улыбнулся и, широким жестом указывая рукой в сторону дома так, как директор зоопарка демонстрирует комиссии клетку редкостного и дорогого зверя, сказал:

— Как видишь, прием пациентов в самом разгаре. Мы вошли во дворик и, миновав стайку съездившихся от нехорошего предчувствия больных, подошли к широко распахнутой двери дома, где в прихожей с земляным полом я увидел сухошавую седовласую Анфису в компании невольного роста мужчины средних лет, который явно предпочел бы провалиться сквозь землю, но, к сожалению, не знал, как это сделать.

Я, многое повидавший и выслушавший на своем веку, был действительно поражен виртуозностью матерной лексики целительницы и, особенно, неистовым накалом бешенства, звучащим в громовых раскатах ее голоса.

— Ах ты, гадина, трах-тарарах, ах, ты, гнида поганая, трах-тарарах-тах-тах, — вопила целительница. — Да как ты посмел, трах-тарарах, подумать, трах-тарарах, что ты можешь лечиться у другого врача, трах-тарарах-тах-тах! Да если бы я, трах-тарарах, не могла вылечить твою болезнь, трах-тарарах, я бы сама отказалась лечить твою рожу недоделанную, трах-тарарах-тах-тах. Вы все свиньи неблагоприятные, трах-тарарах, недостойные моего участия, трах-тарарах, и т. д. и т. п.

Минут пятнадцать мы наслаждались Анфисиным красноречием. Я успел вникнуть в ситуацию и понял, что злобный мужичонка осмелился задать вопрос, не имеет ли смысла обратиться к другому врачу и не может ли Анфиса порекомендовать ему еще какого-либо знахаря.

Наконец утомленная целительница сделала короткую паузу, переводя дух, и провинившийся пациент получил возможность произнести пару слов в свое оправдание. Со слезами на глазах он умолял женщину простить его и продолжить лечение, перемежая свою речь самыми страшными клятвами, что впредь даже думать не осмелится о том, чтобы смелить врача.

Анфиса смягчилась и, сменив гнев на милость, выпроводила мужичка, снабдив его на дорогу пакетиком трав, в состав которых входила неизбежная очанка.

Воспользовавшись недолгим затишьем, Володя подошел к Анфисе и представил ей меня. Он как раз собирался сказать, что я не нуждаюсь в лечении и интересуюсь лишь народной медициной, но целительница не предоставила ему этой возможности.

Подойдя ко мне почти вплотную, Анфиса сложила руки на груди и окинула меня долгим, оценивающим взглядом, в котором явственно сквозило неодобрение.

— Да, плохи твои дела, плохи, ой как плохи, — сообщила она, скорбно поджимая губы. — И печеночка у тебя заплесневела, и почечки хреновато работают, а уж с обменом веществ совсем кранты. Лечиться тебе надо, лечиться, если собираешься дожить до старости.

Я улыбнулся.

— Буду рад выслушать все ваши рекомендации, — дипломатично сказал я, — но вообще-то я приехал к вам потому, что меня очень интересуют ваши методы лечения. Я сам увлекаюсь народной медициной.

— По твоему виду этого не скажешь, — недовольно фыркнула целительница. — Непохоже, чтобы ты что-то смыслил в народной медицине, да и вообще я никого не учу.

— Но посмотреть-то можно? — вмешался Володя. — Саша мой большой друг, и обещаю, что мы ничуть не помешаем, просто посидим в сторонке и посмотрим, как вы работаете.

— Ладно, так уж и быть, смотрите, — с неохотой согласилась Анфиса.

Мы усадились в углу на лавку и в течение нескольких часов слушали отборный мат, перемежающийся причитаниями целительницы: «Ой, как все плохо, как плохо! Ой, как орга низм-то запущен! И сердечко у нас пошаливает, и селезёночка слаба, ой как слаба, и т. д.».

Запугав подобным образом очередного пациента, Анфиса давала ему пакетик с общеукрепляющими травами, которые в действительности шли на пользу всему организму, особенно в сочетании с растениями, предназначенными для лечения его конкретных болезней, и, если учесть мощный эффект самовнушения, не удивительно, что ручеек больных, ожидающих приема, не иссякал.

— Что-то не нравится мне твоя подружка, — прошептал я на ухо Володе.

— Мне самому она не слишком симпатична, — отозвался тот, — но она лечит моих зверей, так что я стараюсь поддерживать с ней хорошие отношения. В любом случае, на нее стоило посмотреть. И не расстраивайся, что она не хочет с тобой говорить, я в свое время переписал у нее целую тетрадь с ее основными рецептами, так что, если хочешь, я дам тебе их посмотреть.

Впоследствии я тоже переписал Анфисины рецепты и лишний раз убедился в том, что в основном они были почерпнуты из книг.

Но если целители, подобные Анфисе, обычно производили на меня неприятное впечатление, среди знахарей иного плана, отыскивающих мягкий индивидуальный подход к каждому пациенту, встречались совершенно уникальные и обаятельнейшие индивидуумы. С одним из таких знахарей я по-

знакомился совершенно случайно, в крымских горах недалеко от Перевала.

Дело было в августе. Я отправился собирать лекарственные травы и забрел довольно далеко. Горы были тихими и безлюдными. Неожиданно я услышал голос, монотонно проговаривающий какие-то фразы, смысла которых из-за дальности расстояния я не мог разобрать. Голос принадлежал одному человеку, который явственно разговаривал сам с собой.

Заинтересованный, я пошел в нужном направлении и, выглянув из-за деревьев, увидел полянку, по которой неторопливо бродил совершенно очаровательный дедок, словно сошедший с лубочной картинки. Дедок аккуратно ступал среди трав, выставив перед собой сучковатую палку, и, наклонившись к одному, то к другому растению, что-то говорил им таким ласковым и вкрадчивым голосом, словно он дружески и доверительно беседовал с любимой собакой.

Я вышел из укрытия, сухой сучок хрустнул у меня под ногой, и дедок обернулся на звук. На его ласковом морщинистом лице с густой белоснежной окладистой бородой появилась широкая приветливая улыбка.

— Здравствуй, внучек! Решил погулять в горах? — обратился ко мне он.

— Здравствуйте, дедушка! — в тон ему ответил я. — Я здесь лекарственные травы собираю. Вот услышал, как вы с растениями разговариваете, и заинтересовался, чем это вы тут занимаетесь.

— Я, внучек, тоже сюда за травами пришел, — сказал дед. — Только травы просто так рвать нельзя, так ты их силы лишаешь. У каждой травы душа есть, и эта душа может общаться с твоим сердцем, и, если с травкой

ласково поговорить, тогда она сама соглашается помочь тебе и отдает свою силу.

— Вы, наверное, целитель? — спросил я.

— Можно и так сказать, — ответил старик. — Некоторые считают, что я лечу, но на самом деле я выправляю душу человека. Конечно, обычно думают, что болеет тело, но тело болеет, лишь когда с душой что-то не в порядке. Если с травами не говорить, они лечат только тело, но если уметь разговаривать с ними, они возвращают человеку его душу.

— Я не знал этого, — заинтересованно сказал я. — Я просто собираю травы в нужное время в подходящем месте, и мне бы очень хотелось поучиться у вас разговаривать с травами и чувствовать сердцем их душу.

— Тогда иди со мной, — ласково усмехнувшись в бело снежную бороду, сказал старик.

Так я познакомился с Иваном Архипычем. Удивительный дед брал меня с собой в горы и охотно рассказывал мне о себе, о своих методах лечения и о своих пациентах.

Иван Архипыч жил под Харьковом, но большую часть времени проводил в разъездах по местам, богатым лекарственными травами. Дома он всегда оставлял адрес, по которому его можно было найти, и пациенты вынуждены были приезжать к нему то в Крым, то на Алтай, то на Урал, то в Поволжье. Конечно, для пациентов это было не слишком удобно, но слава этого знахаря была так велика, что больные послушно следовали за ним в самые отдаленные уголки Советского Союза.

В отличие от напористой матерщинницы Анфисы, Иван Архипович применял совершенно противоположную тактику, устанавливая с пациентом как можно более дружеский и душевный контакт, полностью завоевывая его доверие и расположение. Он лечил больных местными травами, заставляя их принимать активное участие в этом процессе. Взяв пациента за руку и гуляя с ним по горам, дед мягко и вкрадчиво беседовал с ним о душе растений и природы, о его собственной душе, учил его прислушиваться к себе самому, к окружающему миру и к желаниям своего сердца. Дело дошло до того, что пациент сам начинал разговаривать с травами и, ведомый за руку ласково улыбающимся дедулей, во всем собственного сердца отыскивал нужные ему травы. Чудо подобного откровения производило на больных столь ошеломляющее воздействие, что излечение наступало быстро, не столько благодаря целебным свойствам настоев, сколько энергетическому и психотерапевтическому влиянию целителя.

Хотя Иван Архипыч никогда не упоминал термины «энергия» или «мыслеобразы», говоря исключительно о душе, силе и чувствовании сердцем, мне, после обучения у Ли, было ясно, что старик формировал у пациента полезные ему мыслеобразы, усиливая их эффективность своей собственной энергетикой, «настраивая» энергию пациента на правильную циркуляцию или на специфическое воздействие на болезненные органы или зоны организма.

Иван Архипыч был типичным примером ведомого, и частью его лечебного метода было формирование «ведущего» у его пациентов. Хожение по горам взявшись за руки не было чистым приемом психотерапии — дед действительно учил человека прислушиваться к себе, к своей подавленной техническим прогрессом интуиции, доставшейся нам в наследство от далеких предков.

В чем-то интуитивный поиск трав напоминал лозоходство. Человек, отыскивающий воду с помощью деревянной рогульки, использует этот кусочек дерева для того, чтобы с его помощью усиливать скрытые движения

тела, идеомоторные сигналы, посредством которых «ведущий» общается с лозоходцем.

Однажды в период общения с дедулей мне позвонил друг из Москвы и попросил подлечить одного своего приятеля, Геннадия, преподавателя МГУ, который как раз собирался провести отпуск в Крыму.

Я решил подкинуть нового пациента Ивану Архипычу, чтобы лишний раз посмотреть в действии его метод лечения.

Геннадий, не привыкший к общению со знахарями по добного рода, на первых порах чувствовал себя неловко, смущаясь от слишком доверительного и близкого контакта, ко торый навязывал ему дед.

— Завтра мы пойдем в горы, искать травки для тебя, — сообщил Геннадию Иван Архипыч. — Но чтобы искать трав ки, твое сердце должно научиться чувствовать мою душу, и тогда оно сумеет ошутить душу трав и взять у них силу, кото рую травки захотят подарить тебе. Нам с тобой нужно будет установить особый контакт, и для этого нам придется дер жаться за руки с момента выхода из дома и до самого конца путешествия. Если мы разомкнем руки хоть на миг, — все пропало, все будет испорчено.

Геннадий отнесся с сомнением к подобному методу ле чения, но от комментариев воздержался. Его проблема оказа лась крайне болезненной для мужского самолюбия, и, по сколько обычные врачи так и не смогли вылечить его от им потенции, похоже, что он был готов пройти через любые испытания, если существовала хоть малейшая надежда на излечение.

Я напросился сопровождать их. Дед разрешил мне при сутствовать лишь при условии, что я буду молча наблюдать и ни в коем случае не вмешиваться в процесс лечения.

Мы отправились в путь рано утром. Я держался чуть в стороне от державшей за руки, как влюбленные школьники, парочки, потешаясь про себя над смущением, которое слиш ком явно читалось на лице Геннадия, крупного рослого муж чины.

Мы втиснулись в автобус, спустя полчаса высадились на безлюдном месте знаменитой крымской трассы и отпра вились в горы. Иван Архипыч говорил, почти не замолкая, настолько убедительно объясняя, что, зачем и почему он де лает, что Геннадий поддался магии его убеждения и, приспособившись к не слишком удобной для гор форме передвиже ния в паре, начал относиться к путешествию всерьез.

Через плечо у деда была перекинута холщовая котомка. Старик, разговаривая то с Геннадием, то с растениями, то и дело останавливался, поднимая что-то с земли, срывая оче редную травку или выкапывая корешок. Все это он ловко проделывал одной рукой, упаковывая затем свою добычу в кулечки, мешочки и полиэтиленовые пакетики и складывая в котомку. Иногда он просил Геннадия помочь ему, и вскоре они наловчились быстро и слаженно проделывать нужные манипуляции.

Обед проходил также без размыкания рук. Они ели, по могая друг другу, дед правой, а Геннадий левой рукой. К ве черу пациент научился чувствовать душу трав и отобрал не сколько растений, которые ему подсказало сердце.

На следующий день дед изготовил из набранных расте- нии странного вида препараты и дал указания, как их прини мать. Я попросил Геннадия держать со мной связь, и пару недель спустя он с несказанной радостью сообщил мне, что снова стал полноценным мужчиной.

Вообще излечение пациентов Ивана Архипыча проис ходило на удивление быстро, но, несмотря на то что он щед ро делился со мной рецептами своих снадобий, я понимал, что полностью перенять его методику

было бы исключитель но трудно, поскольку было очевидно, что успех лечения во многом зависел от уникальной личности и энергетики самого целителя.

Методы Ивана Архипыча по интуитивному поиску пациента подходящих ему снадобий в чем-то напоминали мне технику интуитивного поиска лекарственных трав и интуитивного самолечения, которую показал мне Учитель. Эта техника базировалась на упражнениях укоренения и разветвления.

Непрерывные тренировки и чересчур активный образ жизни порядочно выматывали меня, несмотря на прием биологически активных препаратов и восстановительные упражнения, которые я регулярно выполнял. После одной из изнурительных тренировок в лесах Партизанского водохранилища я пожаловался Учителю, что у меня все болит, что мой организм находится на пределе, и спросил его, есть ли еще какой-либо неизвестный мне способ быстрого восстановления жизненных сил.

Ли усмехнулся.

— Есть слишком много способов, которых ты не знаешь, — сказал он. — Некоторые из них задействуют помощь ведущих. Раз уж ты так просишь, я научу тебя одному из них, включающему в себя упражнения интуитивного полета и полночного бега.

При упоминании новых, доселе неизвестных мне терминов я сразу же почувствовал прилив сил. Я уже практиковал ночной бег в темноте по пересеченной местности, обучаясь интуитивно огибать препятствия и уклоняться от стволов и ветвей деревьев, но по тону Ли я понял, что полночный бег — это нечто новое для меня.

— Знакомый блеск в твоих глазах указывает на то, что ты не так уж плох, как говоришь, — ехидно сказал Учитель. — Уже темнеет. Подождем немного до полной темноты, и тогда я объясню тебе, что ты должен будешь сделать.

Около часа я выполнял расслабляющие растяжки и массажные упражнения, беседуя с Ли на разные темы и с нетерпением ожидая наступления темноты. Наконец ночь окутала нас своим черным бархатным покровом, подсвеченным мягким светом стареющего месяца.

— Встань в центр поляны, — жестким голосомскомандовал Учитель.

Я молча повиновался.

— Начиная выполнять упражнение укоренения до тех пор, пока не почувствуешь, что неразрывно сросся с землей.

Я встал в нужную позицию со слегка согнутыми коленями, направляя энергию вниз и чувствуя, как мои ступни могучими корнями прорастают вглубь земли.

— Теперь переходи к разветвлению, — донесся до меня голос Ли.

Я максимально расслабил руки, и полусознательными-полуавтоматическими движениями начал выполнять легкие наклоны вперед. Руки, уподобляясь маятникам и почти потеряв чувствительность, безвольно болтались из стороны в сторону, постепенно наливаясь тяжестью. Энергия, стекающая к кистям, давала о себе знать покалыванием в онемевших пальцах, свидетельствовавшим о притоке энергии к кистям. Движения становились все более размашистыми, кисти рук начали интуитивно отыскивать зоны пространства, где происходило перераспределение энергии.

— Сейчас ты перейдешь к упражнению интуитивного полета, — сказал Учитель. — Привстань немного на носки, разведи в стороны плечи и сделай несколько наклонов вперед, продолжая активизировать энергию

покачиванием рук. Следуя указаниям Ли я, прогнувшись в спине, принялся под прыгивать на пятках, накапливая энергию, которая уже распирала меня изнутри, достигая почти взрывной мощи.

— Почувствуй, как сила заполняет тебя, — монотонно говорил Учитель. — Сдерживай себя до тех пор, пока сможешь, а затем отдайся внутреннему порыву силы, которая повлечет тебя в известном только ей направлении. Ты побежишь широким шагом, используя технику катящегося камушка с широко расставленными стопами, слегка подвернутыми внутрь. Ты будешь равномерно дышать полной грудью, и с каждым новым вздохом твое тело будет терять тяжесть, и ты почувствуешь, что взлетаешь все выше и выше. Наконец ты станешь легким и пустым, ты будешь бежать, не чувствуя усталости, по лесу, по степи, по перелескам. Ты будешь бежать, ведомый внутренней силой до тех пор, пока она не найдет тот единственный и уникальный кусочек пространства, который необходим твоему организму для восстановления и укрепления. В этом месте сила оставит тебя, ты упадешь на землю и, возможно, уснешь, и место, где ты уснешь, восстанет твои силы и восполнит запас энергии. Послушавшись утроб, ты должен будешь снова выполнить упражнение разветвления и заставить организм интуитивно выбрать те предметы вокруг тебя, которые смогут пригодиться для твоего лечения. Бери все, к чему ты почувствуешь интуитивное влечение, даже если то, что ты собираешь, покажется тебе непригодным или совершенно ненужным. Теперь почувствуй, что ты готов, и беги!

Энергия уже переполняла меня и била через край. Не контролируемые аутодвижения наложились на прогибы туловища и движения рук, мои пятки стучали по земле все с большей силой и частотой, сознание отключалось, проваливаясь в пустоту, а затем я ощутил, как мое тело совершило спринтерский рывок, и я помчался вперед широким катящимся шагом, ничего не ощущая и почти не осознавая, что происходит. Автоматически я лавировал между деревьями, мои руки взлетали вверх и опускались, как крылья птицы, и с каждым их движением, с каждым вдохом тело становилось все более легким и невесомым.

Краем глаза я отметил, что лес кончился, на смену ему пришла степь, которую сменили холмы, а затем я снова бежал по степи. Не знаю, сколько времени я бежал. Возможно, прошло несколько часов, но я этого не осознавал. Время останавливалось, менялись лишь регистрируемые уголками глаз окутанные темнотой пейзажи.

Внезапно напор энергии ослабел. Мое тело двинулось в сторону, потом снова сменило направление, совершая странные хаотические перемещения, словно слепой, пытающийся отыскать в огромном пустом зале нечто неведомое ему самому.

Наконец сила ушла из меня, как воздух из проткнутого воздушного шара, и тело мягко опустилось на землю. Я ощутил под щекой щекочущее покалывание травы и провалился в глубокий сон без сновидений.

Прежде чем открыть глаза, я почувствовал солнце на своем лице. Его лучи обжигали, как горячий компресс. Это была единственная зона, в которой сохранилась чувствительность. Мелькнула мысль: «Как странно, от меня осталось только лицо».

Некоторое время я лежал, наслаждаясь ощущением жара. Чувствительность постепенно возвращалась в тело, хотя сознание еще не прояснилось. Я слабо пошевелился, с наслаждением ощутив свои конечности, и внезапно вспомнил наказ Учителя выполнить упражнение разветвления, а затем собрать все, что привлечет мое внимание и на что укажет моя интуиция.

Так и не проснувшись до конца, я, действуя скорее по наитию, начал укореняться. Впервые в жизни, выполняя укоренение, я не стоял на земле, но я чувствовал, что это не имеет значения. Я лежал на боку, и корни стали прорастать вниз из моего бедра, икры, ступней и ребер, которые касались земли. Затем я направил энергию вверх, в руки и голову, наполнив легкостью и спокойствием.

Повинуясь внезапному импульсу, я медленно приподнялся на локте, и первое, на что упал мой взгляд, был катышек засохшего конского навоза. Я тупо смотрел на него до тех пор, пока моя рука не потянулась к нему. Какой-то странной внутренней импульс велел мне взять его с собой. Я вынул из кармана носовой платок и завернул в него катышек.

Затем я оглянулся вокруг. Мое внимание притягивали то пучки полусохшей травы, то веточки, то камешки, то земля. Я набрал приличное количество всякой всячины и только тут сообразил, что мне некуда все это положить. Кое-что я рассыпал по карманам брюк, а остальное завернул в рубашку, засыпав землю в отделенную узлами часть ее рукава.

Я встал, окидывая взглядом местность, в которой оказался и пытаюсь сориентироваться. В одном из направлений я увидел дорогу и направился к ней в надежде поймать попутку и добраться до Симферополя.

ГЛАВА 7

С техникой большого дыхания инь я познакомился благо даря травме колена, полученной в потасовке с татарами на автовокзале в Белогорске. Мы со Славиком ожидали автобуса, и я даже не понял, из-за чего началась дикая и жестокая драка, но неожиданно мы оказались в центре баталии, дос тойной салуно Дикого Запада. Нам пришлось потрудиться, чтобы выбраться оттуда целыми и невредимыми, но тут по явилась милиция, и, не желая провести ночь в камере предварительного заключения, мы помчались прочь со всех ног. Несмотря на то что Славик сам был милиционером, участвовать в подобных мероприятиях, даже помимо его желания, было делом весьма предосудительным, да и меня запросто могли исключить из института за пусть и невольное участие в подобной разборке.

Убегая от милиции, я споткнулся и упал на колено. К несчастью, острый камушек пришелся как раз под коленную чашечку, но, что было особенно неприятно, он вонзился как раз в то место, которое я травмировал пару месяцев назад.

Некоторые люди верят в теорию парных случаев, некоторые отрицают возможность свойственных ей особых совпадений. Лично я не раз убеждался на практике, что теория парных случаев имеет под собой реальные, хотя и непонятные мне основания. Я замечал, что если на тренировке кто-то получил травму, то вскоре еще один ученик оказывался пострадавшим, а если кто-то травмировал какую-то часть тела, то существовала значительная вероятность того, что вскоре он снова травмирует то же место.

Со свойственным мне энтузиазмом я увлекся коллекционированием историй о парных случаях, и то, что я узнал, было действительно удивительным, поскольку иногда происходили совпадения столь маловероятные, что они казались попросту невозможными.

Одна из историй была о горнолыжнике, который во вре-

мя спуска столкнулся с другим спортсменом, и острый кант лыжи практически полностью отрезал ему ухо. Оно болта лось лишь на крошечной полоске кожи.

Лыжника доставили в больницу, и его появление там вызвало небывалый энтузиазм у дежурного хирурга. Выяс нилось, что этот хирург был горячим сторонником теории парных случаев. Скептически настроенные коллеги подшу чивали над ним по этому поводу, но врач оставался тверд в своих убеждениях. Оказалось, что в тот же самый день в боль ницу попал другой пациент с отрезанным ухом, и, поскольку ничего подобного не случилось в течение многих лет, врачи снова принялись смеяться над своим коллегой, говоря, что если теория парных случаев действительно существует, то вскоре должен появиться еще один пациент с отрезанным ухом. И тут как раз привозят пострадавшего лыжника.

Счастье хирурга было столь безмерно, что, хотя ухо на ходилось в очень плохом состоянии и, скорее, подлежало окон чательной ампутации, он тщательнейшим образом пришил его и ухо прижилось.

Моими слабыми местами были правая рука и левая нога. Не знаю почему, но с этими конечностями точно в соответ ствии с теорией парных случаев постоянно что-либо случалось.

Однажды я спросил у Ли, верит ли он в теорию парных случаев.

— Вера всегда предполагает наличие сомнения, — ска зал Учитель. — Вера нужна невежественным людям, потому что она заменяет им свет знания и дает надежду в случае, когда разум бессилен им помочь. Спокойные не ищут опоры невежества в слепой вере. Они знают некие вещи, и они на ходят подтверждения этому знанию. Мне не нужно верить в теорию парных случаев, поскольку я знаю, что окружающий мир склонен к созданию совпадений. Можно сказать, что судь ба обладает особым чувством юмора, и это чувство юмора проявляется в случайностях, совпадениях и том, что люди иногда называют чудесами.

— Но если ты даос, ты должен верить в существование Дао, — сказал я. — Существование Дао также, как и суще ствование Бога, невозможно доказать или опровергнуть.

— Существование Дао не нужно доказывать или опро вергать, — возразил Ли. — Дао нужно чувствовать внутри и вне себя. Дао просто существует и присутствует во всем, по этому его невозможно определить или как-то назвать. Это не бог, это некое универсальное присутствие. Это твой внутрен ний мир и мир вокруг тебя. Ты же не станешь спорить о том, существуешь ли ты сам и существует ли окружающий мир. Конечно, встречаются люди, которые из духа противоречия или из желания показать себя умнее других оспаривают ре альность окружающего мира, но это особая статья.

В случае же, например, христианского бога. существу ет множество вещей, которые кажутся абсурдными рассуд ку и которые поэтому нужно принимать на веру. Это и рожде ние Христа от девственницы, и то, что бог-отец убил своего собственного сына, чтобы искупить людские грехи, и то, что Христос вознесся на небо, и множество других странных ве шей. Именно поэтому христианскую веру приходилось на сажать огнем и мечом или в более мягкой форме — в виде промывания мозгов миссионерами. Инквизиция заставляла людей верить силой страха, сжигая на кострах еретиков, и в конце концов люди автоматически начали верить в то, что им говорят, не задумываясь и не задавая себе лишних вопросов, просто потому, что религия была главной идеологией обще ства.

— Ладно, бог с ней, с верой, — нетерпеливо сказал я. — Лучше

расскажи мне, как даосы объясняют существование особо удивительных случайностей и парных случаев.

— Это можно было бы объяснить словами, но слова могут дать тебе лишь некое представление, но не подлинное знание, — сказал Учитель. — Для того чтобы ты действительно понял механизмы действия судьбы, ты должен будешь научиться до некоторой степени управлять судьбой, сознательно влияя на появление чудесных случайностей и совпадений.

Существует теория проявлений Дао — дыхания Дэ, к которой относится общих тенденций мира, общего каркаса мироздания, осознания того, откуда что происходит и что из чего берется. Брызги Дао — это формы дыхания Дэ. Теория парных случаев относится к брызгам Дао. Не торопись, когда-нибудь ты познаешь и эти закономерности, но для этого тебе надо будет вплотную подойти к управлению двойника ми. Лишь тогда, когда твоя внутренняя сила достаточно разовьется, ты научишься воспринимать посредством чувств не закономерные закономерности этого мира.

— А что такое «дыхание Дэ»? — спросил я, взволнованный странным ощущением расширения сознания, вызванным во мне словами Учителя.

— Дэ — это формы проявления Дао, — ответил Ли. — Поэтому иногда проявления Дао называются дыханием Дэ. Некоторые люди обладают свойством притягивать проявления Дао. Иногда они притягивают плохое, а иногда хорошее. Кому-то часто везет в лотерею, а в кого-то регулярно попадают молнии. Ты сам наверняка не раз сталкивался с подобными случаями.

— А ведь это действительно удивительно, — оживился я. — Я читал, уже не помню в каком журнале, о человеке, всех близких родственников которого убили молнии. В него молнии тоже ударили несколько раз, но ему каким-то чудом удалось выжить. Когда услышишь о подобных случаях, действительно можно подумать о карающем провидении или о жестокости наказания.

— Есть разные способы называть ту часть человека, что притягивает брызги Дао, — сказал Учитель. — Это некие энергетические образования, обладающие собственной волей, своеобразной формой личного сознания. Их можно называть внутренней силой, сущностями, ведущими, демоном или темной. Внутренняя сила — это наиболее общее понятие, но на самом деле она подразделяется на несколько самостоятельных структур, о которых на этом этапе твоего ученичества пока рано говорить.

Внутренняя сила и активность внутренних сущностей зависят от уровня энергии человека. Именно поэтому странное совпадение и чудесные случайности наиболее часто накладываются в обществе, которое проходит через период кризиса. С наибольшей частотой они происходят во время войны, когда люди буквально балансируют на грани жизни и смерти. Можно сказать, что внутренняя сила имеет тенденцию к проявлению лишь в том случае, когда это необходимо. Поэтому когда жизнь людей спокойна и устойчива, когда они без печали вспоминают свое прошлое и без страха смотрят в будущее, с ними редко случаются удивительные вещи.

Я уже говорил тебе, что наиболее мощными стимулами для приведения в действие и активизации энергии являются страх и сексуальное влечение.

Маги и колдуны прекрасно знали об этом, и они специально ставили себя в такие условия, когда их энергия буквально вскипала под действием страха или сексуального желания. Отсюда исходят все жуткие ритуалы вызывания дьявола или поклонения ему, использование обнаженного человеческого тела, сексуальные оргии садистского толка, принесение кровавых жертв, в том числе человеческих.

Кровь, страдание, напряжение, тьма — все это ассоциируется со страшным и ужасным, и поэтому магические ритуалы помогают входить во взаимодействие с некоторыми брызгами Дао. Активизация сексуальной энергии под действием страха — это одна из причин, по которой детям нравится рассказывать друг другу по вечерам страшные истории. По той же причине взрослые испытывают влечение к фильмам и книгам, вызывающим леденящую душу дрожь ужаса, смешанную со сладостным ощущением собственной защищенности и безопасности.

Вся твоя семья обладает уникальным свойством ведо мости, и это свойство по наследству передалось и тебе. Вспомни, как брат твоей матери, с которым она не виделась несколько лет и о местонахождении которого она ничего не знала, наткнулся на нее в пустыне, когда она умирала, закопанная в песок. Это совпадение поистине можно назвать чудом. Только представь, какая мощная сила управляла ее судьбой, если она в последний момент привела к ней родного брата! То же самое многократно происходило с твоим отцом во время войн — волшебные случайности, которые неизменно спасали его жизнь. Ты тоже обладаешь свойством притягивать удачу, но, поскольку твоя жизнь гораздо более спокойна и безопасна, чем жизнь твоих родителей, твои удачи менее эффектны и значимы. Иногда мне приходится искусственно подзаводить тебя для того, чтобы твоя внутренняя сила начала действовать и ты на собственном опыте убедился в ее существовании.

Феномен ведомости очень меня интересовал, и я стал присматриваться к своим знакомым, которые верили в удачу или с которыми часто происходили странные совпадения. Я убедился, что некоторые люди интуитивно постигают свою «ведомость», и на том же интуитивном уровне отыскивают способы взаимодействия с судьбой, как и говорил Учитель, обычно связанные со страхом, опасностью или сексом.

Так, один мой приятель, исключительно обаятельный и занятный человек считал, что для того, чтобы день принес ему удачу, его нужно непременно начать с бодрящего секса. Особенно его возбуждал вид изысканного женского белья, преимущественно красного цвета. Гена искусно и азартно водил машину, и имел обыкновение на извилистых горных серпантинах Крыма беспечно класть босые ноги на панель управления или упираться ими в лобовое стекло. Приняв эту позу, он блаженно расслаблялся, опуская ноги на педали лишь в последний момент перед очередным поворотом. К сожалению, я не обладал подобным хладнокровием.

— Зачем ты так рискуешь? — спросил я однажды, с нехорошим предчувствием созерцая босые ноги на лобовом стекле.

Мне уже не раз доводилось попадать в автомобильные аварии, и подобное гусарство не вызывало у меня энтузиазма.

— В любой момент из-за поворота может вылететь встречная машина, и ты не успеешь среагировать.

— Не трусь, все будет в порядке, — бодро заверил меня Гена. — Я сам не люблю рисковать, и я совершенно точно знаю, что с нами ничего не случится.

— Мне бы твою уверенность! — с сомнением заметил я. — Интересно, откуда ты это знаешь?

— Все уже многократно проверено, — объяснил Гена. — Для того чтобы мне сопутствовала удача, я должен с утра поиметь хорошую порцию секса, и тогда все складывается наилучшим образом. Если же я не трахаюсь поутру, я хожу как в воду опущенный и все буквально валится у меня из рук.

Это удивительно, но, когда я веду машину после секса, у меня появляется ощущение, что что-то буквально вселяется в меня, нечто, что автоматически управляет мной. Меня охватывает удивительное ощущение уверенности в себе, уверенности в том, что я полностью контролирую ситуацию и что, пока со мной пребывает эта сила, мое тело действует наилучшим образом и со мной ничего не может произойти.

«Типичный феномен ведомости», — подумал я, но пред почел не обсуждать эту тему.

Насколько мне известно, удача его пока не подвела и он до сих пор пребывает в добром здравии. Однако мне хотелось бы предостеречь тех, кто, испытывая подобные переживания, имеет склонность, полагаясь на удачу, подвергать себя ненужному риску. Подлинная ведомость проявляется в оправданных обстоятельствами ситуациях, но, если человек без специальной подготовки начинает намеренно эксплуатировать феномен ведомости, есть вероятность того, что ведомость может обратиться против него и он может серьезно пострадать. Но это тема другого разговора.

Я, как обычно, слишком увлекся воспоминаниями. Пришла пора вернуться к нашим баранам, то есть к тому моменту, как я получил травму колена после потасовки с татарами.

Травма мешала мне тренироваться, и я всерьез занялся ее лечением. Я пил настои, рекомендованные мне Учителем, использовал компрессы и накладывал из белой глины, смешанной с лекарственным составом, я разминал и массировал колено, но выздоровление подвигалось слишком медленно.

Помня о том, что любое препятствие, любую болезнь воин жизни использует как упражнение, как очередную крошечную ступень на пути к совершенству, я подошел к лечению колена творчески и на всю катушку использовал работу с энергией и мыслеобразами. Я дышал через пораженную зону, выполнял медитации, использовал бесконтактные методы воздействия, но гниловатый стержень болезни, подоб-

но занозе, застрял где-то в глубине, не давая чувства стопроцентной уверенности, что колено сможет выдержать значительные нагрузки.

В конце концов Лин сделал мне замечание, что из-за не долеченной травмы я не могу тренироваться в полную силу.

— Я делаю все, что могу, — виновато сказал я. — Похоже, я уже все перепробовал.

— Пока еще не все, — усмехнулся Учитель. — Ты еще не использовал большое дыхание инь.

— Что это такое? — спросил я, заинтересованный новым термином.

— Тебе это понравится, — выразительно причмокнул Лин. — Большое дыхание инь применяется в хронических случаях, подобных твоему. Оно заключается в том, что болезнь особым образом вытягивается из тебя половым органом партнера.

— Типичный случай совмещения приятного с полезным, — воодушевился я. — Ты мне объяснишь, что я должен делать?

— Сколько энтузиазма, — укоризненно покачал головой Учитель. — Не верится, что я и сам когда-то был таким.

— Против природы не попрешь, — с легким смущением отозвался я. — Ты же сам говоришь, что сексуальное влечение — один из самых мощных стимулов активизации энергии. Вряд ли тебя удивляет, что после обучения у Лин мысль о том, что меня будут лечить при помощи женского влагалища, кажется мне весьма привлекательной.

— Кстати о Лин, — неожиданно вспомнил я. — Я хотел спросить у тебя одну вещь. Во время, где мы занимаемся, в последний раз она

занавесила зеркало полотенцем. Я хотел узнать, зачем она это сделала, но так и не получил ответа. Я знаю, что она ничего не делает без особого подтекста. Обыч но зеркало занавешивают, когда в доме есть покойник, но я точно знаю, что никто из ее близких не умирал, и, по правде говоря, меня мучает любопытство.

— Придется тебе еще помучиться, — насмешливо ска зал Учитель. — И не отвлекайся на пустяки, у тебя есть заня тия поважнее (впоследствии мне удалось узнать, что зеркало занавешивают при отработке исключительно интересной тех ники выделения видимых двойников, но подробнее об этом будет рассказано в книге «Обучение чувствами»).

— Я уже не раз упоминал, что даосы — великие обман щики природы, — продолжил Ли. — Используя тот факт, что мир познается нами через чувственное восприятие, они ста вят все с ног на голову, осуществляя в своих ощущениях то, что в действительности невозможно осуществить. Таким об разом нереальное они делают реальным. Дыхание ци — один из подобных трюков. Все прекрасно знают, что легкие распо ложены в грудной клетке и что вдохнуть через пятку, через локоть или через живот попросту невозможно, поскольку там нет легких.

Однако даос, немного потренировавшись и подключив к работе соответствующие мыслеобразы, может с полной уве ренностью, данной ему в ощущениях, дышать любой частью своего тела, более того, он может дышать через участок про странства, находящийся вне его тела, через другое живое су щество или даже через неодушевлённый предмет, оживляя его своим дыханием.

Одним из основных инструментов освоения упражне ний дыхания ци является техника пульсов, которая получает развитие в трансформации базовых ощущений посредством мыслеобразов. Так, тепло можно превратить в свет, свет — в цвет, цвет можно обратить в образ, ударную волну можно облечь в тяжесть пульсации; а тяжесть трансформировать в форму, с помощью которой можно воздействовать на себя самого, на одушевленный или на неодушевленный предмет. Впрочем, об этом ты и так прекрасно знаешь.

Большое дыхание инь выполняется вместе с партнер шей. Вы должны принять позу, при которой женщина воссе дает на тебе таким образом, чтобы ее половой орган как мож но плотнее соприкасался с большой зоной. Необходимо так синхронизировать ваше дыхание, чтобы энергия выдоха жен щины направлялась вниз от точки бай-хуэй через ее половые органы в твоё колено, перемещаясь из него в точку юнь-цюань на стопе, затем на вдохе энергия проводится вверх в об ратном порядке, первоначально проходя по стопе до точки, находящейся под пяткой точно посередине на границе пере хода пятки в стопу, и снова идёт вверх через колено и поло вые органы к макушке партнерши. Потом задействуется уп равление пульсами и некоторые другие техники. Большое дыхание инь осуществляется и регулируется через мыслеоб разы и является одной из разновидностей дыхания ци.

Технику пульсов я в то время отработывал с особой тща тельностью, в первую очередь потому, что она открывала две ри к формированию чувственных и нечувственных двойни ков, а эта тема, возможно в силу своей неординарности, вы зывала у меня особый интерес.

Я научился делать из пульса целебную мазь. Сформиро вав несколько независимых пульсов, а затем слив их воеди но, в большую и мощную пульсацию, я мог модернизировать ее в волшебную пульсирующую жидкость нужного мне цве та и вязкости, которой при лечении я вымазывал

больную зону, сопровождая эти манипуляции представлением проникновения лечебной субстанции вглубь организма.

В моей целительской практике я также широко применял технику управления пульсами, насыщая ими снадобья, накладывая их на больную зону пациента или даже используя их в лечении на расстоянии. К моему собственному удивлению, лечение с помощью пульсов оказывалось удивительно эффективным, хотя для меня всегда оставался открытым вопрос, что помогало в большей мере — вера пациента в целителя или воздействие мыслеобразов на больного.

— Какие новые техники ты имеешь в виду? — спросил я.

— Я не сказал новые, я сказал — другие, — поправил меня Ли. — Это уже известная тебе техника расширения сознания, но осуществляющаяся на более высоком уровне. Я имею в виду формирование внутренних стражей.

Внутреннего стража Учитель определял как некое мета-состояние, выражающееся в специфических внутренних ощущениях, как некую самостоятельную внутреннюю сущность, управляющую процессами, протекающими в организме. Это сущность, помогающая эффективно удерживать внимание на нужных объектах и процессах.

Использование нескольких внутренних стражей позволяло осуществлять и контролировать несколько процессов, одновременно протекающих в организме-

— Чтобы вылечить твоё колено, — продолжил Учитель, — ты должен параллельно запустить в нём несколько процессов дыхания и ощущений. Один страж должен будет контролировать дыхание через колено, второй страж сосредоточит внимание на сексуальности твоей партнёрши, на ощущениях, идущих от неё как от женщины и как от сексуального объекта. Второй страж должен регистрировать вес её тела на твоём колене, ощущение влажности её влагалища, тепло, идущее от неё, и так далее.

Третий страж будет постепенно сосредоточиваться на прочувствован™ объёма колена, на том, каким образом организм будет отвечать на раздражение болезненной зоны.

При правильном выполнении большого дыхания инь болезнь начнёт активизироваться, всё сильнее проявляя себя болью, нытьём, пульсацией в колене или какими-то иными ощущениями. Третий страж поможет тебе усиливать эти ощущения. Ты сможешь или раздувать возникающие ощущения вместе с нарастанием пульсации, как ветер раздувает едва теплящийся огонёк костра, либо, если пульсация не возникнет самопроизвольно, ты сам должен будешь вызвать пульс в болезненной зоне. Задавая этому пульсу нужные тебе характеристики, ты сможешь направлять весь процесс в нужную сторону. Здесь тебе придётся полагаться на интуицию, организм сам подскажет тебе, что ему нужно.

Наиболее традиционная в лечении схема — это чередование жара и холода. Начни разогревать колено всеми возможными способами — и с помощью пульсов, и с помощью тела партнёрши, и с помощью потока оргазмических ощущений, идущих от неё. При этом у партнёрши часто возникает ощущение энергетической спирали, идущей от половых органов вверх через середину тела к голове. При желании твоя партнёрша сможет использовать эту спираль для активизации зон тела, в которых наблюдается энергетический застой. Это в первую очередь область яичников. Для активизации нужных зон от основной спирали с помощью мыслеобразов можно отпочковывать небольшие дополнительные спирали. Но в данном случае это не обязательно.

Когда ты почувствуешь, что колено уже насытилось жаром, добавь в

проходящее через него дыхание инь приятную прохладную струйку, а заодно добавь прохладную составляющую в оргазмические ощущения, посылаемые от зоны копчика и идущие через тазобедренный сустав. Дополнительно ты можешь вызвать местную прохладную пульсацию в колене. Впрочем, можно обойтись и без пульсации. Если тебе так удобнее, ты можешь использовать чистые мыслеобразы холода или тепла.

После того как ты вызовешь в разогретом колене приятную прохладу, снова разогрей его. Процессы разогревания и охлаждения чередуются несколько раз. Направь внутренний взор одного из стражей на холодную или горячую энергию в болезненной зоне. Заставь стража мягко размазывать прохладу внутри болезненной зоны, как бы проглаживая, массируя её изнутри, успокаивая её. Сменяющиеся циклы разогревания и охлаждения завершаются созданием наиболее приятного для тебя потока оргазмических ощущений с добавлением в него, в зависимости от потребностей твоего организма, тепла или прохлады.

Задачей ещё одного стража станет запоминание всех ощущений, идущих от партнёрши: её тяжести, мягкости её кожи, влажности её тела, исходящих от неё оргазмических ощущений. Весь конгломерат передаваемой от неё информации тебе нужно будет перевести в другую, здоровую ногу. Это дополнительное воздействие на организм поможет восстановиться гармоничный энергетический баланс. Кроме того, память четвёртого стража поможет тебе всегда повторить процесс лечения большим дыханием инь по памяти даже в отсутствие партнёрши.

В качестве дополнения к лечению ты сможешь впоследствии использовать как обычный или точечный массаж с фиксацией давления на продолжительное время, так и внутренний массаж колена «энергетическими руками», представ ляя мягкие женские руки, изнутри проглаживающие и разминающие болезненную зону.

Я сел на автобус, прикидывая, какая из моих возлюбленных свободна этим вечером, чтобы опробовать с ней новый метод лечения. Наиболее подходящей кандидатурой мне показалась Лена, та самая девушка, которую когда-то Учитель совершенно точно описал, демонстрируя мне технику «рассказа по наитию». Ли тогда определил её как «дылду круглолицую», и я вынужден был признать, что он попал в точку*. В данный момент «дылда круглолицая» находилась под надзором «цербера» — двоюродной сестры, которая временно проживала в её квартире.

Родители Лены относились ко мне по-разному. С её отцом мы испытывали взаимную симпатию, но мать моей подруги была твердо убеждена в том, что её дочь достойна лучшей доли, чем студент сельхозинститута, не имеющий ни собственной квартиры, ни далеко идущих честолюбивых планов. И хотя мать, в силу того что дочь была уже более чем совершеннолетняя, не могла помешать нашей страстной любви, она делала все от нее зависящее, лишь бы отравить нам существование и добиться того, чтобы мы наконец расстались.

Пару недель назад родители «дылды круглолицей» уехали в отпуск, и её мать поселила в своей комнате двоюродную сестру, взяв с неё торжественную клятву, что, если я вдруг появлюсь, она не пустит меня на порог или, в крайнем случае, будет неотлучно находиться при сестренке, лишая нас возможности совершить нечто предосудительное и противное нормам морали.

Двоюродная сестра, стервозностью характера во многом напоминающая тетку, с легкостью дала необдуманное обещание неуклонно блюсти Ленину нравственность. Но даже церберы имеют свои слабые

пункты, и двоюродная сестренка, неожиданно влюбившись, сама стала приводить в дом хахалю, предаваясь безудержному разврату на широкой постели Леночкиных родителей. Поскольку подобная вольность вполне могла стать предметом для шантажа, церберу при-

* Техника рассказа по наитию была описана в книге «Тайное учение даосских воинов».

шло, скрепя сердце, закрыть глаза на наше недостойное поведение.

Дверь мне открыл цербер.

— Лена, это к тебе, — процедила сквозь зубы двоюродная сестренка, окинув меня презрительным взглядом.

Дверь одной из комнат приоткрылась, и оттуда выглянула моя «дылда круглолицая». Цербер, фыркнув, как раз драженная кошка, гордо удалился в родительскую спальню.

Лена выплыла из комнаты, приплясывая от удовольствия. Ее танец был неосознанным и спонтанным, она переминалась с ноги на ногу, и в грациозных движениях ее крупного, по-украински щедрого тела угадывались нетерпение и стеснительность, желание заключить меня в объятия и потребность «насмотреться» на меня, отпечатывая в памяти этот очередной незабвенный момент встречи.

Лена была типичной женщиной земли*, доброй и ласковой, щедрой и домовитой. Любовно приготовленный ею украинский борщ и нежное обращение «родной» навсегда приковали к ней мои чувства, и я до сих пор с огромной теплотой и нежностью вспоминаю о своей «дылде круглолицей».

— Цербер сейчас с хахалем, — хихикнув, сообщила мне Лена, — так что нам никто не помешает.

Она бросилась мне на шею, и бурная оргия страсти, сви детельство моего несомненного растлевающего влияния, на чалась еще в прихожей.

— Пойдем в ванну, — шепнула мне Лена, снимая с меня куртку.

До ванной мы добирались, не разжимая объятий, раздеваясь на ходу и бросая одежду прямо на пол. Процесс обмывания напоминал скорее страстную любовную сцену, чем мытье под душем, но в конце концов мы вроде бы что-то вымыли, и конец этой затянувшейся процедуры Лена отметила, положив мой пенис себе на ладонку и нежно поцеловав его. Это вызвало во мне волну теплых чувств скорее сентиментального плана, чем сексуального, и я в который раз поду-

* Женщина земли — тип личности согласно одной из даосских классификаций, описанной в третьем томе этой серии — «Обучение женщиной».

мал, что каждая женщина хороша по-своему и ласки каждой из них удивительны и неповторимы.

Утолив первые порывы чувств, мы наконец немного успокоились, и я, воспользовавшись моментом затишья, рассказал Лене о своей проблеме с коленом и попросил помочь мне, выполнив совместно большое дыхание инь.

— Конечно, родной, — с готовностью откликнулась Лена. — Объясни мне только, что я должна делать.

Я потратил несколько минут, объясняя ей суть лечения, и мы перешли к действиям прямо в ванне, обласкивая друг друга и одновременно

добиваясь полной синхронизации дыхания. Потом я разгорячил свою возлюбленную упражнением королевского седла, обласкивая бедром ее промежность. Убедившись, что ее возбуждение достигло нужного уровня, я сел на край ванны, встав здоровой ногой на кафельный пол, и усадил ее на больную конечность таким образом, что ее мягкие, влажные и теплые гениталии расположились как раз над поврежденным коленом.

Я синхронизировал наши действия короткими тихими просьбами, и вскоре энергия начала циркулировать вдоль на ших тел в точности таким образом, как объяснял мне Учитель. Был момент, когда мне показалось, что наши тела слились в единое целое и живительные токи дыхания циркулировали по моему колену.

Как обычно бывает в подобных случаях, выздоровление произошло внезапно и неожиданно, вызывая трепетный восторг перед таинством неизвестного и в то же время легкую досаду от удивительной простоты происходящего. Момент излечения походил на чмокающе-всасывающий поцелуй нежного вампира. Я почувствовал, как влажное тело моей возлюбленной с неодолимой силой втянуло в себя раздражающий стержень болезненной энергии, сам корень болезни. Другая аналогия, пришедшая мне на ум, была связана с тем, как терзаемый жаждой человек высасывает последний глоток молока из большой и тяжелой глиняной кружки.

В момент излечения по телу Лены прокатилась небольшая волна, и она, видимо почувствовав то же, что и я, радостно обернулась ко мне со словами:

— Я ведь сделала это? Я это почувствовала. У меня получилось? Ты выздоровел?

— Да, моя милая, — сказал я, и наши губы встретились.

ГЛАВА 8

— Мой Учитель не садюга, мой Учитель не садюга, не садюга он, — повторял я про себя, поднимаясь и снова плюхаясь на землю, перекатываясь и вскакивая, чтобы вновь упасть.

Я страдал на хорошо вытоптанной полянке, скрытой в дебрях крымского леса, окружающего Партизанское водохранилище.

По своей форме упражнение напоминало мне наказание придирчивым сержантом провинившегося солдата, но суть его была совсем иной. Я был уже и без того достаточно вымотан предыдущей интенсивной двухчасовой тренировкой и предвкушал отдых и душевную беседу с Учителем, когда Ли велел мне падать на землю и вновь подниматься всеми возможными способами, осуществляя в то же время бой с тенью.

Я падал и поднимался по моим прикидкам уже около сорока минут, и по поведению Учителя не было заметно, что в ближайшее время он собирается прекратить эту пытку.

— Ты должен четко определить для себя разницу между работой под принуждением и работой в удовольствие, — объяснил мне однажды Ли в момент, когда я уже не чувствовал в себе сил выполнять очередное изматывающее упражнение. — Ты учишься потому, что процесс обучения доставляет тебе удовольствие, хотя от этого удовольствия иногда и хочется скрежетать зубами. Даосы научились получать наслаждение от предметов, действий и явлений, которые, как правило, не доставляют удовольствия

обычному человеку. Одним из подобных действий является самосовершенствование. Слово «самосовершенствование» звучит очень заманчиво для европейского уха, но путь истинного самосовершенствования долг и труден, и мало кому под силу двигаться по этому пути. Чтобы избежать ощущения неудобства или страданий европейцы изобрели способ облегчить себе жизнь, и они начали называть самосовершенствованием некие действия, которые не были слишком трудны или мучительны для них, действия, которые удовлетворяли их жажды деятельности, преодоления препятствий, признания или какие-то иные жажды.

Даосы, как и все прочие человеческие существа, тоже имели естественную склонность избегать излишнего напряжения и страданий, но они пошли другим путем и отыскивали свой собственный трюк, позволяющий им превратить тернистый путь самосовершенствования в удовольствие. С помощью учения «Вкус плода с дерева жизни» Спокойные обретают способность получать наслаждение от всех типов деятельности, от всех проявлений внешнего мира.

Я из всех сил старался получать удовольствие от упражнения, но мои силы были почти на исходе. Некоторое разное изображение в мои мучения вносила возможность варьировать способы вскакивания с земли и последующего приземления. Я то припадал к почве, мягко опираясь на конечности, то ударялся о нее в падении всем телом, то перекатывался и готовился к отражению атаки или атаковал, переходя из верхнего уровня в нижний.

Ли определил задачу этого упражнения как развитие способности четко представлять себе картину перехода с одного уровня на другой, одновременно окружая себя воображаемыми противниками, вооруженными тем чем — от вил и лопат до кастетов и кинжалов.

Падая и поднимаясь, я отражал атаки ставших для меня почти реальными врагов и контратаковал их, но, положив руку на сердце, я вынужден был признать, что уже достиг той фазы, когда полностью исчезает даже мысль о возможности получать удовольствие от занятий и почти полностью утрачивается способность наблюдать внутренним взором за явлениями, протекающими внутри измученного организма. Я был утомлен настолько, что мне с трудом удавались какие-либо простейшие движения, но всё же я, уже почти отключившись, пока находил в себе силы вновь и вновь бросать то вверх, то вниз свое большое тяжелое тело.

Я подумал о том, как легко может довести человеческий организм до полного опустошения многократно повторяющееся действие. Пару недель назад меня довело почти до безумия упражнение «посох слепца», которое я должен был выполнять в течение долгих часов. Учитель заставил меня в быстром темпе вздергивать ногу вверх, а затем ставить ее на носок перед собой, сочетая это движение со специфическими движениями руками. Таким образом я нарабатывал при вычурном отражении атаки руками и ногами в нижнем и среднем уровнях. Я понимал, что именно группа подобных простых в своей основе навыков и составляет каркас механизма боя, обеспечивая физическую поддержку несложным техническим приемам. Лишь за счет изнурительных и повторяющихся движений удастся выработать доведенное до автоматизма умение отбивать атаки противника, контратаковать, быстро и пластично передвигаться и вовремя изгибаться к той или иной форме защиты.

Не знаю, что нашло на Учителя, но он вдруг ни с того ни с сего решил проявить невиданный гуманизм и облегчить мне жизнь, заменив одно упражнение другим. То ли день был действительно хорош, то ли ласковое

осеннее солнышко по особому пригрело щедрую крымскую землю, то ли шевель нулись у него в душе теплые чувства — не знаю, но мой тяж кий приговор был заменен на более мягкую форму то ли удо вольствия, то ли наказания.

Я стал выполнять упражнения «играющего тигренка», или «играющего тигра», описанные в книге «Формы Шоу-Дао». Задача упражнения заключалась в том, чтобы научить ся быстро восстанавливать свой организм после разного рода пагубных воздействий, которые могли иметь место во время схватки, вроде удара в пах или удушения с воздействием на сонную артерию. Славик, мой напарник, к сожалению, не всегда мог присутствовать на тренировках, поскольку работа в милиции не оставляла ему слишком много свободного вре мени. Из-за его отсутствия я был вынужден отрабатывать движения «играющего тигренка» на воздухе. К счастью, для выполнения этих тао не было особой необходимости в при сутствии партнера, поскольку основные движения произво дились на самом исполнителе. Так, например, форма «тигренок выплевывает кость» заключалась в том, чтобы со всей дури ударить себя кулаками в область спины напротив сол нечного сплетения, ухитрившись не повредить при этом по звоночник. В результате дыхание, якобы сбитое ударом про тивника в солнечное сплетение, должно было бы восстано виться.

Я выполнял один за другим приемы «играющего тиг ренка», испытывая смутное чувство радости оттого, что пре дыдущее упражнение наконец закончилось. Затем я понял, что внутри меня зарождается еще не до конца определивший ся вопрос, и это обстоятельство подействовало на меня обо дряюще. Я ощутил, что пока еще я не замучен настолько, что бы окончательно потерять способность думать, и что мой интерес к Шоу-Дао не угас под давлением отрицательных эмоций, вызываемых тяжелыми физическими нагрузками.

Я сделал жест, дающий знать Учителю, что мне бы хо телось получить ответ на вопрос, и задрал вверх левую руку, что означало, что мой вопрос — теоретический, требующий словесного пояснения и не связанный с физическим показом приемов.

Благосклонным жестом Ли позволил мне задать вопрос, и я, утомленный слишком продолжительным молчанием, вос пользовался полученной возможностью и тут же затараторил так быстро, что язык с трудом выговаривал слова, выскаль зывающие из меня одно за другим. Я надеялся, что напор моей словесной атаки не даст возможности Учителю уклониться от ответа.

Суть моего вопроса сводилась к тому, чтобы побольше узнать о приемах восстановления бойца после получения раз личных увечий или травм, как справиться с ситуациями, ос ложненными остановкой дыхания и т. д.

Не знаю, в честь чего, но Учитель решил побаловать меня. Он сделал знак, приглашающий меня после необходи мой кратковременной заминки движений присесть на землю рядом с ним и расслабиться в предвкушении радостного мгно вения, когда свет новых знаний прольется на мои затуманен ные усталостью мозги.

Я удобно устроился под деревом на сложенной пополам куртке и приготовился слушать.

— Я не совсем понял, что именно тебя интересует, — сказал Учитель. — Мы уже не раз обсуждали с тобой тему реанимационных техник.

— Действительно, я знаю уже достаточно методов вос становления

после ударов или удушающих приемов, — под твердил я, — но мне бы очень хотелось узнать что-то особенное, о чем знают лишь единицы.

Ли усмехнулся.

— Известные тебе приемы восстановления и так знают единицы, — возразил он. — Ведь даже правильно выполнить искусственное дыхание сможет далеко не каждый специалист.

Учитель хитро взглянул на меня.

— Пожалуй, стоит заварить чайку, — нарочито безразличным голосом сказал он.

Ли шмыгнул в кусты, где в мешке хранилась замаскированная ванная от постороннего взгляда наша кухонная утварь. Учитель настаивал, что мы должны уметь в случае необходимости мгновенно оставить полянку, забрав с собой или замаскировав все свои вещи, так, чтобы ни у кого не зародилась даже мысль, что здесь недавно кто-то был.

Я уже научился чувствовать настроение Ли, и понимал, что он поддразнивает меня, так что я решил «добить» противника в Берлине» и не отставать от него.

— Почти все известные мне способы реанимации так или иначе связаны с манипуляциями на теле человека, — сказал я. — Но ведь наверняка существуют какие-то энергетические, бесконтактные способы восстановления. Ты не мог бы рассказать мне о них?

— И ты даже не хочешь дождаться Славика? — ехидно спросил Учитель, проламываясь сквозь густую чащу кустов, как медведь через малинник. — Тебе не стыдно лишать своего напарника столь полезных знаний?

Я вертелся на месте, стараясь уследить за его передвижениями.

— Неужели ничего нельзя показать без Славика? —

разочарованно спросил я. — Еще неизвестно, когда он появится. Я потом ему все расскажу.

— То есть я должен объяснить тебе все прямо сейчас и немедленно, не успев даже попить чайку? — продолжал издеваться Ли.

— В общем-то да, — чересчур эмоционально воскликнул я.

Несколько минут мы продолжали беседовать в том же духе, пока Учитель разжигал костер и ставил котелок на огонь, а затем, совершенно неожиданно для меня, его жесткие жилистые пальцы вцепились мне в шею, пережимая сонную артерию. Я чисто рефлекторно схватил его за руку, почти тут же сообразив, что не имеет смысла сопротивляться, а затем я начал проваливаться в бессознательное состояние, с отрешенным интересом регистрируя предшествующие ему фазы погружения, с неожиданной быстротой сменяющие одна другую.

Мне казалось, что я проваливаюсь в бездонный черный колодец, оставляя на его поверхности крошечный поплавок контроля сознания, но поплавок сознания растворился в голубизне видений, и я ощутил себя лежащим на прогретом солнцем песке черноморского пляжа. Я наблюдал за плавным полетом белоснежных, как сахарная вата, чаек и прислушивался к первому шороху волн в широкой полосе прибоя. Я испытывал чувство высочайшего наслаждения, из которого меня неожиданно вырвал, буквально выдернув меня наружу из бездонных глубин черного колодца, до безобразия отвратительный звук. Казалось, что этот звук заставил вибрировать и содрогаться все внутри меня. Поплавок сознания, как пробка из бутылки нагретого на солнце шампанского, пулей вылетел на поверхность, а затем я почувствовал, как на мое тело обрушилась давящая и всепоглощающая стена звука, оживляющая меня и возвращающая меня к бытию.

Мое тело рефлекторно сжалось, я ошалело вытаращил глаза и увидел спокойное и серьезное лицо Учителя, скло нившегося надо мной.

— А вот и первый способ бесконтактного оживления, — сказал он. — Это техника оживления криком.

Я с трудом приподнялся и сел, пытаюсь окончательно прийти в себя.

— Нетерпение наказуемо, — ехидно заметил Учитель. — Лучше бы ты дождался Славика.

Затем он обрушил на меня четко нацеленный удар, де монстрируя иной тип разрушающего воздействия. Мне пока залось, что что-то вынули у меня из организма. На этот раз я вошел в бессознательное состояние окончательно и бесповоротно, без каких бы то ни было поплавок сознания. Я провалился в абсолютную темноту, в небытие. Удар Учителя пол ностью уничтожил мосты, соединяющие меня с окружающим миром.

Тот же самый резкий, отвратительный, невыносимый звук, сила которого нарастала по мере возвращения сознания, вернул меня к действительности. Я чувствовал себя плохо. Меня мучило. Возможно, я еще не успел отойти от своего первого погружения через удушье, к которому я в общем-то был уже привычен. Голова была легкой и пустой, конечно сти отказывались слушаться, и я, в отличие от первого раза, даже не сделал попытки сесть. Сквозь полуприкрытые веки я снова увидел лицо Учителя, но теперь оно казалось дале ким и распыленным. Ли с увлечением разлагался на тему бесконтактной реанимации. Часть моего сознания стала ралась сконцентрироваться на том, что он говорил, в то время как другая его часть была занята ревизией моего организма.

— А вот еще один вариант с применением крика, — сообщил Учитель. — Сейчас ты испытаешь несколько иной способ воздействия.

Пальцы Учителя снова вцепились мне в шею. По моему телу прокатились сильнейшие судороги, но я их не успел почувствовать до конца. Я снова провалился в бездонный колодец бессознательности. Крик, который поднял меня на поверхность, был еще более омерзителен, чем предыдущие.

Самый первый крик Учителя был своеобразной модификацией крика «пай», «пай-а-а-ай», который обычно при менялся для психологического воздействия на противника или для концентрации усилия в рукопашном бою. Казалось, од-

нако, что в последнем крике достигла своего пика квинтэссенция угрозы одного наделенного легкими живого существа другому живому существу. Это было нечто страшное и неопределимое. Если первый крик звучал на высоких тонах, то последний, казалось, поднимался изнутри живота и сопровождался то ли пронзительным стоном, то ли шипением. Холодное ощущение вибрации, порождаемое криком, проникло мне в ноги, поднимаясь по ним до нижней части живота, а затем еще выше, заставляя тело содрогаться и приводя меня в чувство. Этот переход в сознательное состояние был более плавным и постепенным, чем в предыдущих случаях.

Я окончательно пришел в себя после нескольких затрепанных, щедро нанесенных мне Учителем. Почему-то после них мое настроение улучшилось, и я даже почувствовал себя бодрым и почти отдохнувшим. Я перевернулся на правый бок, и мое состояние улучшилось настолько, что мне даже не потребовалось совершать особо героические усилия для того, чтобы наблюдать за манипуляциями, которые проделывал Лис.

Лис взял бревнышко, на котором мы обычно сидели, за кутал его плащ-палаткой для придания ему более или менее человекоподобного образа и, используя бревнышко в качестве учебного пособия, принялся объяснять

мне детали тех ники бесконтактной реанимации.

— В первую очередь ты должен убедиться, что в горле пациента нет рвотных масс, иначе он может задохнуться, — сказал Учитель. — Об этом я больше не буду тебе напоми нать. Пострадавший должен лежать на спине, и тебе нужно сесть с правой стороны от него на таком расстоянии, чтобы твоя рука могла свободно дотянуться до его солнечного спле тения.

Ли протянул правую руку и коснулся середины прикры той плащ-палаткой чурки.

— Звуковая волна должна быть направлена вот в это или вот в это место, — продолжил он, указывая на соответствующ ие зоны манекена.

Примерно в течение часа он демонстрировал области воздействия, меняя положение головы и плеч воображаемо го пациента, объясняя, каким образом следует производить воздействие звуковой волной и как модулировать крики.

— В целом метод очень простой, — в конце концов по дытожил он, — но, к сожалению, этот метод не всегда приме ним по той простой причине, что ты можешь быть не в го лосе.

Мне захотелось рассмеяться, возможно, потому, что тер мин «не в голосе» не слишком соответствовал событиям, ра зыгрывающимся на лесной полянке.

«Боже мой, — мелькнула мысль, — насколько же мне повезло, какие удивительные вещи мне довелось узнать и испытать на себе!»

Меня захлестнуло расслабленное умиротворение, воз можно наступила запоздалая реакция на все травмирующие воздействия, которые я пережил за этот день, и я, буквально растворившись в этом блаженном чувстве, вновь потерял со знание.

Жизнь возвращалась ко мне болью, причиняемой боль шим пальцем Учителя, безжалостно вонзившимся в зону под носом. Я предпринял вялую попытку избавиться от этого воз действия, и Учитель убрал палец, на сей раз надавив на еще более болезненную реанимационную зону на руке.

Я, почти раскаявшись в своем любопытстве, ухитрил ся-таки отобрать руку у продолжавшего истязать меня Ли и вопрошающе уставился на него с некоторой долей удивле ния, негодования и возмущения, вполне оправданной, если учитывать, что я еще не слишком хорошо соображал, что к чему.

Учитель строил еще более удивленную мину, явно передразнивая меня.

— А ведь я дал тебе поспать, — укоризненно произнес он. — У нас не так много времени, чтобы я мог позволить тебе дрыхнуть часами.

«Выходит, я уже превратился в лентяя и лежебоку», — отметил я про себя. Инстинкт самосохранения не позволил мне облечь эту мысль в слова.

— Ну как, ты удовлетворился полученными знаниями или стоит продолжить изучение интересующей тебя темы? — поинтересовался Ли.

— Я бы предпочел продолжить, — не совсем уверенно сказал я, подавляя малодушное желание навсегда забыть о техниках бесконтактной реанимации.

— В таком случае тебе для бодрости стоит сначала по пить чайку, — великодушно сказал Учитель.

Со временем одной из дежурных шуток моих учеников станет реплика: «Я запомню, кто задал этот вопрос!»

Я перенял практику Учителя, который имел обыкнове ние показывать технику, о которой я спрашивал, на Славике, а технику, интересующую

Славика, — на мне. Следуя этой традиции, когда кто-то из моих учеников задавал вопрос, я отвечал на этот вопрос, используя в качестве учебного материала одного из его напарников. Поскольку зачастую подобные демонстрации были не слишком приятными, пострадавший, с некоторой долей иронии, давал понять своему приятелю, что запомнит, кто задал вопрос...

Я услышал звук шагов приближающегося Славика и понял, что сейчас моему возвращающемуся с работы ничего не подозревающему партнеру придется пройти через те же самые муки, через которые прошел я из-за своего неумолимого любопытства. Меня терзали угрызения совести...

Краем глаза я уловил многозначительный взгляд Учителя, и этот взгляд не сулил Славику ничего хорошего. Без всяких слов я знал, что я должен был сделать. Работа в кругу воина, следование по пути воина подразумевало, что в любой момент боец должен быть готов к отражению самого неожиданного нападения, и мы постоянно подстраивали друг другу ловушки, неожиданно атакуя партнера или устраивая ему какую-либо провокацию.

Эта игра была подхвачена моими знакомыми рукопашниками и перенеслась на улицы Симферополя. Когда собиралась компания любителей воинских искусств, в любой момент один из друзей мог нанести другому неожиданный удар, и, если тот не успевал среагировать, ему оставалось пенять на себя.

Ловушки Учителя носили гораздо более серьезный характер, и его неожиданные засады или атаки проводились почти на уровне реальной схватки.

— Одна из самых коварных ловушек, подстерегающих человека на его жизненном пути, — это ловушка обыденности, — объяснил Ли. — Убежденность убавливает сознание человека, создавая у него ложное убеждение, что все идет своим чередом и ничего плохого и непредвиденного с ним просто не может случиться. В результате он оказывается не готов к непредвиденным поворотам судьбы и становится жертвой обстоятельств. Воин жизни не может быть жертвой, но постоянная готовность противостоять неожиданностям не возникает сама по себе. Она вырабатывается в постоянных упражнениях контроля над судьбой. Спокойные учатся обходить ловушки судьбы или избегать их. Техника контроля над судьбой начинает оттачиваться с навыков рукопашного боя. Практически все навыки рукопашного боя имеют свое отражение на более высоких уровнях, и тогда они перерастают в техники тактики и стратегии бытия, в техники, применяемые Спокойными в их повседневной, социальной и духовной жизни.

Так, методы контактного и бесконтактного контроля над движениями противника, именуемые «Езда на спине ветра», перерастают в свою духовную ипостась — методы контроля над судьбой, временем, пространством и окружающим миром, то есть, собственно, над жизнью. Этому способствует развитие интуиции «срединного пути». Представь, что твоя интуиция подсказала тебе не встречаться с каким-то человеком и это позволило тебе избежать больших неприятностей. Эта предосторожность сродни той, когда в рукопашной схватке ты перекрываешь руку противника, лишь изготавившись к удару, но старающегося не выдавать своих намерений. И в том и в другом случае ты не позволяешь развиваться опасной для тебя ситуации.

Мы со Славиком часто попадались в ловушки друг друга. То Славик зависнет на мне сзади в удушающем захвате, от которого исключительно трудно, почти невозможно избавиться, то я подстерегу его и неожиданной

серией ударов поверг ну на землю, так что его не спасет даже его профессиональная боксерская реакция, поскольку так называемые «подкожные» удары Шоу-Дао слишком быстры и неожиданны.

Мы уже давно практиковали подобные упражнения кру га воина и стали настолько осторожны, что было непросто застать друг друга врасплох. Я знал, что Учитель хочет, что бы я неожиданным ударом погрузил Славика в бессознательное состояние, и прикидывал, удастся ли мне это сделать.

Треск веток, ломающихся под ногами моего напарника, усилился, и среди переплетения сучьев появилось белесое пятно, приближающееся к нам.

Славик был одет в старое, уже ставшее желто-серым кимоно, но в сумраке леса оно казалось белым одеянием при зрака. Наконец мои глаза смогли различить очертания его литой атлетической фигуры, и волна радости от встречи с другом поднялась в моей душе. Я лихорадочно соображал, как подстроить напарнику очередную каверзу, так чтобы он не разгадал моих намерений.

Судьба благоприятствовала мне. Славик был так счастлив, что ухитрился сбежать с работы в лес на тренировку, он с таким жаром объяснял это нам, что он ослабил внутренний контроль. Учитель подыгрывал мне, как, впрочем, в аналогичных ситуациях он подыгрывал и Славiku, готовя нападение на меня, и мы вовлекли моего напарника в оживленную беседу.

— Я положу тебе каши, — сказал я и, взяв в одну руку миску, а в другую ложку, самым естественным движением потянулся к завернутому в газеты котелку с еще теплой кашей, стоящему за спиной моего друга.

Я внутренне почувствовал, что Славик подсознательно отметил мое движение, отозвавшись на него чуть заметным напряжением мышц, но позвякивание ложки о миску и запах каши, поднимающийся из котелка, расслабили его. Учитель о чем-то спросил Славика, и я, выбрав момент, когда тот от влекся, собираясь ответить на вопрос, мягко уронил ложку в гущу каши, так, чтобы она, не звякнув о борта, вонзилась в нее, как нож, и осталась стоять. Аккуратно держа на весу наполненную миску, чтобы ценный продукт не вывалился на землю, я нанес короткий резкий удар ребром ладони сбоку по точке фэн-чи на шее моего партнера. Если подобный удар в расположенную рядом точку фэн-фу нередко приводит к смертельному исходу, удар в фэн-чи не опасен для жизни. Он отключает человека, как выключатель электрическую лампочку.

Голова Славика рефлекторным движением дернулась вперед и вниз в направлении, противоположном направлению удара, и его тело стало мягко заваливаться набок.

Оттащив от костра тело моего напарника, я приготовился наблюдать технику оживления звуком в исполнении Учитель.

Ли сел, поджав под себя ноги, с правой стороны от Славика на расстоянии вытянутой руки от его солнечного сплетения, слегка развернув туловище в направлении лица моего напарника таким образом, чтобы звук, вырывающийся из его горла, напрямик ударил по уху, в районе которого был нанесен удар.

— Обрати внимание на некоторые нюансы, — негромким голосом сказал Учитель. — Зона, на которую ты будешь воздействовать при помощи звука, выбирается в зависимости от того, в какую область был нанесен отключающий удар. Если была поражена область сердца, тебе нужно сесть на расставленные вытянутой руки от этой зоны и воздействовать звуком именно на нее. При ударах в голову звук надо направлять в первую очередь в область уха со стороны полученного удара, за исключением тех случаев,

когда удар пришелся непосредственно в ухо.

При поражении ушей следует располагаться ближе к пострадавшему — сидя у его изголовья на расстоянии ладони или двух от его головы и наклоняясь к самой переносице. Крик должен быть направлен в точку между бровями. Начиная с обычного крика «пай».

Два раза глубоко вдохнув и выдохнув. Учитель издал два коротких крика:

—Пай, пай!

Веки Славики задрожали, и Ли выдал новый пронзительный и продолжительный, зовущий звук:

— Пай-а-а-а-ай!

Мой напарник открыл глаза, и я поразился их выражению. Его взор был неосмысленным и чистым, как взгляд новорожденного младенца. Такой взгляд свойствен людям, приходящим в себя после глубокого обморока, когда они, еще не понимая, кто они и где находятся, ощупывают глазами окружающий мир, упорядочивая информацию, поступающую в их мозг.

Подобный прием, называемый «взгляд младенца», используется в некоторых медитативных практиках Спокойных. В подобных медитациях ученик осваивает «девственный взгляд» на мир, не замутненный наложением на этот мир сформированной в процессе существования модели мира. В этот краткий момент мир воспринимается таким, какой он есть, и лишь затем неизбежно подключается работа мозга.

Глаза Славики приняли осмысленное выражение. Он окончательно пришел в себя.

— Опять упражнения, — разочарованно и протяжно произнес он.

В его голосе прозвучала столь откровенная почти детская обида, и это было так забавно, что мы дружно расхохотались.

Славик сел. Я, в качестве утешительного приза, протянул ему миску с кашей, и Учитель начал подробно объяснять моему напарнику реанимационные техники, которые он не давно показывал мне.

Мы поотрабатывали технику крика, Славик проделал надлежащие манипуляции на бревнышке — нашем учебном пособии, а затем вновь настал мой черед стать подопытным кроликом.

Я развернулся спиной к Учителю и встал на колени, чтобы смягчить падение на землю. Хотя после нанесения отключивающего удара тело падает мягко и расслабленно, лишнего раз плюхаться на землю с высоты своего роста мне почему-то не хотелось.

Ли выполнил удушательный прием, и прежде, чем я потерял сознание, передо мной, как протяжная жизнь перед внутренним взором приговоренного к казни, промелькнуло воспоминание.

Мы с Лин отдыхали во времянке после упражнений. Голова моей возлюбленной лежала у меня на плече, и я, в наступившем продолжительном молчании, наслаждался ощущением ее присутствия, тяжестью ее тела, шелком ее волос на моей щеке.

— Знаешь, — неожиданно встрепнулся я. — Один знакомый недавно рассказал мне, что некоторые японцы во время полового акта затягивают на шею удавку и вроде бы от этого они испытывают какое-то небывалое сексуальное наслаждение. Мне это показалось немного странным. Трудно поверить, что, когда тебя душат, ты можешь сосредоточиться на сексе. Говорят, что бывают даже смертельные случаи удушения во время полового акта.

— Если все делать правильно, смертельные случаи исключены, — заметила Лин. — Ласкающее прикосновение вечности — это великое

искусство, которое известно немногим.

— Ты говоришь об удушении? — удивился я. — Ты что, тоже проделывала подобные штучки?

— Подобные штучки? — передразнила меня кореянка. — Ты говоришь так, как будто бы речь шла об извращении. Можно подумать, что Учитель никогда не выполнял на тебе удушающие приемы.

— Но это же боевая техника. Это совсем другое дело, — возразил я.

— Дело в том, как и для чего ты применяешь удушающие техники, — сказала Лин. — Возьми, например, состояние внутреннего облака.

— Причем тут внутреннее облако? — удивился я. — Это особое медитативное состояние, связанное с внутренней улыбкой и формированием особых мыслеобразов циркуляции энергии по кругам фигуры восьми триграмм. Какое отношение внутреннее облако имеет к удушению?

— Самое прямое, — сказала кореянка. — Истинное и более глубокое состояние внутреннего облака постигается лишь после упражнений с удушением.

Я почувствовал, как во мне пробуждается интерес.

— Я не знал этого, — сказал я. — Учитель никогда об этом не упоминал. Ты можешь показать мне, как это делается?

Лин игриво потянулась.

— Даже не знаю, что тебе сказать, — задумчиво протянула она. — Я не уверена, готов ли ты к подобному откровению.

Кореянка явно поддразнивала меня.

Я опрокинул ее на спину и наклонился над ней, лаская ее лобок и груди.

— Надеюсь, я смогу тебя убедить, — тоном профессионального соблазнителя сказал я.

— Ладно, — улыбнулась Лин. — Но помни, ты сам напросился.

— Я готов принять на себя эту ответственность, — торжественно заявил я.

— Войди в состояние внутреннего облака, — предложила Лин.

Кореянка зажгла свечу и поставила ее на пол в углу в комнате. Затем она достала блюдечко с несколькими конусами благовоний и тоже подожгла их. Лин надела короткое черное шелковое кимоно, которое делало ее еще более соблазнительной и желанной. Мне казалось, что моя возлюбленная обладает самым совершенным женским телом на земле, но, как ни странно, ее кимоно возбуждало меня даже сильнее, чем обнаженное тело. Возможно, это было связано с тем, что фантазия всегда прекраснее действительности, или меня просто манило то, что скрыто от глаз, но, когда Лин двигалась и точеные округлости ее тела натягивали черный шелк, обрисовываясь под ним, как сюрреалистические творения гениального художника, мне казалось, что я всем своим существованием откликаюсь на безмолвный призыв ее плоти.

Кореянка прекрасно осознавала всю силу своего воздействия на меня. Она, откинув назад волосы, провела ладонями по лицу жестом спокойствия и начала выполнять упражнение спонтанного движения по кругам. Несколько мгновений она оставалась почти неподвижной в свободной, напряженной стойке с чуть согнутыми коленями, затем дрожь аутодвижений заставила трепетать кончики ее пальцев. По телу Лин прокатилась легкая дрожь, а затем амплитуда аутодвижений начала расширяться.

Хотя моя возлюбленная ничего не сказала мне об этом, я знал, что я должен синхронизировать свое внутреннее облако с ее состоянием. Я догадывался, что этот спонтанный чувственный танец ее тела был очередным подарком для меня, еще одной «снежинкой, падающей с неба» — новым для меня кусочком знаний Спокойных.

Я выполнил упражнение по расширению сознания, выдвинув свою чувственную оболочку вперед, до тех пор пока она не соприкоснулась с чувственной оболочкой Лин. Аутодвижения корейки стали отдаваться в моем собственном теле, вызывая перемещение оргазмических потоков по орбитам внутреннего облака.

Повинуясь внезапному импульсу, я откинул одеяло. Оно казалось мне вызывающим беспокойство экраном, мешающим моему полному слиянию с возлюбленной. Я лежал совершенно обнаженный, широко раскинув содрогающиеся от аутодвижений руки и ноги, и напряжение оргазмических по токов стало так велико, что я не смог удержаться от эрекции, напор которой, казалось, вот-вот разорвет мой член на мелкие кусочки, как бомба палестинских террористов.

Я знал, что Лин посылает мне безмолвный приказ убрать силу из члена, но я, как ни старался, не мог этого сделать.

Аутодвижения корейки начали затихать, становясь более замедленными, затянутыми и округлыми. Теперь ее руки двигались параллельно, словно массируя на расстоянии мое тело, и я чувствовал, как энергетические потоки смягчались, следуя за пассажами Лин. Напряжение спадало, и я наконец сумел переместить энергию, бурлящую в половых органах, вверх по позвоночнику, проводя ее затем по микрокосмической орбите и распределяя по всему телу.

Меня охватило состояние эйфорического расслабления. Казалось, я вот-вот потеряю сознание, но мой сторонний наблюдатель все еще удерживал контроль и я каким-то углом сознания регистрировал то, что происходило со мной.

Лин располагалась таким образом, что свет свечи падал на нее спереди и сбоку, и ее *огромная* причудливо деформированная тень выполняла свой собственный фантастический танец на белой стене. Дым благовоний колеблющимися спиралями поднимался вверх, окутывая тело корейки в алью прозрачного тумана.

При особо размашистых движениях шелк кимоно распахивался, и моему взору открывались танцующие твердые груди с маленькими темными, как вишни, сосками. На какое-то время мое внимание приковало плавное перемещение сосков, которые то скрывались за черной шелковой завесой, то вновь появлялись на свет, чтобы свести меня с ума. Какой-то механизм внутри меня стал предугадывать, какое движение сделает сейчас моя возлюбленная и когда ее сосок вынырнет из своего укрытия. Моя чувственная оболочка настолько слилась с ней, что через некоторое время я знал наверняка, что она делает и как она будет двигаться в следующий момент. Вспомнив еще одну из техник управления сознанием, которую мне показывал Учитель, я начал втягивать чувственную оболочку в себя, и когда она слилась с кожей, в моих ощущениях тело Лин вплотную приблизилось к моему, хотя она ни сделала ни шага в мою сторону.

Я чувствовал, как соски корейки щекочут мою грудь, и прилив оргазмических ощущений к груди и шее стал настолько сильным, что он заставил меня застонать. Сладостные спазмы аугодвижений сотрясли грудную клетку. Я начал глубоко дышать, пытаюсь контролировать ситуацию. Спазмы утихли, сменившись пульсацией, которая мощным насосом посылала вибрирующие потоки энергии в руки и голову.

Не прерывая ритма округлых движений, Лин раздвинула и без того почти ничего не скрывающие полы халатика, и я увидел ее лобок. Как и соски, он казался самостоятельным живым существом, волшебным, как говорящий бельчонок из сказки. Теперь все мое внимание

сконцентрировалось на дви жении лобка. Я чувствовал, как он скользит по моим бедрам, по моему животу и как жесткие курчавые волосы Лин доводят меня до безумия ритмичностью своего возбуждающе-щекочущего прикосновения.

Мой член снова напрягся. Теперь спазмы сотрясали ниж нюю часть тела, и вихри оргазмических ощущений отдавали тяжёлыми толчками в ногах.

Лин медленно развязала пояс и позволила халату соскользнуть на пол. Широкий шелковый пояс кимоно она накинула себе на шею, как ожерелье, и, подойдя к кровати, легла на меня. Тя жёсть и близость ее тела изменили характер оргазмических потоков. Теперь наши энергии объединились, циркулируя по восьмёркообразной траектории вдоль наших тел. Женское инь насыщало меня, обмениваясь на мужское ян.

Как ни странно, прямой контакт тел успокоил меня. Спазмы прекратились, и на смену почти невыносимому напряжению пришло ощущение волшебного парения, ощущение все поглощающего блаженства. Потоки оргазмических ощущений стали ровными и спокойными. Казалось, они достигали каждой клеточки моего тела, заливая ее мягким светом наслаждения.

— Выполни упражнение внутреннего облака, — прошептала Лин.

«Как странно, разве можно достичь еще более глубокого погружения», — подумал я.

Мне казалось, что ощущение внутренней радости, волшебного привкуса гармоничного смешения энергетических потоков, характерное для внутреннего облака, уже достигнуто и что я больше ничего не смогу к этому прибавить.

Лин взяла пояс кимоно и, мягко просунув его конец мне под шею, обвила его вокруг моего горла.

— Внимательно следи за своими ощущениями, — прошептала она. — Отдавайся им, как ты отдаешься мне — без опасений и колебаний.

Я почувствовал, как ткань натянулась, понемногу перекрывая доступ воздуха в легкие. Полуприкрытыми глазами я смотрел на прекрасное лицо возлюбленной, наслаждаясь этим зрелищем и полностью отдаваясь на ее волю. Затем ее лицо расплылось и исчезло, и на смену ему пришло ощущение полета.

Я парил в глубокой синеве. Тело исчезло, растворившись в пространстве. Удивительное чувство легкости и невесомости, казалось, распространилось и на энергетические процессы, протекающие в моем теле. Если раньше пульсации, оргазмические ощущения и потоки ци, казалось, имели объем, плотность и силу, то теперь они стали размытыми и бесплотными. Меня охватило ни с чем не сравнимое эйфорическое состояние спокойствия, безмятежности и внутренней радости. Я взлетал все выше и выше, синева сгущалась вокруг меня, и в конце концов я затерялся в ее безбрежных просторах.

Когда я открыл глаза, то увидел перед собой лицо Лин. Моя возлюбленная была одета в кимоно, и шелковый пояс, который недавно унес меня в неведомые дали, был завязан у нее на талии.

— Ты запомнил истинное состояние внутреннего облака? — спросила корейка.

— Это невозможно забыть, — сказал я, сглатывая слюну. Как обычно бывает после удивления, у меня першило в горле и хотелось прокашляться.

— Теперь с помощью медитации воспоминаний ты сможешь добавить это новое ощущение к твоим упражнениям, — улыбнулась Лин.

— Теперь я понимаю японцев, — заметил я. — Ради подобного удовольствия вполне можно рискнуть жизнью. Интересно, когда японцы затягивают на шее удавку во время полового акта, они испытывают те же ощущения, что испытал я?

— Общим для всех является ощущение потери веса и парения, — ответила Лин. — Но оттенки переживаний инди видуальны для каждого и зависят от того, какими мыслеобразами сопровождается половое возбуждение и перемещение сексуальной энергии. Ты был настроен на состояние внутри ренного облака, и ты смог познакомиться с тончайшими нюансами этого состояния. Но, когда люди прибегают к асфиксии во время полового акта или во время мастурбации, их целью является получить еще более тонкие и интенсивные сексуальные переживания. Возбуждая эрогенные зоны, они доводят себя до пикового состояния возбуждения, когда оргазмические переживания столь интенсивны, что нервная система уже не в силах выдерживать их, и тогда они начинают, медленно затягивая удавку, перекрывать доступ воздуха в легкие. С одной стороны, таким образом они сбрасывают избыточное сексуальное напряжение, затягивая процесс погружения в оргазмические переживания, а с другой стороны, они добавляют к оргазмическим переживаниям ни с чем несравнимое ощущение парения в пространстве. Кроме того, в зависимости от личных склонностей, можно окрашивать сексуальные переживания дополнительными действиями или мыслеобразами, получая наслаждение от самых разных вещей — от представления каких-то сексуально возбуждающих объектов, от специфических фантазий, от причинения боли себе или другим и т. д. Существует огромное количество вариантов. В данном случае твоя задача — научиться через медитации, не прибегая к удушью, воспроизводить ощущение парения в сочетании с чувством тонкой радости, характерным для внутреннего облака.

Я начал отрабатывать это ощущение, дополнительно используя каждую возможность зафиксироваться на нем, когда во время спарринга меня отключали удушающим приемом. Иногда вместо парения в небе мне казалось, что я плыву под водой, вспоминались сцены из детства, когда я совершал погрузки, охотясь с острой.

Откуда-то издали донесся звук, скорее напоминающий негромкий писк или еще какой-то трудно определимый раздражающий шум, подобно тому как среди абсолютного спокойствия вас вдруг начинает тревожить приглушенный гудок паровоза или клаксон машины. Образ Лин исчез. Я лежал на песке, море плескалось у моих ног, и белые чайки надо мной описывали в небе круги. Я знал, что нахожусь на Золотом пляже Феодосии. Я наслаждался ощущением солнца и освежающего ветерка на моей коже, мне было удивительно хорошо, но звук, на этот раз гораздо более продолжительный, громкий и раздражающе-сверлящий, прервал это состояние блаженства.

Мои веки дрогнули и приоткрылись. Переход к реальному ошеломил меня. Вначале я видел лишь ветви деревьев, колышущиеся в вышине, и в течение какого-то времени меня терзало мучительное желание вспомнить, где я нахожусь и что я тут делаю. Я повернул голову, и в поле моего зрения попала довольная физиономия Славика, вернувшего меня к жизни.

— Это ты кричал? — на всякий случай поинтересовался я.

— Извини, если испортил тебе удовольствие, — ухмыльнулся Славик.

Учитель сделал знак, приглашающий нас расслабиться и немного отдохнуть.

— Есть еще одна техника реанимации, — сказал Ли, — но она почти

никогда не применяется в чистом виде, лишь как дополнение к другим реанимационным техникам. Это техника реанимации с помощью волевого импульса.

Волевые импульсы или волевые эманации Учитель определял как одну из составляющих проявления внутренней силы, как базирующийся на концентрированном сгустке эмоций мощный энергетический выброс, с помощью которого человек обретал способность совершать сверхусилия.

— Ты сказал «почти», — заметил я. — Значит, её всё-таки можно применять?

— Можно-то можно, но не тебе и не сейчас. Нет смысла затрачивать излишние усилия там, где цели можно достигать более простыми способами. Но, как вспомогательный элемент, волевые импульсы очень хороши.

— А ты не мог бы показать нам реанимацию только за счёт волевых импульсов? — попросил я.

Учитель ласково улыбнулся и прикоснулся пальцами к шее Славика. Мой напарник в который раз за этот день потерял сознание. Аккуратно уложив его обмякшее тело на землю, Ли встал над ним в позу с полусогнутыми ногами, напоминая стойку всадника, так, что тело Славика оказалось у него между ног. И я с восхищением и трепетом стал следить за чередой перевоплощений, происходящих с моим наставником. Его метаморфоза напомнила мне то, что случилось с ним во время демонстрации техники прыжков в день нашего знакомства.

Глаза Учителя засверкали, тело, излучающее неземную энергию, как бы переполнялось всепоглощающей силой, поднимавшейся изнутри. Ли исказилось серией гримас, по телу снизу вверх прокатилась волна. Лицо застыло в зверином оскале, отражавшем высшую степень напряжения и сосредоточения. Учитель резко выбросил руки вперёд в направлении солнечного сплетения Славика. Тело моего друга конвульсивно содрогнулось, как под действием электрошока, голова и ноги приподнялись, казалось, его сводило судорогой, а резко раскрывшиеся вытаращенные глаза с изумлением впились в лицо Ли.

Несколько мгновений спустя тело моего напарника расслабилось, а взгляд приобрёл осмысленное выражение.

— Я тоже хочу увидеть это! — закричал Славик.

— Хотеть не вредно, — усмехнулся Учитель. — Мед вежонков тебе всё расскажет.

Ли очень редко называл меня «медвежонком», и в эти моменты между нами возникала какая-то неуловимая связь, наполненная такой теплотой и нежностью, что казалось, в мире нет для меня человека роднее Учителя.

— А теперь нам действительно пора отдохнуть, — сказал Ли. — Поговорим о том, как волевые импульсы сочетаются с другими реанимационными приёмами.

Он рассказал нам более подробно об основных реанимационных техниках и о том, как можно воздействовать на умирающего человека, а затем мы снова вернулись к теме реанимации звуком.

— Давай потренируемся в использовании ещё и других звуков, — попросил я, забыв о пережитых страданиях.

— Сегодня вас больше нельзя отключать в полную силу, — сказал Ли. — Вы уже побывали у ворот небесных облаков, рождающих туман, и некоторое время вам не стоит туда возвращаться. Их очарование может повредить ваше ментальное здоровье.

Учитель посмотрел на нас с загадочной улыбкой, от которой мне почему-то стало не по себе.

— Лучше поиграем с комком бицепсов на вашей грудной клетке, — неожиданно предложил он, и, не дав мне времени сообразить, что он имеет в виду. Ли легонько ткнул меня пальцем в одну из активных точек, нарушающих работу сердца.

Меня словно поразило электрическим током. Что-то внутри меня замерло, и, хотя сердце не остановилось, было явно, что что-то в его работе нарушилось. Тело покрылось липким холодным потом. Я побледнел.

Учитель поднял с земли два округлых камня, которые мы использовали для упражнений с «яйцами каменной птицы». Эти камни мы привезли с алуштинского пляжа, подо брав их по форме и размеру.

Обернувшись ко мне и вытянув перед собой руки. Ли начал ритмично постукивать камнями друг о друга. Этот ритм напомнил мне ритм восстанавливающего дыхания: ху, ху-ху, ху-у-у, о котором я уже упоминал в своих книгах.

Мне сразу стало легче дышать. Я чувствовал, что звук был напрямую связан с работой сердца. Казалось, Учитель безошибочно выбрал линию пространства, которая объединяла мое сердце и ударяющие друг о друга камни.

— Вот здорово, — восхитился я. — Мне даже в голову не могло прийти, что с помощью двух камней можно воздействовать на сердечный ритм.

— Это не так уж и сложно, — сказал Учитель. — Лучшая линия воздействия — это прямая линия, проходящая через сердце человека перпендикулярно его телу. Ты должен находиться спереди, и, если человек находится в сознании, ты сможешь выбрать оптимальное расстояние воздействия, ориентируясь на его реакции.

С потерявшим сознание при ударе в область сердца дело обстоит сложнее. В таких случаях нет времени на звуковые манипуляции, поэтому подобный метод обычно используют для восстановления после небольших разовых ударов, когда человек находится в сознании.

С помощью ритмичного стука камней можно восстанавливать и барабанные перепонки, травмированные в результате ударов или хлопков по ушам. Им же можно лечить и не которые болезни слуха, изо дня в день тренируя барабанные перепонки, приучая их к различным нагрузкам. Этого доби ваются, постукивая камнями по определенной схеме на различных расстояниях от ушной раковины.

Учитель показал еще несколько десятков способов оказания помощи человеку, пострадавшему при самых различных ситуациях. Это была одна из тренировок, в которой, как мне казалось тогда, мне открываются тайны мира, тайны жизни и смерти, хотя техники, показанные Ли, были удивительно просты и эффективны. Меня поразила мысль о том, насколько хрупким в действительности является человеческое существо и насколько легко, обладая определенными знаниями, можно манипулировать жизнью и смертью.

— Для того чтобы умереть, человеку не нужно особых причин, — сказал Учитель. — Человек может умереть от пережитого страха или от счастья. Такое странное животное, как человек, способно убить себя даже при помощи воображения. И если простейшие реанимационные техники — это физическое или звуковое воздействие на пострадавшего человека, то в случае смерти от психических причин реанимационные техники используют сложную игру мыслеобразов, связанную с подсознательным внедрением в психику бродячего или умирающего человека, а также использование реальных или воображаемых инородных предметов, которые внедряются в тело

человека, а затем извлекаются из него.

— Для меня удивительно, что человек может убить себя при помощи воображения, — сказал я.

— Это происходит чаще, чем ты думаешь, — заметил Учитель.

— Я в детстве читал рассказ Грина, — сказал я. — Тогда вся история мне показалась абсурдной, но сейчас я понимаю, что это вполне могло бы быть на самом деле. Я не помню под робностей, но суть была примерно следующей. В одном небольшом городке жили два приятеля, которые любили подшучивать над другими. От нечего делать они подглядывали за соседом, вся немудреная жизнь которого состояла в том, чтобы наесться до отвала, спать и заниматься любовью с женой. Этот сосед был чудовищно толст и напоминал свинью.

Шутники отправили ему анонимное письмо, что чело век, живущий подобно ему, недостоин права на существование и что, начиная с этого дня, у него пропадет сон, аппетит, и он не сможет больше заниматься любовью. Он будет худеть и худеть, и ровно через полгода, такого-то числа, он умрет.

Каждый месяц толстяк получал подобное письмо, где напоминалось, сколько дней ему осталось до смерти. Он действительно потерял сон и аппетит и перестал заниматься любовью, и через пять месяцев от него остались кожа да кости.

Однажды он встретил на улице одного из шутников и рассказал ему о зловещих письмах и о том, что ему осталось жить всего ничего.

Испугавшись, что розыгрыш зашел слишком далеко, шутник рассказал ему, что эти письма писал он со своим приятелем и что на самом деле не было никакого проклятия.

— Теперь уже не важно, кто писал эти письма, — сказал сосед. — Я точно знаю, что я должен умереть в назначенный срок, и я умру. Но ты, разрушивший мою жизнь и уничтоживший меня, умрешь вместе со мной.

С этими словами он убил подшутившего над ним.

— Это весьма правдоподобная история, — сказал Ли. — И особое правдоподобие ей придает то, что человек, над которым подшучивали, занимался только тем, что ел, пил и спал с женщиной. У него не было воли, у него не было живого интеллекта, у него не было устремлений. Его психика была столь примитивна и не защищена, что он безоговорочно по верил бумажкам, которые бросали в его почтовый ящик. Не письма убили его, он сам убил себя при помощи воображения.

— Но как происходят подобные вещи? — спросил я. — Как можно настолько убедить себя в том, что ты должен умереть, чтобы действительно умереть?

— Ты что, хочешь получить от меня научное объяснение? — усмехнулся Ли. — Наверное, можно было бы изобрести какую-то сложную теорию, но от этих теорий мало толку. Для воинов жизни важнее было понять, как действуют механизмы психики и как использовать эти механизмы, чем объяснения, почему они действуют именно так. Говорят, что все болезни от нервов и только три от удовольствия. С тем же успехом можно было бы сказать, что все болезни от воображения. В древние времена люди считали болезни зловредным воздействием духов или колдунов или наказанием богов. Современная наука по-своему объясняет происхождение болезней, но во многих случаях эти объяснения так же далеки от истины, как представления первобытных людей.

Главное для тебя — научиться понимать, когда человек убивает себя при помощи воображения, и знать, как его от этого вылечить.

— И как это сделать?

— Существует много способов лечения, и принципы, на которых это лечение основано, полностью аналогичны тем, которые ты изучал применительно к рукопашному бою, на пример: противопоставить подобное подобному, или лечить подобное подобным, или «клин клином вышибают».

Когда воображение человека выходит из-под контроля и на уровне одержимости концентрируется на какой-то идее, человек входит в состояние, подобное тому, что возникает во время медитации осознания, но в данном случае к нему при ходят ложные осознания, ложные откровения.

В случае «лечить подобное подобным» ты должен за менить один навязчивый мислеобраз другим мислеобразом, который также будет за действован на базе фантазии, но кото рый покажется подсознанию больного более убедительным или более привлекательным, чем предыдущий образ. Факти чески, ты создашь для него новый объект концентрации, бо лее полезный или безопасный, и, постепенно, больног оста вит и этот объект, переключив свое внимание на повседневные заботы.

В случае «клин клином вышибают» объект новой кон центрации внимания может быть совершенно иной приро ды, чем болезненные фантазии. Главное — новый раздражи тель должен быть настолько силен, чтобы под его влиянием человек забыл о своей навязчивой идее. В качестве альтерна тивного раздражителя можно использовать страх смерти, или влюбленность, или вызвать к жизни какую-то из жажд или слабостей человека — например, играя на его гордости, или жадности, или честолюбии.

Магия основывается на манипуляции человеческим со знанием, человеческим воображением. Искусство знахарей и колдунов позволяло им запускать в человеке нужные им программы — разрушительные или целительные, деструк- тивные или созидательные. Именно для этого магия и созда ла столь сложные и впечатляющие ритуалы.

— Но как же тогда энергетическое воздействие? — спро сил я. — Я же сам не раз видел, как ты гипнотизируешь жи вотных. Кроме того, ты заставлял меня испытывать самые странные переживания без каких бы то ни было ритуалов или словесных преамбул.

— Подобное тому, что делаю я, могут делать едини цы, — сказал Ли. — Есть арифметика, и есть высшая мате матика. Если арифметикой магии в той или иной степени вла деет большинство знахарей и доморощенных экстрасенсов-любителей, то высшая математика магии доступна далеко не всем. Во многих случаях самого простого манипулирова ния человеческим сознанием и воображением бывает доволь но для того, чтобы добиться желаемых результатов.

Часто для того, чтобы разбудить отрицательное вооб ражение человека, достаточно всего лишь сказать, что ка кой-то сильный экстрасенс наслал на него порчу, или подсу нуть ему какую-нибудь магическую побрякушку, вроде его фотографии с проткнутым иголкой сердцем или особым об разом завязанных пучков травы. Тут не потребуется никаких затрат энергии. Его подсознательный страх, разрастаясь по мере напоминания о магическом преследовании, сделает всю необходимую работу. В большинстве случаев реальное энер гетическое воздействие ничтожно по сравнению с психическим воздействием, и поэтому нет смысла «стрелять из пушки по воробьям», прибегая к особо сложным и изощрённым тех никам.

ГЛАВА 9

Я направлялся на автобусную станцию, предвкушая радость от встречи с возлюбленной. Лин сказала, что эту ночь мы проведем вместе. Я порядочно вымотался за день и, к стыду своему, втайне надеялся, что это свидание будет обычной встречей двух любящих людей, а не очередной тренировкой. Мне хотелось лишь любви, отдыха и покоя.

Было поздно. Уже стемнело, и улицы были почти безлюдны. Внезапно ночную тишину разорвали громкие крики, звук ударов и пронзительный женский визг. Завернув за угол, я увидел, как двое мужчин жестоко избивают отчаянно вырывающуюся женщину. И, хотя Учитель дал мне совет ни когда не вмешиваться в разборки посторонних людей, я не удержался. Мужчина постарше схватил женщину за волосы и стал самозабвенно колотить ее лицом о стену дома, в то время как более молодой продолжал без разбору наносить ей удары. В пылу схватки они не заметили меня и даже не успели понять, что происходит.

— Как вы смеете бить женщину, — заорал я, одним ударом отключив того, что помолоде, рубанул другого по руке, удерживающей женщину за волосы. Когда он с криком боли обернулся ко мне, я захватил его за голову и за шею и с наслаждением шмякнул несколько раз головой об стену, так, как он проделывал это со своей жертвой. Мужчина вырубил ся, и я, отпустив его безвольно обрушившееся на асфальт тело, переключил внимание на женщину.

Она, вся в крови, скорчившись, лежала на земле, подвывая от страха.

— Не бойтесь, все закончилось, давайте я вам помогу, — мягко, стараясь не испугать ее еще больше, сказал я.

Я подхватил женщину под мышки и приподнял ее. Она встала на ноги, потрясла головой, приходя в себя, а затем окинула взглядом поле битвы, украшенное неподвижными телами ее обидчиков. Затем женщина повернулась ко мне и посмотрела мне прямо в глаза. Меня, ожидавшего по меньшей мере слова «спасибо», поразила дикая звериная ненависть, искавшая ее черты, а затем женщина, издав сдавленный вопль ярости, с неожиданной для ее комплекции и состояния силой бросилась на меня. Ее атака застала меня врасплох. Ногти расщипавшей фурии вцепились мне в лицо и, прежде чем я успел перехватить ее запястья, расцарапали его сверху донизу.

— Подонок! Негодяй! Грязный ублюдок! — вопила женщина. — Ты убил моего мужа и моего сына!

Ненависть придала ей силы, и она принялась со всей дури лупить меня ногами. Единственное, что мне оставалось, — это плотно прижать ее к себе таким образом, чтобы ее когти не могли причинить мне особого вреда. Так мы сто яли, обнявшись, женщина вопила и бесновалась в моих руках, а я прикидывал, как мне избавиться от нее наиболее безболезненным для нее способом. Наконец я резким движением оторвал ее от себя, оттолкнул в сторону и со всех ног пустил ся бежать к автовокзалу, а вслед мне неслись ругательства и проклятия.

— Что с тобой произошло? Такое впечатление, что ты побывал в когтях у льва, — сказала Лин, окидывая меня критическим взглядом.

Моя одежда была залепана кровью женщины, кровь продолжала сочиться из глубоких царапин на лице, и, прямо скажем, выглядел я не самым лучшим образом.

— Еще хуже, — пожаловался я. — Я побывал в когтях у женщины!

Ситуация откровенно забавляла мою прекрасную корейку.

— У женщины? — с нарочитым удивлением протянула она. — Что же ты такого сотворил, чтобы довести ее до добного состояния?

— Боюсь, ей не понравились мои комплименты, — по шутил я. — Пожалуйста, сделай что-нибудь, чтобы остано вить кровотечение, а я тем временем расскажу тебе всю ис торию.

Пару часов спустя я, в чистой одежде, сытый, умытый и тщательным образом продезинфицированный, лежал на ши рокой дощатой кровати, а Лин, грациозно вытянувшаяся ря дом, ласкала кончиками пальцев мою грудь.

— Вот что значит не слушаться советов Учителя, — со крушенно сказал я, все еще не в силах забыть о пережитом потрясении. — Ведь он предупреждал, что я не должен вме шиваться в посторонние драки, разыгрывая из себя благо родного рыцаря, поскольку это не мое дело. Теперь я пони маю, что он был прав, но я не мог спокойно смотреть, как двое мужчин избивают слабую женщину.

— Судя по тому, как ты выглядишь, ее трудно назвать слабой, — скептически заметила кореянка. — Еще не извес тно, что она сделала мужу и сыну, чтобы заслужить подоб ную трепку. Возможно, они имели на то все основания.

— Что бы она ни сделала, они не имели права избивать ее подобным образом, — возразил я. — Это противоречит любым нормам гуманности.

— За подобные слова феминистки могли бы разорвать тебя на куски, — покачала головой Лин. — Их бы смертью но обидело то, что ты без малейших угрызений совести спо собен избить мужчину до полусмерти, но в то же время счи таешь, что бить женщину — негуманно, поскольку она — существо слабое и незащищенное.

— Я против феминизма, — заметил я. — На меня про изводит тягостное впечатление, когда женщина пытается до казать, что она более мужчина, чем самый крутой мужик. В этом есть что-то патологическое.

— Это твоя ахиллсова пята, — сказала кореянка. — Установка о том, что ты должен быть рыцарем и что ты не имеешь права бить женщину, сидит в тебе слишком глубоко, и это может помешать тебе быть хорошим бойцом.

— В случае, если женщина неожиданно нападет на меня, я буду защищаться так же, как защищался бы, если бы моим противником был мужчина, — пожал плечами я. — Но это не значит, что мне нравится бить женщин.

— Ты хочешь сказать, что тебе нравится бить муж чин? — провокационно улыбнулась Лин.

— Ты прекрасно знаешь, что мне не нравится никого бить, — я почему-то почувствовал себя обиженным. — Я изучаю боевые искусства не для того, чтобы бить кого-то, а чтобы уметь профессионально защитить себя от нападения.

— Я расскажу тебе притчу, — неожиданно предложила кореянка.

— Один черт решил прославиться, победив в поединке самого искусного воина во всей Поднебесной, которого народ окрестил Непобедимым.

Послал он к воину гонца с вызовом на бой, а сам на месте будущего поединка понастроил ям и ловушек, что бы с их помощью одержать верх.

Однако гонец вернулся ни с чем, так как Непобедимый велел передать черту следующее:

— Следуя по пути Случая, я не отвечаю на вызов, а лишь на нападение, поэтому я и непобедим.

Решил тогда нечистый напасть на воина во время сна, но так и не улучил удобной минуты — воин всегда был настороже.

Думал-думал черт и превратился в красивую женщину, надел боевые доспехи, шлем с маской и отправился искать воина.

Как увидел нечистый Непобедимого, набросился он на него, но лишь скрестили они оружие, как упал шлем с головы черта и предстала перед ним женщина неопишущей красоты.

Многих умелых бойцов побеждал черт этим приемом, но в этот раз ему не повезло. Ударил воин нечистого по голове, да так, что тот на куски развалился.

Не знал глупый черт, что Непобедимый оттого и непобедим, что в бою он с одинаковой яростью и умением сражается с любым соперником, и что, даже если враг при метком образе младенца, разящий удар не станет слабее, ибо идущий по пути случая на случай не полагается.

Лин лукаво посмотрела на меня.

— Как ты думаешь, если бы ты оказался на месте Непобедимого, смог бы ты мгновенно среагировать и разрубить прекрасную незнакомку пополам? — спросила она.

— Не знаю, — признался я. — Боюсь, что я не сумел бы принять мгновенное решение. Я мог бы замешкаться.

— И это стоило бы тебе жизни, — серьезно произнесла кореянка.

— Но ведь это всего лишь притча, — сказал я. — В наше время не так уж легко встретить черта, принявшего облик прекрасной женщины.

— Ты пытаешься шутить, но воины жизни не шутят с такими вещами, — заметила Лин. — Возможно, ты не знаешь этого, но большая часть профессиональных убийц — это с виду хрупкие и нежные женщины, и среди них нередко встречаются даже дети. Эти убийцы особенно опасны, поскольку обычно никому не приходит в голову заподозрить их.

— Учитель упоминал об этом, — вынужден был признать я. — Но, поскольку за мной не так часто охотятся профессиональные убийцы, я как-то не придавал этому особого значения.

— Идущий по пути случая на случай не полагается, — многозначительно произнесла Лин. — Пора тебе избавиться от излишней сентиментальности по отношению к женщине и перестать считать ее слабым существом, нуждающимся в твоей защите. Ты должен воспринимать ее с тем же уважением, с каким ты относишься к мужчине.

— Не так просто в один момент избавиться от убеждений, которые стали частью меня, — сказал я.

— Тебе уже приходилось менять свои убеждения. Вспомни, как ты выправлял искаженные кирпичики твоей модели мира.

— Да, но в том случае я избавлялся от негативных чувств, которые были последствием пережитого потрясения, — возразил я. — Это совсем другое дело.

— Тебе удалось преодолеть свое отвращение к Веронике, но ты так и не сумел избавиться от угрызений совести за то, что ударил ее, — обвиняющим тоном произнесла кореянка. — Угрызения совести — это тоже негативные чувства*.

— Ты права, — снова вынужден был признать я. — Как я могу исправить положение?

— Так же, как ты избавился от страха и отвращения по

* События, о которых идет речь, были описаны в третьем томе серии: «Обучение Женщиной».

отношению к этой девушке — с помощью медитации осознания, — сказала

Лин. — Тебе придется перестроить еще один искаженный кирпичик твоей модели мира и научиться проводить грань между женщиной и противником и относиться к женщине так, как ты отнесся бы к противнику-мужчине. Когда ты вступаешь в смертельный бой с мужчиной, ты ведь не думаешь о его половой принадлежности, или о его семье, или о его личностных качествах? Для тебя не важно, что представляет из себя человек, который хочет тебя убить. Ты знаешь лишь одно — перед тобой противник. Однако когда речь идет о женщине, вступает в силу внутренний запрет, заложенный в тебя с детства. Подсознательно ты отождествляешь женщину с образом матери и возлюбленной, с образом благородного и священного существа, которому ты не можешь причинить вред. И даже если ситуация вынудит тебя ударить женщину, ты будешь страдать от чувства вины. Это неправильно. Так быть не должно.

— Ты, как всегда, права, — я нежно поцеловал возлюбленную в губы. — Пожалуй, мне пришла пора стать настоящим мужчиной и лупить тебя три раза в день, чтобы ты не слишком зазнавалась.

Лин расхохоталась.

— Что ж, я дам тебе такую возможность, — произнесла она.

— В самом деле?

Кореянка соскочила с кровати.

— Пойдем во двор, — сказала она и, не оглядываясь, проскользнула за дверь.

Я, немного удивленный, неторопливо поднялся и пошел за ней. Мы оказались на небольшом внутреннем дворе, скрытом от соседских глаз домом и хозяйственными пристройками.

— Ударь меня, — предложила Лин.

— Зачем? — удивился я.

— Потому что я этого хочу.

— Но зато я не хочу тебя бить.

— Конечно, — издевательски произнесла она. — Для этого у тебя кишка тонка.

— Ты что, действительно этого хочешь? — спросил я, просто чтобы протянуть время.

— Ударь меня со всего маху! — злым и жестким голосом потребовала кореянка.

Я замешкался, и тут она влепила мне такую оплеуху, что искры посыпались у меня из глаз.

— Защищайся! — закричала Лин, нанося мне новый удар. — Сейчас перед тобой не женщина, перед тобой противник!

Я почти автоматически успел заблокировать следующий удар, но Лин, совершив обманное движение, сделала подсечку и я грохнулся на землю.

Злой и растерянный, я вскочил на ноги.

Учитель говорил мне, что Лин — прекрасный боец, но до сих пор нам не доводилось сходить в рукопашную схватку. Хотя она была высокого роста, особенно по корейским меркам, но весила в два раза меньше меня, и я понял, что подсознательно считал, что она не смогла бы тягаться со мной в рукопашной схватке. Я ошибался.

Техника моей возлюбленной была безупречной. Легкая и быстрая, как ртуть, она обладала исключительной физической силой.

Лин вновь атаковала меня. Во мне еще теплилось под сознательное желание лишь защищаться, не атакуя, чтобы не причинить ей боли, но вскоре я убедился, что более слабым существом в этом поединке был именно я и, похоже, Лин не собиралась щадить меня.

Она стремительно перемещалась по площадке, осыпая меня градом ударов, подкрепленных болевыми захватами за волосы и кожу и точечными ударами в болевые зоны. Я явно проигрывал, и проснувшаяся во мне мужская гордость не могла этого допустить.

Я включился в бой в полную силу, как если бы я дрался с Учителем. Теперь перевес Лин был менее заметен, но как только я чуть расслаблялся, она, не упуская возможности, наказывала меня резкими и болезненными ударами. Наша борьба становилась все более яростной, и наступил момент, когда я, взглянув на Лин, действительно позабыл о том, что передо мной женщина, которую я люблю. Я пытался проти востоять сильнейшему спарринг-партнеру, и образ женщины растворился и исчез, уступив место образу жестокого и опыт ного противника.

— Все, хватит, — подняла руки вверх корейнка, увер нувшись от моего очередного удара.

Я сел на землю, стараясь отдышаться.

— Ну и задала же ты мне трепку! — с восхищением произнес я. — Я знал, что ты хорошо дерешься, но даже не подозревал, насколько здорово ты это делаешь.

Лин усмехнулась.

— Теперь ты изменил свое мнение о женщинах?

— На интеллектуальном уровне — да, но в глубине души я не могу считать тебя обыкновенной женщиной. Ты для меня — само совершенство, ты принадлежишь к совершенно дру гой культуре, и, кроме того, ты — последователь Спокойных, так что мне трудно обобщить мой опыт с тобой и сделать его частью своей модели мира.

— Не беспокойся, с помощью медитации осознания ты сможешь перестроить свой взгляд на женщин, — подмигну ла мне корейнка.

Мы вернулись во времянку.

— Ты должен начать упражнение прямо сейчас, пока воспоминания о нашем поединке свежи в твоей памяти, — сказала Лин. — Выполни медитацию воспоминаний и пере местись назад по линии жизни в «первый кирпичик Верони ки», а затем замедли время и полностью восстанови свои ощущения в момент, когда ты ударил ее, и затем, когда ты осознал, что ударил женщину.

Поскольку незадолго до этого разговора я выполнял уп ражнения по выправлению искаженных кирпичиков модели мира, это было нетрудно сделать. Даже без указаний Лин я знал, как я должен поступить, чтобы изменить вредную для воина установку.

Восстановив в ощущениях нужный отрезок времени, я переместился в позицию стороннего наблюдателя и выпол нил медитацию осознания, внедрив в свою модель мира но вый опыт, заставивший меня произвести переоценку ценнос тей. В этом новом опыте женщина могла быть как символом женственности, так и жестоким и беспощадным врагом.

Сохранив осознание этого ощущения, я снова перемес тился внутрь «первого кирпичика Вероники», но мой жиз ненный опыт теперь был иным. Моя реакция была самой ес тественной неосознанной реакцией на неожиданную агрес сию, и в этом не было ничего ужасного или постыдного. Я почувствовал, как прежнее восприятие ситуации уплывает назад по нити жизни, угасая и растворяясь в бесконечности.

Угрызения совести больше не терзали меня. Мое новое ощущение себя было таким непривычным, что я попытался вернуться к своему прежнему осознанию. В ностальгичес ком порыве вернуть утраченные иллюзии детства я неожи данно для себя самого попытался воспроизвести его, но оно

ускользало, как льдинка, тающая на раскаленной сковородке.

Мне вдруг вспомнились слова Лин:

— То, как ты реагируешь на женщину, должно определяться лишь контекстом данного момента. Старайся использовать лучшее, что в ней есть, и мягко обходи острые углы, но никогда не проецируй на нее своих ожиданий.

Хотя в тот момент речь шла совсем о другом, лишь сей час я осознал важность заключительной части фразы: «Ни когда не проецируй на нее своих ожиданий».

Я попробовал представить себе какую-то абстрактную женщину. Перед моим внутренним взором возник неясный расплывчатый образ. Я не знал, кто эта женщина, чего она хочет и что я мог бы ожидать от нее в следующий момент.

Мое восприятие ее было ровным и чистым, как белый лист, на котором жизнь должна была оставить свои отметки. Я ничего не проецировал на нее. Я просто ждал.

— Вот видишь, ты это сделал, — прошептала Лин, всем телом прижимаясь ко мне.

ГЛАВА 10

На зимние студенческие каникулы я съездил в Москву навестить сестру, а заодно посмотреть, чем дышит столица. В отличие от по-южному спокойного Симферополя жизнь в Москве была ключом, и сестра активно вращалась в ее бурлящих водоворотах.

В предыдущих книгах я много рассказывал о моих родителях, но мало упоминал о сестре. Леночка, подобно большинству членов моей семьи по линии матери, обладала яркой и всеподавляющей индивидуальностью. В наследство от мамы ей достался устойчивый огненный темперамент и на редкость властный характер. Но если у матери недостатки характера компенсировались исключительно щедрым и добрым сердцем и наилучшими намерениями по отношению к окружающим людям, огненная воля сестренки была направлена лишь на немедленное удовлетворение ее личных потребностей, выражавшихся в чрезмерно развитой жажде господина, жажде поклонения, жажде самолюбования, жажде острых ощущений и т. п.

Сестра была театральным критиком и, естественно, вращалась в среде актеров, режиссеров, писателей, поэтов и прочих представителей московского бомонда, среди которых встречались весьма эксцентричные личности.

Яркая классическая красота сестры, ее властная и гордая осанка в сочетании с необузданной сексуальностью воздействовали на мужчин почище, чем валерьянка на котов. Именно благодаря этим своим качествам провинциальная девочка, закончившая факультет журналистики и отправившаяся покорять столицу, ухитрилась в относительно короткий срок сделать в Москве головокружительную карьеру.

Для начала она заморочила голову пожилому академику, который в благодарность за счастье находиться рядом со столь прелестным юным созданием купил ей кооперативную квартиру. Затем последовала непрерывная череда высокопоставленных и престижных любовников, как

наших, так и за рубежных. Благодаря этому я с раннего детства познакомился с жизнью богемы.

С моей точки зрения, мужчины, испытывающие неодолимую тягу к Леночке, были совершенно лишены инстинкта самосохранения. Сестренка, несмотря на свое рабоче-крестьянское происхождение, всегда держалась с надменностью и высокомерием аристократки, взирающей свысока на копошавшихся у ее ног ничтожных представителей мужского пола и милостиво предоставляющей им возможность приглашать ее в дорогие рестораны, дарить драгоценности и меха, а так же выражать неустанное восхищение ее особой.

Капризная властность сестры привлекала мужчин, которым нравится покорять женщин так, как покоряют вершины: чем стервозней и недоступней дама их сердца — тем лучше, поскольку это подогревает азарт борьбы. Однако, покорив вершину, немногие удерживались на ней даже в течение месяца. Сестренка со своими непомерными требованиями, скандалами и капризами неизменно ухитрялась рано или поздно довести до белого каления даже самых верных своих обожателей.

Так, напившись в ресторане, она могла из-за любой не понравившейся ей мелочи начать кидаться тарелками или столовыми приборами. Однажды, когда сестренка, как всегда из-за очередного пустяка, впала в ярость, мне пришлось воспользоваться навыками, полученными во время обучения у Ли. К своей чести, я ухитрился поймать и поставить обрат но на стол все предметы сервировки, которые прицельно и методично запускала в меня разбушевавшаяся Леночка.

Сестра была старше меня на двадцать лет, у нее не было своих детей, и чувства, которые она испытывала ко мне, были скорее материнскими, чем сестринскими. С раннего детства, приезжая из Симферополя в столицу, я словно оказывался в другом мире. Сестра водила меня в театры, на Кремлевские елки, брала с собой в самые шикарные рестораны Москвы, где ее иностранные любовники иногда платили за ужин неимоверные по нашим тогдашним меркам суммы, приглашала на дипломатические приемы, где я поражался необъятным

размерам праздничных тортов и наслаждался божественным вкусом совершенно необычных конфет.

Я бывал на вечеринках актеров и писателей, и, хотя по добрый опыт давал мне огромный заряд духовной энергии, возможно, именно это обстоятельство наистро лишило меня пристрастия к богемной жизни и тяги к роскоши и высшему обществу, столь характерных для сестры.

Хотя литературные и театральные вечеринки были волнующими и интересными для моего юношеского ума, как губка впитывающего новые идеи и точки зрения, в этих собраниях не было души, не было человечности, свойственной общению в провинциальных городках. Здесь мало кто прислушивался к голосу другого. Каждый старался изо всех сил выпятить свою уникальную и неповторимую индивидуальность. Это выражалось в одежде, в избыточной косметике, в склонности к интеллектуальным рассуждениям на любые темы, в удалых песнях и пьяных плясках за столами, в бесконечных и весьма далеких от истины историях о своих героических деяниях и о том, как мерзкие и тупые обыватели не понимают истинного таланта, и т. д.

Учитывая, что после принятия избыточного количества алкогольных напитков, неповторимая индивидуальность представителей богемы не требовала особых усилий для самовыявления, подобные сборища одновременно и удивляли, и развлекали меня.

Когда я вырос, сестра твердо решила превратить меня в настоящего

мужчину. С ее точки зрения настоящий мужчина должен был зарабатывать кучу денег для того, чтобы с ши ком просаживать их на многочисленных любовниц.

К идее заработка денег я относился с прохладцей, пред почитая тратить свое время на обучение у Ли и приобретение знаний, которые могли бы помочь мне в следовании по пути Спокойных, но от очаровательных женщин, с которыми меня регулярно знакомила Леночка, в надежде, что я наконец-то возьмусь за ум и женюсь на богатой невесте, получив, вдобавок, московскую прописку, я не мог отказаться. Так что, благодаря сестренке, я до сих пор бережно храню воспоминания о моих юношеских московских любовных приключениях, об актрисах и певицах, которых я до сих пор вижу на экране телевизора, даже не зная, вспомнят ли они сейчас мое имя.

В те зимние каникулы я выяснил, что увлечение оккультными и эзотерическими учениями стало очень модным в богемной среде. Сестра была близко знакома с Эдуардом Наумовым, который в то время будоражил воображение интеллектуалов, читая лекции по парапсихологии и демонстрируя фильмы о филиппинских операциях, во время которых лекари вскрывали брюшную полость человека с помощью одних лишь рук, без каких-либо хирургических инструментов, фильмы о бразильских лекарях, о том, как вырезают катаракту при помощи кухонного ножа, и т. д.

Поскольку подобные темы меня очень интересовали, я вдоволь побегал по оккультным кружкам, и чего только там не рассмотрел.

Народ лечил наложением рук, видел привидения и стран ные призрачные сущности, шастающие по углам, экстрасенсы устанавливали контакт с летающими тарелками, сообщая восхищенным поклонникам подробности интимной жизни инопланетян.

Кто-то получал откровения от самого Иисуса Христа и читал проповеди о том, как надо жить и что делать, один экстрасенс оказался перевоплощением египетского бога Тога, и теперь он нес в массы тайные знания египетских жрецов, кто-то в прошлой жизни был царем Давидом, кто-то был Чингисханом, кто-то клялся, что умеет проходить сквозь стены и видеть прошлое и будущее...

Мне даже удалось познакомиться с одним достаточно любопытным и загадочным человеком, «магом», услугами которого, несмотря на то что эзотерические учения официально считались «враждебной идеологией», пользовались даже члены правительства. О встречах с ним мне бы хотелось рассказать поподробнее.

Наш с сестрой график «встреч с замечательными людьми» оказался настолько плотным, что я уже успел порядком подустать от череды самых разных квартир, лиц и бесед на модные темы. Но, зная, что спорить с сестренкой бесполезно, я безропотно подчинился, когда поздним вечером она за-

явила, что сегодня мы поедem в гости к очень интересному человеку.

— Кто он такой? — без особого энтузиазма спросил я.

— Это знаменитый маг, — торжественно произнесла Лена. — Его услугами пользуются многие важные люди, как наши, так и из-за рубежа. У него бывают клиенты даже из Кремля.

Такси остановилось около большого добротно построенного кирпичного дома сталинских времён. Квартира оказалась под стать дому — с широкими коридорами, просторными комнатами и высокими потолками.

Человека, открывшего нам дверь, я скорее принял бы за директора преуспевающего предприятия, чем за мага, хотя, в те памятные советские времена, маги, опасаясь Комитета, старались не слишком привлекать к себе

внимание.

Хозяин квартиры был одет в строгий тёмно-серый кос тюр, с которым великолепно гармонировали галстук и дорожные импортные туфли. Это был высокий стройный мужчина лет сорока с каштановыми волосами и пронзительным взглядом тёмных глаз. В его манере держаться проскальзывала почти царственная властность.

— Леонид, познакомься, это мой брат, Саша, — представляла меня Лена.

Мы пожали друг другу руки.

— Проходите, пожалуйста, — маг сделал рукой широкий приглашающий жест.

Мы вошли в зал. Теперь я понял, как должно было выглядеть жилище мага.

Стены зала и, как впоследствии оказалось, всех комнат были оббиты натуральной кожей, тёмный цвет которой удачно вительно хорошо сочетался с яркими цветовыми пятнами из навесок, подушек, картин, эстампов и гобеленов, в изобилии развешанных на стенах. Пол покрывал огромный ковёр пурпурных тонов с очень длинным ворсом. В центре стоял старинный квадратный дубовый стол с четырьмя массивными дубовыми стульями, а прямо над центром стола на длинной цепи с четырёхметрового потолка свисал большой зелёный абажур, расположенный с таким расчётом, чтобы свет заливал только стол, а люди, сидящие за ним, и вся остальная часть зала были окутаны таинственным полумраком.

Около одной из стен стояло укрытое огромным роскошным покрывалом сооружение, напоминающее то ли гигантскую тахту, то ли узбекский дастархан — укрытый коврами деревянный помост, на котором люди усаживались, чтобы по болтать, выпить чай или съесть ароматный плод.

На «дастархане» были живописно разбросаны бесчисленные подушки, гармонирующие расцветкой с ковром и покрывалом.

Четыре размещённые по углам колонки музыкального центра создавали эффект квадрофонического звучания.

— Во время сеансов здесь обычно сидят зрители, — указывая на «дастархан» объяснила мне Лена. — Клиенты располагаются за столом, а пифии входят в транс на ковре между столом и тахтой.

— Пифии? — удивился я. — Это что, как у Дельфийского оракула?

— Вроде того, — усмехнулся Леонид. — Но мои предсказания точнее.

Маг предложил нам продолжить экскурсию по дому. Комнаты поразили меня ещё больше, чем зал, поскольку там я обнаружил несметные сокровища — идущие от пола до потолка полки с эзотерическими книгами на самых разных языках и невероятное количество красиво переплетённых томов самиздатских переводов. Никогда в жизни я не видел подобного собрания книг.

Коллекция духовной музыки всех времён и народов оказалась под стать библиотеке.

У Леонида была даже недоступная тогда частным лицам собственная множительная техника.

«Странно, что к нему ещё не пришли с обыском, — подумал я. — Комитет просто не может не знать про подобную квартиру».

Потом я понял, в чём тут было дело.

При виде моего неподдельного восхищения в глазах Леонида отразилась симпатия. Он почувствовал, что в чём-то мы были родственными

душами.

Мы разговорились. Не упоминая имени Учителя, я рас сказал магу о некоторых техниках Шоу-Дао, в том числе о пальцовках и о методах управления сексуальной энергией. Его очень заинтересовал способ активизации энергии с по мощью ножа. Для этой цели маг одолжил мне роскошный старинный кинжал, рукоятка которого была украшена фигу рами четырёх мифических животных с человеческими лица ми, символизирующими единение четырёх стихий.

Мы понравились друг другу, и Леонид предложил мне зайти в гости на следующий день.

Мы встретились ещё несколько раз, наша взаимная сим патия росла, но я чувствовал, что на Леонида несколько ско-ывающе действовало присутствие сестры. И вот однажды Леночка сделала нам подарок, сказав, что ей нужно на пару часов выйти в город за покупками и что она оставляет нас одних. Тогда я задал вопрос, который интересовал меня всё это время.

— Лена говорит, что на своих сеансах ты творишь чуде са, — сказал я, — что твои пифии угадывают совершенно невероятные вещи, да и сам ты неплохо предсказываешь судь бу. Я на собственном опыте убедился в том, что ясновидение существует, но, насколько я знаю, это не такая вещь, которую легко каждый вечер демонстрировать в салонах.

Маг усмехнулся.

— Я объясню тебе кое-что, — сказал он, — но пусть это останется между нами. Я изучал оккультные и эзотери ческие науки много лет, я сам испробовал множество эзоте рических практик, и я искренне верю в то, что всё, о чём говорится в книгах, действительно можно осуществить. Но то, чем я занимаюсь, — это бизнес, и бизнес очень серьёз ный, в котором я не могу полагаться на случай. Поэтому как только у меня появляется солидный клиент, я не назначаю ему сеанс до тех пор, пока по своим каналам не выясню про него всю подноготную — от того, что он предпочитает есть на завтрак и каков его любимый цвет, и до того, чем занима ются его любовницы в свободное время.

— Но ведь это не так просто, — заметил я.

— А я и не говорил, что это просто, — пожал плечами Леонид.

Мне довелось стать свидетелем двух сеансов мага — в одном случае он гадал на хрустальном шаре, а в другом случае это было уже серьёзное мероприятие для высокопос тавленных клиентов — с пифиями и всеми необходимыми магическими аксессуарами и прибабасами.

Сеанс с хрустальным шаром не был заранее подготов лен, и, похоже, Леонид знал о клиентке не слишком много. Я с интересом наблюдал за происходившим, тем более что все трюки подобных «предсказаний» были мне давно и хорошо известны.

Маг и молодая девушка сели за стол друг напротив дру га. В круге света от зелёного абажура посверкивал на под ставке большой хрустальный шар.

Леонид искусно изобразил на лице признаки транса. Он расслабил мышцы лица, выразительно закатил глаза и, к мо ему восхищению, даже ухитрился вспотеть. Затем проник новенным низким голосом маг очень медленно и с больши ми паузами между словами начал выговаривать первую фразу.

— Вам... мешает... чёрный... человек... — сказал он, незаметно косясь на девушку закаченным глазом.

— Чёрный... чёрный... — добавил он, внимательно на блюдая за реакцией клиентки.

Заметив, что образ чёрного человека не вызывает у де вушки ничего,

кроме полного недоумения, маг решил изменить курс и неожиданно, резко повысив тон, произнёс:

— Вот он выходит из темноты! Он — блондин! — и снова косой взгляд закаченного глаза на клиентку.

Увы, похоже, блондины в её жизни были не частым явлением, и снова лицо девушки выразило разочарование. Но Леонида это не смутило.

— Да, я вижу! Вижу! — с драматическим подвыванием неожиданно провозгласил он. — Он не блондин, это лишь отблеск света на его тёмных волосах.

Девушка напряглась и затаила дыхание.

Я буквально физически почувствовал, как расслабился Леонид, попав наконец в нужную струю.

— Да, теперь я хорошо вижу его, — продолжал вдохновенно развивать тему маг. — У него тёмные волосы, рост выше среднего, и он молод — не старше тридцати. Клиентка нервно облизала губы. Далее сеанс продолжался в том же духе.

— Вот он приближается ко мне, — говорил Леонид. — Так-так, кажется, я что-то вижу у него на лице. Шрам? — взгляд на девушку.

— Или это родинка? — взгляд на девушку.

— Да, я вижу, это родинка! На щеке? Или на лбу? Нет, кажется, на подбородке!

Наблюдая за произвольными реакциями девушки, Леонид намётанным глазом определял, что именно ей хотелось бы услышать, причём с криком: «Вижу! Вижу! Теперь я всё ясно вижу!» ему ничего не стоило изменить прежнее не вызвавшее адекватной реакции утверждение на прямо противоположное.

Надо ли говорить, что клиентка покинула мага полностью удовлетворённая и с искренней верой в выдающиеся ясновидческие способности Леонида.

Тщательно подготовленный сеанс с пифиями оказался гораздо более впечатляющим.

Три клиента из сильных мира сего расположились за дубовым столом. Они и зрители, устроившиеся на подушках «дастархана», зачарованно смотрели на причудливо извивающихся на ковре пифий.

Тут было всё — и монотонная восточная музыка, льющаяся из квадрофонической установки, и ароматы дурмана щих курений, наполняющие комнату.

Все окна и дверные проёмы были занавешены тяжёлыми красными бархатными шторами, отороченными той же самой кожей, которой были оббиты стены, и это создавало удивительное ощущение замкнутого пространства, отрезанности от всего остального светлого и грешного мира.

Три пифии, очень красивые девушки, одетые в короткие белые полупрозрачные туники, встали на колени и, взявшись за руки, образовали равносторонний треугольник, в центре которого, покачиваясь и вытягивая руки к небу, стояла четвёртая пифия. Сначала пифии, образующие треугольник, ритмично извивались всем телом в такт музыке. Постепенно ритм их движений убыстрался, движения становились более размашистыми. Наконец они разомкнули руки и принялись, всё так же извиваясь, обласкивать руками четвёртую девушку. В этих нарочито затаенных обласкивающих движениях была удивительная пластика, гармония, тайна, притягательность и сексуальность.

Наконец, центральная пифия с мелодичным сексуальным стоном вышла из круга и, не прекращая своего причудливого танца, стала ходить по

комнате вокруг стола. Время от времени она наклонялась к уху одного из клиентов, сидящих за столом, и что-то шептала ему. Меня поражали мета морфозы, происходившие при этом с мужчинами. Клиенты вздрагивали, краснели или бледнели. На их лицах чередовалась лись страх, недоверие, изумление или радость. Словом, спектакль был поставлен и отрежиссирован с безукоризненным мастерством.

Я попытался выведать у сестры побольше сведений о Леониде, и она рассказала мне, что маг был сыном очень богатых и влиятельных родителей и что он сам был очень богат и пользовался огромным влиянием и властью.

Мне, уже имевшему возможность ознакомиться со сти лем работы Комитета Госбезопасности, стало ясно, что Леонид — ставленник Органов. Почти наверняка его использо вали как консультанта по всем вопросам, связанным с эзотерическими науками. Кроме того, при подобной постановке дела он действительно мог проводить очень серьёзную работу, как в смысле шпионажа, поскольку он пользовался ши рокой популярностью и среди иностранных клиентов, так и некоторым образом влияя на расстановку сил в стране. У меня не вызывало сомнений, что многие интимные сведения о высокопоставленных клиентах маг получал именно от комитетчиков.

Но, невзирая на несколько грязную подоплёку своего бизнеса и несмотря на откровенные мошеннические приёмы, Леонид действительно был искренне и фанатически увлечён оккультными науками, и он твердо верил в то, что в определенных ситуациях всё, чего он добивается при помощи жуть нищества, можно было бы осуществить при помощи развития магической силы.

То, что делал Леонид, напомнило мне историю знаменитого в тридцатые годы в Германии мага, салон которого посещали Гитлер и высшие чины нацистской партии. Там тоже всё было организовано на высшем уровне, но маг сделал одну промашку — заранее располагая информацией, что нацисты собираются поджечь Рейхстаг, чтобы впоследствии свалить вину на коммунистов, он предсказал поджог Рейхстага. Боясь, что маг на допросе сможет выдать истинных виновников поджога, Гитлер приказал на всякий случай убить его.

Я вернулся в Симферополь переполненный впечатлениями, но слегка обалдевший от обилия свалившейся на меня информации. Встреча с Учителем оказалась целительным бальзамом, пролившимся на мою утомлённую московской богемой душу.

До ночной тренировки оставалось ещё много времени, и мы отправились бродить по городу, беседуя о прошедших событиях. Я подробно рассказал Ли о своих столичных впечатлениях и о магическом салоне Леонида.

— Хотя ты смеешься, пересказывая мне свои приключения, я чувствую нотку печали в твоём голосе, — заметил Учитель. — Почему?

— Я стараюсь воспринимать все спокойно и с юмором, как и положено воину жизни, — сказал я, — но я действительно чувствую грусть. Не знаю, как определить её природу, — наверное, это грусть от человеческой глупости. Я понимаю, что невежественные люди в деревнях могут верить во всё что угодно, но то, что москвичи с высшим образованием несут всякую белиберду и верят в самую несусветную чушь, это в глубине души заставляет меня страдать. Когда я был ребенком, мне нравилось видеть во взрослых авторитеты. Я считал, что в книгах написаны мудрые вещи, что специалисты своего дела всегда могут дать правильный совет и объяснить, что к чему. А тут я столкнулся с группами людей, которые интересуют те же самые темы, что и меня, но они кажутся мне совершенно лишенными способности здраво

мыслить и нормально воспринимать реальные факты.

— Это лишь твоя точка зрения, — сказал Учитель.

— А разве я не прав? — спросил я.

— Ты забываешь о том, что у каждого человека — своя собственная правда. Твоя правда помогает жить тебе, а их правда облегчает им их существование.

— Но их правда далека от реальности! — возмущенно воскликнул я. — Ты сам говорил мне, что чем шире и объективнее модель мира человека, тем ему легче правильно действовать в этом мире.

— Люди не хотят действовать правильно, — сказал Учитель. — В действительности, они хотят действовать так, что бы эти действия доставляли им душевный комфорт, и иногда такая позиция может быть оправдана, хотя Спокойные придерживаются другой точки зрения. Я расскажу тебе шу-да-осскую притчу на эту тему. Она называется «Вещий сон о священной свинье».

Приснился как-то святому человеку сон про танцующую свинью. Та свинья танцевала в священной роще, и все ее тело от пятачка до хвоста было украшено цветами и разноцветными лентами.

Проснулся святой человек и долго думал, что может означать столь странный сон. Думал он, думал, ничего не придумал, и решил спросить у соседа, как истолковать его ночные видения.

А в хлев у соседа в ту пору жила Мудрая Свинья, кото-рая и подслушала весь разговор между святым и хозяином о странном сне. Услышала она, что хозяин посоветовал святому пойти в рощу и посмотреть, живут ли там танцующие свиньи.

Со всех ног бросилась Свинья в дом, изорвала на ленты одежду хозяина, украсилась цветами и лоскутами и помчалась в рощу, где принялась скакать и вертеться на задних ногах, да так быстро, как только могла.

Пришел в рощу святой человек и видит — танцует в роще свинья, от пятачка до хвоста цветами и лентами украшенная.

Удивился святой, отвесил Свинье поклон и обратился к ней со следующей речью:

— Скажите, уважаемая Свинья, почему Ваше тело так украшено и по какой причине Вы танцуете здесь, в святой роще?

— На все твои вопросы один ответ, — сказала Свинья, прервав танец и чинно усевшись перед святым. — И танец мой, и украшения угодны богам! В священной роще каждое утро слышу я их голоса, а чтобы ничего не пропустить, я то подпрыгиваю, то приседаю, то поворачиваюсь во все стороны. Боги обращаются ко мне с речами для избранных. Что же касается тебя, то твое предназначение — стать пророком и разъяснять людям сказанное богами.

— Так вот почему мне приснился вещий сон! — подумав, святой, но все же обратился к Свинье с еще одним вопросом:

— Скажите, Свинья, а отчего боги среди прочих земных тварей именно Вас избрали вместилищем их речей? Ответила святому Свинья:

— Непомерна гордыня человека. Общаюсь с богами, он забывает о том, что сам он — порождение грязи и источник ее и что лишь великими делами может он изменить свою судьбу. Оттого боги и прибегают к услугам таких тварей, как я. В прошлой жизни я была курильницей в храме и за хорошую службу стала свиньей. Но сейчас не время для бесед. Пора исполнить волю богов. Ты должен передать их слова людям.

Начала Свинья говорить святому мудрые речи, а тот их старательно

записывал и читал народу, приходившему к священной роще посмотреть на танцующую свинью.

На все вопросы у Свиньи находились ответы, недаром была она Мудрой Свиньей.

В скором времени со всех концов Поднебесной потянулись к священной роще толпы людей поклониться чу десной свинье и наставнику-приоритателю. Как-то пришел на поклон и бывший хозяин свиньи.

— Да ведь это же моя хрюшка! — в полном изумлении воскликнул он. — А я ее как раз заколоть собирался незадолго до того, как она пропала!

— Это не хрюшка, а вестник богов, — укоризненно сказал святой. — Вот тебе деньги, купи себе стадо скота, да еще и нескольких свиней в придачу.

С досадой и завистью принял бывший сосед деньги святого и сказал на прощание:

— Не может эта свинья быть Голосом Богов! Как ни убеждай меня — не поверю!

— Один голос не слышен в гомоне десяти. Он слышен лишь, когда остальные молчат, — ответил святой, а затем добавил: — Как жуку неведомы помыслы человека, так и человеку неведомы помыслы небожителей. Как можешь ты знать волю неба?

Может быть, и прав был святой, только один старик сказал по этому поводу:

— Что в руках одного — глина, то у другого — золото, а упустив свое — на чужое не зарься. А другой старик сказал:

— И святому человеку хочется вкусно поесть и на мягком поспать. И еще сказал:

— Лучше быть сытым и довольным, но при этом в чьих-то глазах выглядеть дураком, чем казаться другим умным, но быть голодным.

— Какая многозначная притча! — воскликнул я. — По моему в ней можно отыскать бесчисленное количество подтекстов.

— Она многозначна, как жизнь, — сказал Учитель. — Жизнь полна подтекстов, и жизнь полна субъективных истин.

— Знаешь, Леонид чем-то напоминает мне Мудрую Свинью, — усмехнулся я. — Он тоже взял на себя роль «вестника богов», только, пожалуй. Мудрая Свинья более честна и бескорыстна.

— Не скажи, — возразил Ли. — Став «вестником богов», хитрая хрюшка неплохо устроила свою жизнь. Если ты помнишь, хозяин собирался её резать. Но кто же осмелится поднять руку на «Голос Богов»? Одним махом она получишь всё — пищу, славу и власть.

— И всё равно, их нельзя ставить на одну доску, — не согласился я. — Мудрая Свинья действительно была мудрой, и её советы приносили людям пользу. Леонид не обладал мудростью, он лишь считал себя умнее других, потому что он прочитал сотни томов эзотерической литературы. Он обладает информацией, но не мудростью.

— Но он-то этого не знает, — весело воскликнул Учитель. — Он-то считает себя мудрым. Он считает себя вправе давать людям советы! Кроме того, не забывая слова святого: «как жуку неведомы помыслы человека, так и человеку неведомы помыслы небожителей».

Я пожал плечами. Слова Ли почему-то оставили у меня в душе неприятный осадок.

— Мне просто не нравится намеренная ложь, — сказал я.

— Слова всегда лгут, — заметил Учитель. — Так почему же одна ложь неприятна тебе, а к другой ты относишься спокойно?

— Не надо утрировать, — сказал я. — Ты же понимаешь, что я имею в

виду.

— Ты забыл о том, что даос всегда выбирает срединный путь, — улыбнулся Ли. — Добро и зло, польза и вред — лишь категории, созданные человеческим умом. Тебе грустно оттого, что люди не видят твою правду, но точно так же ты не хочешь видеть их правду, считая её «неправильной правдой». Тебе бы хотелось, чтобы твои московские знакомые обладали мудростью Шоу-Дао, но это невозможно, и нет смысла об этом грустить. Человечество такое, какое оно есть, и принимать его надо именно таким. Именно поэтому, где бы ни появлялись Спокойные, они создают свой собственный клан, семью единомышленников, в которой они всегда находят взаимопонимание и поддержку. Но люди внешнего мира не менее интересны, и, общаясь с ними, ты можешь узнать много новых полезных вещей и получить истинное удовольствие.

— Ты прав, как всегда, — вынужден был признать я.

— Конечно, я прав, — кивнул головой Учитель. — Не забывай, что ты не можешь сказать «да», ты просто желаешь этого. Возьми, например, самосовершенствование: хорошо оно или плохо? Разве ты можешь однозначно ответить на этот вопрос? Или возьми столь горячо любимое тобой Шоу-Дао, без которого ты уже жизни своей не мыслишь. А ведь найдутся люди, которые категорически не воспримут учение Спокойных, и по своему они будут правы.

— Ну, с Шоу-Дао это понятно, — сказал я. — А что плохого может быть в самосовершенствовании? Что может быть прекраснее процесса самоосознания, расширения спектра своих способностей и увеличения своих возможностей для более полноценной и насыщенной жизни. Можно спорить о том, что представляет собой самосовершенствование и каким путём стремиться к нему, но само по себе самосовершенствование не может быть плохим.

— Самосовершенствование всегда предполагает изменение, — возразил Ли. — А теперь представь, что кому-то страшно меняться, что он сознательно или подсознательно расценивает перемены в себе — в своём мировоззрении, в своих убеждениях или привычках — как смерть себя прежнего, не важно, плохого или хорошего, но — себя, любимого, единственного и неповторимого...

Учитель замолчал, с довольным видом наблюдая за изменениями, происходящими с моим лицом.

— Ну, если так... — разочарованно протянул я.

— Большинство людей враждебно настроены к новым для них истинам, поскольку они не обладают способностью подстраиваться к постоянно меняющемуся миру и не наделены в достаточной мере мудростью срединного пути. Разве ты можешь ожидать от них стремления к самосовершенствованию?

— Но ведь не задумываться над очевидным — это бо лезть! — воскликнул я.

— С точки зрения Спокойных — да, а с точки зрения обычных людей — это норма, — пожал плечами Ли. — Как ты думаешь, почему народ так цепляется за традиции, за свои маленькие привычки и бессмысленные навязшие на зубах ритуалы? Поддерживать в себе иллюзию неизменности — это способ защитить себя от перемен, отказываясь признавать их, закрывая глаза на то, что происходит за стенами домов и квартир. И единственное лекарство от болезни добровольной слепоты — это развитие интуитивной мудрости, обретаемой через упражнения «наблюдения за собой и миром».

— Расскажи мне ещё немного о даосской интуитивной

мудрости, — попросил я. — Мы уже не раз говорили на эту тему, но каждый раз в твоих словах я открываю для себя что-то новое и интересное.

— Даосская интуитивная мудрость — это странная штука, — сказал Учитель. — Это совсем не то, что называется «мудростью» в европейской традиции. Интуитивная мудрость «всадника, оседлавшего ветер» — это способность к спонтанной подстройке его внутреннего мира под внешний мир, при которой одно не подменяется другим. Для того чтобы чутко подстраиваться под изменения внешнего мира, воин жизни должен обладать уникальной чувствительностью, по скольку мир постигается именно чувствами, а не разумом. Разум порождает идею, под которую подгоняется мир, а правильно настроенные чувства помогают избежать зависимости от интеллектуальных построений и схем. Правильно настроенные чувства — это чувства, относящиеся именно к данному моменту, а не к воспоминаниям прошлого или к порождённым разумом фантазиям о будущем. Интуитивная мудрость даосов — это доверие к жизни, к её бесконечному изменчивому и непредсказуемому потоку, уносящему нас в неведомое.

Можно бороться с течением, увлекающим нас по реке времени, а можно отдаться потоку, не вступая в схватку с ним, а лишь подправляя свой путь в подходящие для этого моменты, корректируя его точными и эффективными действиями.

Иногда крошечное усилие, сделанное вовремя, даёт большой результат, чем годы напряжённых трудов. Поэтому интуитивная мудрость даёт ответы не только на вопрос:

«Как?», она отвечает на гораздо более важный вопрос: «Когда?».

Я уже не раз упоминал даосскую пословицу: «Если долго сидеть на берегу реки, можно увидеть, как мимо проплыл вёсёл труп твоего врага». Эта пословица говорит о важнейших добродетелях — терпении и умении ждать, но ждать опять-таки не в европейском понимании «ожидания какого-то конкретного результата», а ждать, наслаждаясь текущим моментом, наслаждаясь жизнью без погружения в нетерпеливые фантазии о будущем. Спокойные не стремятся повелевать жизнью, пытаются, подобно европейцам, загнать её в рамки своих странных и нереальных представлений, они становятся хозяевами своей жизни и своей судьбы, гармонично подстраиваясь к внешнему миру, но не вступая с ним в конфликт.

ГЛАВА 11

Я возвращался домой поздно ночью. Я уже привык сканировать шестым чувством пустынные окрестности. Напряжённые тренировки и наставления Ли приучили меня быть особенно осторожным, когда все вокруг кажется спокойным и мирным.

Небольшая вибрация, прокатившаяся через круг воина, заставила меня напрячься. Я знал, что кто-то скрывается в темноте, поджидая меня, я даже почувствовал направление, откуда исходили импульсы затаившегося человека. Я знал, что он находится под аркой, ведущей во двор моего дома. Я вошёл под арку, стараясь не менять характер движений, чтобы не выдать своей готовности к схватке. И все же в момент, когда тень бесшумно отлепилась от стены и двинулась ко мне, я вздрогнул от неожиданности. Моё тело автоматически приняло боевую стойку.

— Завтра в шесть часов вечера Ли будет ждать тебя на троллейбусной остановке в Верхней Кутузовке, — негромко произнес молодой кореец, проходя мимо меня в выходу. Он даже не взглянул в мою сторону. Через пару секунд он растаял в темноте, как привидение.

«Я даже не слышал его шагов, хотя их звук должен был усиливаться под аркой», — с завистью подумал я.

Хотя я освоил технику бесшумного передвижения, мне с моей комплекцией она давалась не слишком легко.

Этой ночью я долго не мог заснуть. Учитель уезжал на несколько дней, и я не знал, когда он должен был вернуться. Я пытался догадаться, зачем он послал ученика дожидаться меня до глубокой ночи, когда можно было просто позвонить по телефону и передать его слова. Я размышлял о последователях Спокойных из крымской корейской общины. Хотя мне не раз приходилось сталкиваться с ними, и они даже называли меня «старшим братом», в связи с тем, что я учился непосредственно у Учителя, в то время как их постоянным наставником был другой мастер Шоу-Дао, менее высокого уровня, ни с кем из них, кроме Лин, мне до сих пор не удалось познакомиться поближе. Я не знал ни их имен, ни где они живут, ни чем они занимаются в обычной жизни.

Остановка, которую выбрал для встречи Учитель, находилась на шоссе между Симферополем и Алуштой, ближе к Алуште. Я вышел из троллейбуса минут за десять до назначенного времени. Учителя еще не было. Я огляделся вокруг, пытаюсь угадать, что меня сегодня ожидает.

Наверное, это самое красивое место на этом шоссе, подумал я. Слева от меня поднимались вверх крутые скалы с отвесными обрывами крымской яйлы. Залитые солнечным светом скалы были удивительно красивы.

«Наверняка мы пойдем в горы, — решил я. — Учитель ничего не делает просто так. Сегодняшний день должен быть особенным».

Легкое прикосновение ладони к затылку оторвало меня от размышлений. Я не знал, как Ли очутился у меня за спиной. Ни один троллейбус, ни одна машина не останавливались около остановки за все время, пока я ждал.

Учитель сделал мне знак следовать за ним, сохраняя молчание. В этот раз вместо обычной для него холщовой сумки он нес небольшой порядком потрепанный рюкзак зашитого цвета.

Как я и предполагал, мы двинулись в горы. Похоже, Учитель был хорошо знаком с маршрутом, по которому мы следовали, поскольку он, не задумываясь, отыскивал почти незаметные удобные тропинки среди деревьев и скал. Через пару часов ходьбы в быстром темпе я слегка подустал и начал подумывать о том, что неплохо бы сбросить лишний вес. Я был уже порядком вымотан, когда Ли сделал знак остановиться и, скинув рюкзак, уселся у подножия огромной, почти вертикальной скалы, составляющей часть обрыва верхней части яйлы.

— Эта ночь будет долгой для тебя, — сказал Учитель. — Сегодня твоими стихиями будут стихия земли и стихия воздуха. Выполни упражнение дыхания ци земли и неба. Ты должен полностью восстановить свои силы.

Я разделся и, выбрав относительно ровный участок, лег на землю. Солнце уже опускалось за горизонт, но земля, прогреваемая его лучами, пока сохраняла тепло.

Упражнение, о котором говорил Ли, в чем-то напоминало упражнения укоренения и разветвления, но мыслеобразы энергообмена с землей и воздухом были менее четкими и определенными. Я лежал на животе, раскинув в стороны руки и ноги, словно в попытке обнять землю, и на вдохе через всю поверхность тела, контактирующую с почвой, втягивал в себя ци земли, насыщая ею свое тело и одновременно выбрасывая вверх, в воздух, через спину, голову, руки и ноги «лишнюю ци». На выдохе я проделывал противоположную операцию, вбрасывая через контактирующую с воздухом часть тела ци неба, насыщая ею тело и сбрасывая излишки энергии в землю.

Время от времени я переворачивался на спину, на левый или на правый бок. Мое тело интуитивно ощущало, какая его часть особо нуждается в данный момент в контакте с почвой. Я начал интуитивно тереться о землю, перекатываясь по ней, как это делают медведи или собаки.

По мере насыщения энергией я чувствовал себя все бо лее расслабленным и отдохнувшим. Казалось, я растворялся в природе, теряя свою индивидуальность в этом странном слиянии с материнской мощью и щедростью земли и легким, невидимым и вездесущим воздухом. Меня охватило удивительное ощущение блаженства, а затем я задремал.

— Просыпайся, соня, — потряс меня за плечо Учи тель. — Сейчас исполнится твоя мечта.

— Какая мечта? — заинтересовался я.

— Помнится, мне тут кто-то прохода не давал, распра шивая насчёт сущностей и их классификации. Ты готов встре титься лицом к лицу с кем-нибудь из них?

— Ты имеешь в виду одну из моих внутренних сущнос тей? — на всякий случай уточнил я.

— Именно, — подтвердил Ли. Я засмеялся.

— В таком случае «встретиться лицом к лицу» звучит довольно забавно, — заметил я. — Это всё равно что встре титься лицом к лицу с самим собой.

— На твоём месте я не был бы столь оптимистично настроен, — недовольно поморщился Учитель. — Говоря о самом себе, ты подразумеваешь что-то до боли родное и знакомое и надеешься, что эта встреча будет если и не слиш ком полезной, то по крайней мере приятной. Однако, как пра вило, всё оборачивается иначе. В том, с чем ты собираешь ся встретиться, нет ничего знакомого и приятного.

Мой энтузиазм слегка увял, хотя любопытство даже уси лилось.

— А что это за сущность, с которой я собираюсь встре титься? — спросил я.

— Можешь её называть сущностью бездны, — усмех нулся Ли.

Он замолчал. У меня тоже вдруг пропало желание зада вать вопросы. Я понял, что дальнейшее продолжение разго вора уже не имеет смысла.

В глазах Учителя я прочитал одобрение.

— Меня радует, что хоть иногда тебе удаётся сдержать поток своей болтливости. Это вселяет надежду, — заметил он.

Ли сделал паузу и, убедившись, что я не собираюсь от вечать, добавил:

— Сущность бездны — это сущность действия. Следуй за мной.

Учитель подхватил свой рюкзак и, не оборачиваясь, при нялся взбираться вверх по скалистому склону.

Подъём не был трудным. Скалы изобиловали множе ством уступов небольших и удобных расщелин. Вскоре я, слегка запыхавшись, выбрался вслед за Учителем на плос кий край обрыва, по поверхности которого были разбросаны крупные валуны.

— Ты ведь боишься высоты, — обвиняющим тоном про изнёс Ли.

Я пожал плечами.

— Не то чтобы я боялся, — сказал я. — Просто после той истории, когда я в детстве власть поболтался над пропа стью, цепляясь за отрывающийся корень, у меня пропало желание вновь переживать подобный опыт. Так что альпини- стом я точно не стану. Но паники при виде высоты я тоже не испытываю. Ты мог в этом убедиться, когда мы тренирова лись на крышах. Если я даже и боюсь, для меня не представ ляет трудности контролировать этот страх.

Учитель поморщился.

— Не стоит так усердствовать в оправданиях, — сказал он. — Страх высоты присущ большинству людей.

— Извини, — сказал я.

— Извиняться тоже не стоит. Страх не самая плохая вещь. И один из положительных эффектов страха высоты — это то, что он является источником, питающим сущность без дны. Я уже упомянул о том, что сущность бездны — это сущность действия, то есть это сущность, побуждающая че человека действовать непонятным или несвойственным ему об разом. А сейчас встань на самом краю обрыва в устойчивую позу, которую я показал тебе, объясняя, какие позиции должно принимать тело воина, останавливающегося в людных местах.

Устойчивая поза заключалась в лёгком развороте носков ног внутрь, почти незаметном сгибании колен и размещении центра тяжести таким образом, чтобы в случае, если кто-то сзади неожиданно толкнёт меня, я не упал, а мгновенно восстановил равновесие, сделав шаг вперёд.

— Я должен встать на самом-самом краю? — уточнил я.

— Да, на самом-самом, — передразнил меня Учитель. — Встань вот на том каменном уступе. Он надёжен и не обломится под твоим весом.

Я осторожно подошёл к краю и принял нужную позу. Впервые после памятных событий детства я оказался так близ ко у края пропасти. Камни, раскиданные внизу, показались мне ужасающе далёкими и зловещими. Хотя я знал, что устойчивая поза не позволит мне неожиданно потерять равновесие, тающий в подсознании страх заставлял мышцы не произвольно напрягаться, и тело подёргивалось, нарушая устойчивость стойки.

Я услышал, как Учитель встал у меня за спиной. Его присутствие действовало успокаивающе. Я понимал, что в случае чего Ли подстрахует меня и уж наверняка не допустит, чтобы я свалился с обрыва.

Тело начало потихоньку расслабляться, подёргивание мускулов прекратилось, и я почувствовал себя увереннее. Камни внизу уже не казались мне угрожающими, наоборот, в их расположении таилась какая-то неуловимая притягательность, странное очарование. У меня мелькнула мысль, что подобные ассоциации может вызывать японский сад камней.

— Ты всё делаешь правильно, — услышал я голос Ли. — Расслабься и отдайся чувству.

К своему удивлению, я с лёгкостью выполнил его указания. По мере расслабления меня охватывало всё более возбуждающее эйфорическое состояние. Пропать, открывшаяся внизу, манила меня. Голова слегка закружилась, но это го ловокружение не было неприятным. Казалось, что вот-вот у меня вырастут крылья. Мне хотелось широко расправить их и воспарить, подобно птице, в подрагивающее знойным ма ревом пространство. Но в то же время другая часть меня, мой внутренний страж, продолжала оставаться начеку, и нарастающее в этой части беспокойство нарушало состояние блаженства. Страж напоминал мне о том, что опасно отдаваться чувству, что неконтролируемый переход к изменённому состоянию сознания может заставить меня потерять равновесие и тогда я полечу вниз не как птица, а как большой стокилограммовый бифштекс.

Резким рывком за руку Учитель заставил меня потерять равновесие, и я повалился на землю. Я настолько глубоко погрузился в своё общение с пропастью, что успел позабыть и о его присутствии, и о том, что мне сегодня предстоит. Неожиданное падение испугало меня. Кажется, я даже вскрикнул.

— Ну как, тебе удалось услышать зов бездны? — спросил Ли, когда я,

потирая слегка ушибленное при падении пред плечье, поднялся на ноги.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Ты сам прекрасно знаешь. Вижу, тебе понравилось, — подмигнул мне Учитель.

— Действительно, мне казалось, что открывающееся передо мной пространство притягивает меня, словно приглашая прыгнуть и воспарить, отдаваясь полёту, — сказал я.

— Для каждого человека зов бездны имеет свои оттенки, — заметил Ли. — Ты любишь жизнь и умеешь наслаждаться жизнью, поэтому твоё чувство было лёгким и приятным. Для тех же, у кого подсознательная или даже сознательная тяга к смерти превалирует над любовью к этому миру, переживания носили бы мрачный характер наслаждения страхом, близкого к мазохистскому ощущению блаженства от пусть даже мимолётного соприкосновения со смертью.

— Мне знакомы подобные ощущения, — сказал я. — Со мной случались похожие вещи, когда я с отцом бывал в горах Кабардино-Балкарии или когда я смотрел с узенького шаткого моста на бурлящие внизу молочно-белые водовороты быстрой горной реки. Меня захлёстывали чувства почти наркотического характера. Кроме того, когда я стоял на мосту, крепко вцепившись в перила, к щекочущему и возбуждающему ощущению засасывающего меня водоворота добавлялось ещё и пьянящее чувство безопасности оттого, что я знал, что перила надёжно предохраняют меня от падения.

— В подобных случаях мы имеем дело с самопроизвольными перемещениями сексуальной энергии, порождёнными контролируемым страхом, — объяснил Учитель. — Во многих случаях страх является значительно более сильным стимулятором для активизации сексуальной энергии, чем сексуальное влечение. Сущность бездны формируется в результате специфических периодических перемещений сексуальной энергии, основанных на некоторых формах страха, особенно страха, соединённого с удовольствием. Зов бездны пробуждает сущность бездны, и при благоприятных обстоятельствах она может набрать такую силу, что на какое-то время станет ведущей сущностью. Неконтролируемая сущность бездны даже может привести человека к гибели, заставив его броситься вниз. Подобные вещи нередко происходят с наркоманами. Под действием наркотиков сознание и внутренние стражи теряют свою власть над человеком, и, ведомые сущностями бездны, наркоманы выпрыгивают из окон, бросаются с крыш, с мостов или с обрывов, чтобы обрести наслаждение нескончаемого полёта в никуда.

— Видимо, то же самое происходит и с парашютистами, — заметил я. — Мне доводилось беседовать с ребятами, профессионально занимающимися парашютным спортом, и они рассказывали о том, какое неземное наслаждение они испытывают в свободном падении или паря, как птицы, в потоках воздуха, поднимающихся с земли.

— Парашютисты тоже получают наслаждение от провозируемого свободным падением непроизвольного подъёма сексуальной энергии, — сказал Ли. — Но в их случае ведущей сущностью становится не сущность бездны, а один из внутренних стражей. Но твоим заданием сейчас станет отдать бразды правления сущности бездны, то есть полностью отключить все остальные сущности, в том числе и внутренних стражей.

— А как этого добиться? — спросил я. — Когда я стою над обрывом, у меня было искушение полностью отдать ся во власть того, что ты называешь «зовом бездны», но в глубине души я был уверен, что если я потеряю

контроль, то вполне могу, ничего не соображая, сигануть вниз.

— Ты бы и сиганул, не сомневайся, — усмехнулся Учитель. — Но всё очень просто. Для того чтобы ты смог пол ностью отказаться от контроля, ты должен быть уверен, что находишься в абсолютной безопасности. Пойдём.

Ли достал из рюкзака длинную прочную верёвку и по вёл меня к одному из валунов, расположенному метрах в трёх от обрыва.

— Повернись ко мне спиной, — скомандовал Учитель. — Я должен позаботиться о твоей страховке.

Он ловко обвязал меня верёвкой таким образом, что она, подобно собачьей шлейке, охватывала мои плечи и грудную клетку.

— Осторожно сядь на самый край обрыва, но не свеси вай ноги, а сложи их по-турецки, — сказал Ли. — Сейчас я привяжу тебя к камню.

Я почувствовал, как верёвка туго натянулась у меня за спиной.

— Всё, готово, — услышал я голос Учителя. — Попро буй наклониться вперёд.

— Не могу, — сказал я. — Верёвка не пускает.

— Отлично! Так и должно быть! — воскликнул Ли. — Конечно, было бы лучше сидеть, свесив ноги, но ты с твоей боязнью высоты не сможешь до конца отдалиться зову бездны, не чувствуя себя в полной безопасности. Поза со скрещенны ми ногами обеспечит тебе это чувство. В такой позе почти невозможно потерять равновесие даже при полном расслаб лении, тем более что ты ещё и привязан.

— Всё равно пропасть внизу беспокоит меня, — помор щился я. — Мне кажется, что я не смогу избавиться от конт роля внутреннего страха.

— Забудь о нём, — сказал Учитель. — Войди в состо яние внутреннего облака, а затем расслабься и отдайся зову бездны. Когда сущность бездны начнёт захватывать тебя, помогай ей, сливайся с ней, позволь ей унести тебя с собой. Если внутренний страж снова попытается контролировать тебя, избавься от его влияния. Для этого тебе нужно будет потихоньку наклоняться вперёд, натягивая верёвку, и сосре доточиваться на чувстве безопасности, которое она тебе даёт. Даже если бы ты постарался спрыгнуть вниз, тебе бы это не удалось. Концентрируйся на чувстве безопасности до тех пор, пока оно не станет частью тебя, не достигнет самых потаён ных уголков твоего подсознания. Тогда внутренний страж оставит тебя в покое, и сущность бездны полностью завладе ет тобой.

Оргазмические потоки, возбуждаемые пьянящим стра хом высоты, создавали удивительное ощущение возбуждения, смешанного с состоянием удивительной ясности.

— Тебя посетит не только сущность бездны, — про шептал мне на ухо Ли. — Когда стражи уходят, их место за нимают другие, не знакомые тебе сущности. Не бойся их. Прислушайся к тому, что они скажут. Они — часть тебя.

Голос Учителя звучал глухо и таинственно. По моему телу прокатилась дрожь. Я уже вошёл в изменённое состоя ние сознания, характеризующееся повышенной чувствитель ностью, и его слова, казалось, отдавались во всём моём теле, как вторгающиеся в него материальные объекты.

Учитель ещё что-то шептал, а потом я на мгновение отключился, начисто забыв, что я делаю и где нахожусь.

Я встрепенулся, повинувшись странному внутреннему им пульсу, как заснувший в троллейбусе пассажир, разбуженный резким толчком, и приоткрыл глаза, сфокусировав их на про пасти передо мной.

— Ты ждёшь сущность бездны? — услышал я насмеш ливый женский голосок. — Зачем она тебе? Ты хочешь уме реть?

«Кто это?» — хотел было спросить я, и внезапно понял, что этот голос принадлежал мне самому, вернее одной из сущностей, живущих во мне.

Поскольку эта сущность говорила, она была сущностью слова. Сущность бездны не могла говорить.

Я не стал отвечать, решив лишь отрешённо наблюдать за тем, что происходит.

— Зачем? Зачем? Зачем ты всё это делаешь? — по вторял голос.

— Потому что я веду его! — ответил ему твёрдый и решительный голос мужчины. — Он делает это потому, что не может действовать по-другому.

«Интересно, а это кто? — с любопытством подумал я. — Сколько их ещё там?»

— Неправда, неправда, — возразила женщина. — Все гда существует ещё один путь.

— Он просто боится сущности бездны, — вмешался ещё один мужской голос. — Он слушает вас, чтобы не встречаться с ней!

Я вздрогнул, как от разряда электрического тока. Меня пронзило острое, болезненное, как удар ножа, чувство стыда. Что-то внутри меня знало, что голос прав. Я действительно боялся сущности бездны.

Неожиданно в моих чувствах снова наступила резкая перемена. На мгновение власть захватила новая сущность. Интуитивно я понял, что это была та самая сущность, которую я недавно говорил, что я не могу действовать по-другому.

— Ты должен выполнить свою задачу, — твердо сказал мужской голос. — Встреться с сущностью бездны!

Я сфокусировал глаза на камнях и деревьях, видневшихся внизу, и попытался воспроизвести эйфорическое состояние, которое я испытал, выполняя предыдущее упражнение. У меня снова приятно закружилась голова. Тело начало слегка подрагивать, но на сей раз не от страха, а от томительной жажды полёта. Я снова ощутил давление внутреннего страха, и, вспомнив наказ Ли, чуть наклонился вперёд, натягивая верёвку. Она крепко держала меня. Я просто не мог упасть.

Я начал сосредотачиваться на убаюкивающем чувстве безопасности, и оно, в сочетании с пьянящими оргазмическими ощущениями, пробуждаемыми страхом высоты, погрузило меня ещё глубже в засасывающий, как водоворот, транс почти чувственного наслаждения.

Страж постепенно сдавал свои позиции, удаляясь и не заметно растворяясь в глубине чего-то, что я мог бы назвать своим «Я». Зов бездны манил меня всё сильнее. Тело стало вилос лёгким и невесомым. Казалось, что под действием бурлящих внутри оргазмических потоков оно было готово воспарить или стремительно сорваться с места, как запущенная со старта ракета.

Камни внизу приобрели более чёткие очертания, и, казалось, увеличились в размерах. А затем что-то схватило меня за солнечное сплетение и с силой рвануло вперёд. Я стремительно полетел вниз, чувствуя кожей лица неотвратимо приближающиеся камни.

Когда я, не замедляя полёта, вонзился в них, проваливаясь затем сквозь толщу земли, я закричал. Я успел зарегистрировать сознанием проносившие мимо в тёмной толще земли камни и корни деревьев, а затем я потерял сознание.

Когда я снова пришёл в себя, моё сердце колотилось, как бешеное. Пальцы Учителя, нажимающие на реанимационные точки, приносили острую боль. Меня тошнило от пережитого страха. У меня ныла область

почек, как бывало иногда после ночных кошмаров.

— Представляешь, я видел, как моё лицо ударилось о камни, — слабым голосом пожаловался я. — Всё-таки не нравится мне высота.

— Кто ж тебя просил пикировать, как камикадзе, — усмехнулся Учитель. — Надо было парить, а не плюхаться, как куль с песком.

— Можно подумать, что это от меня зависело, — сморщился я.

Мне было ещё слишком плохо.

— Хочешь ещё раз попробовать? — весело предложил Ли.

При одной мысли об этом меня чуть не стошнило.

— А может, в другой раз? — без особой надежды попросил я.

— Другого раза может и не быть, — усмехнулся Учитель. — Не забывай, что самое главное для даоса — делать всё в нужный момент. Сейчас наступил этот самый момент.

— Я в этом не уверен, — тихонько пробормотал я, надеясь, что Ли не расслышит. Он расслышал.

— Рад твоему оптимизму, — садистски усмехнулся он. — Не стоило бы тебя баловать, но ты так жалко выглядишь, что я просто ничего не могу с собой поделать. Сейчас мы с тобой будем вдвоём.

— Да? — не проявил особой радости я. — А раньше ты где был?

— Я-то был здесь, — сказал Учитель, — а вот моя сущность бездны тут не присутствовала.

— Твоя сущность бездны? — переспросил я. — Что ты имеешь в виду?

— Твоя сущность бездны заставила тебя полететь, — сказал он. — Если бы наши сущности объединились, мы бы летели вместе.

— Ты хочешь сказать, что я мог полететь вместе с тобой? — недоверчиво спросил я. — Но ведь, насколько я понял, сущность бездны — это просто какая-то специфическая часть моего восприятия. Всё, что произошло, имело место исключительно в моём воображении. Это было просто как галлюцинация или сновидение. Моё тело-то оставалось привязанным к валуну. Так как же мы сможем полететь вместе?

— Сам не знаю как, — пожал плечами Ли. — Однако сейчас мы это сделаем. Ты же ухитрился хлопнуться мордой о камни-несмотря на то что твоё тело было привязано к валуну.

Слова Учителя настолько потрясли меня, что я мгновенно забыл о тошноте, головокружении и пережитом страхе. Меня охватило радостное волнение, предчувствие того, что я стою на пороге новой тайны.

Ли окинул моё сияющее лицо оценивающим взглядом и, скорчив ехидную рожу, расхохотался.

— Вот что значит неуравновешенная европейская психика, — отсмеявшись, заметил он. — Только что ты здесь умирал, мечтая только об одном — навсегда позабыть о существовании сущностей бездны, но стоило мне произнести пару фраз, как ты чуть ли не скачешь от счастья, свеженький, как огурчик, и готов прыгать с обрыва и хлопаться о землю до скончания веков. Прямо наравдаться на тебя не могу.

— Мне приятно, что я так тебя развлекаю, — дипломатично заметил я. — Ну так что мы должны будем сделать?

— Сядь в прежнюю позицию, — серьёзным тоном сказал Учитель.

Страшущая меня верёвка всё ещё была привязана к валуну, и я снова уселся со скрещенными ногами на краю обрыва.

Ли сел на землю за мной, обхватив меня руками и ногами. Поскольку сестра точно позади меня ему мешала верёвка, Учитель сместился чуть влево.

— Снова войди в состояние «внутреннего облака», — велел он. — Дыши в унисон со мной.

Ощущение тела Учителя создавало у меня удивительное чувство безопасности. Я подумал, что даже если бы я не был привязан к валуну, я бы без колебания отказался от всех внутренних стражей.

Органические потоки «внутреннего облака» наполнили меня восторженной эйфорией, предчувствием чего-то не вероятно прекрасного, что вот-вот случится со мной. Подстраиваясь под дыхание Ли, я чувствовал, как поднимаются и опускаются его грудь и живот, а потом мой организм совершенно спонтанно выполнил упражнение укоренения. Но в этот раз мои корни уходили не в землю, а в тело Учителя, вбирая его горячую, пульсирующую энергию. Я чувствовал, что он делает то же самое, «укореняясь» в моём теле. Наши солнечные сплетения соединились прочным пульсирующим энергетическим мостом. Моё тело начинало вибрировать толчками аутодвижений.

Неожиданно земля под обрывом стала увеличиваться в размерах, медленно надвигаясь на меня. Моё сердце затрепетало. Я чувствовал, как что-то, идущее и изнутри, и извне, захватывает меня, оттесняя в сторону мою личность и все живущие во мне сущности. Я отдавался сущности бездны в каком-то ликующем упоении, а потом я снова почувствовал, как что-то рвануло меня за солнечное сплетение и я полетел вниз. Но на этот раз это не был пикирующий вертикальный полёт. Я не боялся, я ничего не делал, а просто следил за про исходящим, продолжая чувствовать своей спиной дыхание Учителя и тяжесть его тела.

Мы двигались по параболе. На высоте нескольких метров от земли мы вдруг замедлили ход и, снова увеличив скорость роста, набрали высоту и понеслись в неизвестном направлении над плоскими вершинами Крымских гор. Я старался следить за местами, над которыми мы пролетали, но мне было трудно концентрировать внимание. Когда я чувствовал тело и дыхание Учителя, я не мог сосредотачиваться на окружающих пейзажах, а глядя вниз, я терял контакт с Ли. Не знаю, сколько времени мы кружили так в поднебесье — несколько секунд или час. Я запомнил только плавные многократные переключения с Учителя на проносящиеся под нами горы, долины и поля.

Потом я снова переключился на Ли. Мне показалось, что нажим его рук и ног на моё тело стал сильнее.

— Ты не хочешь открыть глаза? — услышал я его на смешливый голос.

К своему удивлению, я обнаружил, что глаза у меня действительно закрыты. Я-то был уверен, что наблюдаю за про исходящим.

Поднять веки оказалось не самой простой задачей, но, справившись с ней, я понял, что полёт закончен. Я по-прежнему сидел на краю обрыва со скрещенными ногами.

Учитель поднялся и, повалив меня на спину, откатил меня немного в сторону и принялся развязывать верёвку.

— Ну как, было очень страшно? — насмешливо спросил он.

— Это было просто потрясающе, — я задыхался от переполняющих меня эмоций. — А то, что мы видели, было реальностью или галлюцинацией?

Ли с нарочитым удивлением поднял брови.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он. — Что в твоём понимании означает слово «реальность»?

— Места, над которыми мы пролетали, были реальны или существовали только в нашем воображении? — спросил я.

— А ты как думаешь?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю.

Я понял, что Учитель поддразнивает меня.

— Почему ты не хочешь мне сказать? — нетерпеливо и немного обиженно спросил я. — Ты же знаешь, как для меня это важно!

— Потому что ты должен сам ответить на этот вопрос, — улыбнулся Учитель. — А вдруг я тебя обману?

Я встал на ноги и подвигался, разминая затёкшее тело.

— А ведь мы по-настоящему летали! — всё ещё не в силах справиться с переполнявшим меня восторгом, воскликнул я.

— Пока ещё нет, — ехидно заметил Ли. — А вот сейчас ты полетишь по-настоящему.

Что-то в его тоне вызвало у меня беспокойство.

— Что ты имеешь в виду, говоря «по-настоящему», — немного настороженно поинтересовался я.

— То, что сейчас ты прыгнешь со скалы вместе со всем твоим большим и толстым физическим телом.

— Ты это серьёзно? — упавшим тоном спросил я. — Ты что, действительно собираешься заставить меня прыгнуть с обрыва?

Учитель укоризненно покачал головой.

— Я же не сказал «с обрыва», я сказал «со скалы», — ответил он. — Рановато тебе ещё с обрыва прыгать. Я не хочу лишиться своего самого большого ученика.

У меня отлегло от сердца.

— Ас какой скалы я буду прыгать? — спросил я.

— Пойдём. Это не далеко, — сказал Ли, скручивая ве рёвку.

Минут через пятнадцать он привёл меня к двум не слиш ком высоким скалам с плоскими вершинами, находящимся в нескольких метрах друг от друга.

— Заберись на эту скалу, — указал на ту, что повыше, Учитель.

— И что мне делать теперь? — спросил я, оказавшись на вершине.

— Ничего особенного. Просто перепрыгни на сосед нюю, — будничным тоном сказал Ли.

Я, не веря своим глазам, смирил взглядом разделяющее скалы расстояние. Прыжки, в связи с избыточным весом, ни когда не были моей сильной стороной.

— Но я не допрыгну, — возразил я.

— Допрыгнешь, — уверенно отпарировал Учитель.

— Но ты только посмотри, какое тут расстояние. Оно на пределе моих возможностей.

— Ты правильно сказал: на пределе, — заметил Учи тель. — Именно поэтому я и выбрал эти скалы. Кроме того скала, на которую ты будешь прыгать, расположена ниже. Это автоматически увеличивает дальность прыжка.

— Так-то оно так, — промямлил я,

— Как ты думаешь, в какой ситуации ты смог бы пере прыгнуть с одной скалы на другую? — неожиданно резким тоном спросил Ли.

— Ну, если бы за мной гнался взбесившийся бык, я бы перепрыгнул, не задумываясь, — ответил я.

— То есть ты говоришь о сверхусилии, — заметил Учи- тель. — Тебе просто не хватает мотивации. Как ты знаешь, сверхусилия можно совершать, используя технику волевых импульсов. Но сейчас ты научишься применять другую тех ник}'. Сущность бездны поможет тебе перелететь со скалы на скалу.

— Как это? — спросил я.

— В твоей памяти ещё свежо ощущение неодолимой тяги к полёту, которую ты испытывал на обрыве, — объяснил Ли. — Сейчас ты снова сольёшься с сущностью бездны, но только под контролем внутреннего стража. Сущность бездны даст тебе силы и уверенность для прыжка. Стань на краю скалы и сделай то же самое, что ты делал раньше. Когда тебя захватит неодолимая жажда полёта, когда ты почувствуешь, что готов, ты прыгнешь — можешь с разбегом, а можешь без разбега. Начиная.

Зов бездны пришёл ко мне, как только я встал в устойчивую позу на краю скалы. Воспоминания двух полётов были ещё слишком яркими. Зов бездны был настолько силен, что мне показалось, что расстояние между скалами сократилось. Одновременно исчез мой страх.

Я отошёл назад на несколько шагов и, разбежавшись, изо всех сил оттолкнулся от края. Во мне проснулось что-то первобытное. Этот прыжок на пределе сил заставил меня испытать удивительное чувство — нечто близкое к странно му стремительно-яростному, и в то же время восторженному оргазму. Я приземлился на обе ноги и, не удержавшись, упал, смягчив удар о камень подставленными предплечьями и мягким перекатом на бок.

Мгновенно оттолкнувшись от скалы, я вскочил на ноги, радостно потрясая в воздухе сжатыми кулаками.

— Учитель! Я сделал это! У меня получилось!

— Я же говорил, что в конце концов ты полетишь, — с мягкой насмешкой в голосе произнёс Ли.

ГЛАВА 12

Тема реанимационных техник, особенно в случае, когда болезнь или смерть человека обусловлены психологическими причинами, настолько заинтересовала меня, что я начал исследовать её самостоятельно, беседуя с врачами ско-рой помощи и с врачами-реаниматологами. К своему удивлению, я убедился, что многие врачи вносили некий мистический элемент в процесс оживления находящегося в бессознательном состоянии человека, и были уверены, что успех операции зависит в большей мере от интуиции врача, чем от выполнения стандартных общепринятых приемов.

Хотя до сих пор не существует научных доказательств того, что люди, пребывающие в коме, быстрее возвращаются к жизни, если их окружают родственники и любимые, если с ними непрерывно общаются, разговаривают и просят их поскорее прийти в себя, некоторые врачи считали, что именно такие, непонятно каким образом устанавливающиеся контакты с близкими людьми оказываются немаловажным фактором для выхода больного из комы.

Однажды я спросил у Учителя, что он думает по этому поводу и действительно ли коматозники способны отдавать себе отчёт в том, что происходит.

— Во многих случаях они действительно слышат и понимают то, что происходит вокруг, — сказал Ли. — Конечно, это случается не всегда. Физическое тело может быть поражено до такой степени, что человек полностью теряет способность воспринимать окружающий мир и осознавать себя, но бывает и так, что шок от физической или психической травмы настолько силен, что человек просто не хочет возвращаться в пугающий его мир, и тогда уговоры близких действительно могут сыграть свою роль и заставить его вернуться.

— Я ни разу в жизни не сталкивался с умиранием или пребыванием в коме от психических причин, — сказал я. —

Мне бы хотелось знать, как это бывает, и опробовать в действии твои реанимационные техники.

— Ты не раз встречался с подобными случаями, просто ты не уделял им должного внимания, — загадочно произнес Учитель.

— Что ты имеешь в виду? — удивился я. — Если бы что-то подобное произошло, уверен, что я бы не забыл об этом.

— Смерть принимает разные формы, — сказал Учитель. — Умирание — это не всегда остановка дыхания и сердцебиения. Многие из людей, живущих на этой земле, на самом деле уже наполовину мертвецы.

— Ты говоришь аллегорически, — заметил я. — Ты не мог бы выразиться яснее?

— Когда-то я говорил тебе о том, что универсальный закон природы — это закон отражения, и смысл жизни человека заключается в том, чтобы отражать окружающий мир. Чем более объемно и полноценно это отражение, тем насыщеннее и интереснее жизнь человека. Однако бывают люди, которым по каким-то причинам не нравится окружающий мир, и вместо того чтобы отражать его, они начинают воздвигать стену между миром и собой. Эта стена существует только в их сознании, но в действительности она мощнее крепостных стен. Человек, отгородившийся от мира, перестает жить, хотя тело его продолжает функционировать. Иногда уход от мира становится столь очевидным, что больного помещают в сумасшедший дом, возводя дополнительные стены между ним и миром.

— Мне бы хотелось понять, как это происходит, — заинтересованно сказал я.

— Нет ничего проще, — откликнулся Учитель. — Научись возводить стены, и ты поймешь, как их разрушить.

— Как? — спросил я.

— Что значит твоё «как»? — как возводить стены или как их разрушать? — усмехнулся Ли.

— Начнём с того, как их возводить.

— Так, как это делают все, — пожал плечами Учитель. — С помощью воображения. Сходи как-нибудь в сумасшедший дом и постарайся почувствовать себя так, как его обитатели. Стена — это мыслеобраз, с помощью которого происходит сужение сознания. Ты уже не раз выполнял упражнения по расширению и сужению сознания, но то, что ты делал, было осознанно и контролируемо, и, приобретая необходимый опыт, ты неизменно возвращался к внешнему миру. Люди, возводящие стены, не могут или не хотят вернуться.

На самом деле для того, чтобы изучать способы, которыми люди изолируют себя от мира, не обязательно посещать психушку. Ты можешь найти исключительно интересные примеры среди твоих знакомых и соседей. Подумай, сколько людей живут среди бесплодных фантазий, заменяющих им реальность существования, сколько людей поглощены мелкими маниями и навязчивыми идеями, не оставляющими времени на общение с внешним миром. Постарайся по ним их, постарайся на время ограничить свой мир так же, как это делают они.

— Кстати, мне не раз приходилось посещать психушку, — заметил я. — Так что я посмотрел на то, как люди возводят стены между собой и внешним миром.

Работать санитаром в симферопольской психбольнице я начал с лёгкой руки моего давнего школьного друга Коли Петрова, который сам по себе был личностью столь любопытной и неординарной, что было бы обидно не упомянуть о нём на страницах этой книги.

Коля был сыном влиятельного офицера Госбезопасности, и, возможно, этот факт сказался на том, что уже с первого класса он производил впечатление не по годам развитого ребёнка. Хотя семилетний Коля ещё толком не умел завязывать шнурки и мне неоднократно приходилось помогать ему осуществлять эту непростую процедуру, во всём, что касалось финансов, он мог дать фору подавляющему большинству взрослого населения Советского Союза. Уже в первом классе бизнес, организованный предприимчивым Петровым, приносил ему доход не меньший, чем зарплата кандидата наук.

Свою преступную карьеру семилетний финансовый гений начал с атаки на расставленные в то время по всему Симферополю разменные автоматы для газированной воды. Отделение, куда автомат сыпал выдаваемые медные монеты, закрывалось небольшой подвижной металлической пластиной. Коля додумался при помощи пластилина подклеивать эту металлическую шторку внутрь, к верхней части отделения для монет, и монеты, естественно, не высыпались. Пострадавшие граждане обычно догадывались, в чём тут дело, но вся хитрость заключалась в том, что отлепить пластинку руками было невозможно, для этого требовался специальный крючок, а особенно надрываться из-за потерянного гривенника или пятнадцатикопеечной монеты народу как-то не хотелось.

Петров неустойчиво курсировал по городу с крючком и пластилином, собирая добычу, но, естественно, хорошие деньги на этом было трудно заработать, и Коля принялся вдохновенно спекулировать марками, значками и прочими мелочами, столь притягательными для школьников. Его бизнес по степенно расцветал, и к его услугам начали прибегать даже старшеклассники.

Но по-настоящему крупную аферу Коля провернул уже в пятом классе, став пионером и получив в своё распоряжение отряд подшефных октябрят. Сын комитетчика по своей собственной инициативе затеял благородное дело по сбору средств в фонд помощи детям Вьетнама. Вверенные ему октябрята с литровыми стеклянными банками в руках по заданию Петрова начали обходить квартиры высотных домов Симферополя и жалостно просили пожертвовать кто сколько сможет на поддержание страдающих от ужасов войны вьетнамских сирот.

Народ в то время не бедствовал, и добрая душа русского человека легко зажигалась состраданием, тем более что в те времена память о Великой Отечественной войне ещё жила в сердцах людей. Наряду с медными и серебряными монетками в банки нередко попадали бумажные рубли, трёхки, а иногда даже червонцы.

Коля был не жмот, и за трудную работу по сбору средств он честно выплачивал октябряткам комиссионные — по пятьдесят копеек за каждую банку. Естественно, что дело, ведущееся с подобным размахом, было невозможно держать в секрете, и об афере вьетнамского фонда вскоре стало известно в школе. Директор школы и классный руководитель от такой новости буквально встали на уши. Предпринимателя вызвали на ковёр — он произнёс пламенную и прочувственную речь о солидарности с бедными детьми маленькой страны и о том, что он на свой страх и риск решил внести свой вклад в дело международной помощи Вьетнаму.

Вопрос был столь щекотливым, что наказывать Петрова, особенно учитывая, какую должность занимал его папочка, было бы неосмотрительно, и, для вида мягко пожурив раскаявшегося борца за лучшую долю для пострадавших от агрессивного американского империализма детей, его

обязали сдать все собранные деньги.

Коля с гордостью приволок в школу чемодан, наполненный мелочью. О бумажных деньгах никто и не вспомнил. Подшефных октябрят заставили вернуть несправедным образом заработанные полтинники, папа хорошенько надрал биз несмену задницу ремнём, а Коля зарыл в гараже алюминий вый бидон, набитый деньгами.

Понимая, что организовывать новый фонд было бы слишком опасно, Петров не долго думая переключился на аферу с лотерейными билетами. Вырезая из газет старые таб лицы с результатами розыгрыша очередного тиража лотереи. Коля монтировал к ним заголовки текущего тиража, и заменил этой компиляцией таблицы текущих розыгрышей на стенах около сберкасс. Естественно, что граждане, проверив номера билетов, тут же выбрасывали негодные билеты в ближайшую урну, а Петров, под предлогом сбора макулатуры, эти билеты периодически выгребал. Так Коле удалось сорвать пару крупных и приличное количество мелких выигрышей.

Со временем, уже в студенческие годы, на последних курсах института, Коля дорос до того, что начал перегонять самолёты с дефицитными товарами из одного региона нашей необъятной родины в другой, на чём делал на сей раз действительно серьёзные деньги. Но там, где речь идёт о больших деньгах, нередко возникают и большие проблемы.

Вскоре после окончания института Колю убили. Он госпиталь в загородном доме своего товарища по классу и в момент убийства в одиночестве рыбачил на озере. Убийц так и не нашли.

Однако в то время, когда Коля помог мне устроиться на работу, он ещё не перегонял самолёты, а был обычным, не слишком хорошо успевающим студентом, в вечернее время подрабатывающим санитаром в венерологическом отделении больницы.

Ввиду не слишком утешительного экономического положения моей семьи, я периодически искал подработки на стороне, не отнимающие слишком много времени и в то же время приносящие более или менее приличные деньги.

— Устраивайся санитаром в мою контору! — предложил мне Коля. — Там такие бабки можно делать — закачаешься!

Я удивился.

— А сколько получает санитар? — спросил я.

— Чудак-человек! — усмехнулся Петров. — Важно не то, сколько он получает, а то, сколько он зарабатывает. Усёк?

— Усёк, — с некоторым сомнением в голосе откликнулся я.

Я слишком хорошо знал Колю. Но как ни крути, а деньги мне были нужны, и я устроился ночным санитаром в венерологическое отделение.

— Ты будешь работать на меня, — объявил мне мой приятель. — Скоро ты начнёшь купаться в бабках.

— А на чём ты здесь зарабатываешь деньги? — удивился я. — Ты же простой санитар.

— Санитар в больнице поважнее врача, — с гордостью объяснил Петров. — Особенно когда речь идёт о вензаболеваниях. Врачи-то на ночь домой уходят, а кто остаётся? А? Санитары! А как ты думаешь, кому пойдут за помощью люди, которые свои болячки не хотят на весь свет афишировать?

— К тебе, что ли? — проявил сообразительность я.

— А то! — довольно улыбнулся Коля.

И, действительно, бурная ночь венерологического отделения начиналась с длинной очереди больных, которым Коля делал уколы

украденными в больнице же медикаментами. Конечно, спирт он тоже крал, но тратить его на своих пациентов он не собирался. Спирт стоил денег.

Петров старательно тёр место для укола ваткой, щедро смоченной водой, а подпольные пациенты, чувствуя на ягодицах обильную влагу, были так довольны тщательно проведенной дезинфекцией, что без сожаления расставались с приличными суммами, которые Коля брал за лечение.

Покончив с чередой больных, Коля переключался на иную роль, становясь чем-то средним между сводником и сутенёром, а венерологическое отделение на время превращалось в хорошо организованный бордель.

Изучив медицинские карты больных, Петров осторожно выяснял, кто из пациентов страдает от сексуальной не удовлетворённости, а затем подбирал пары со сходными за болеваниями из мужских и женских палат. Показывая сексуально изголодавшимся людям фотографии возможных партнёров, Коля договаривался в конце концов с обеими сторонами, и с каждого из партнёров сдирал за посредничество приличную сумму, приблизительно равную четверти месячной оплаты инженера. За повышенную плату Коля приводил партнёров и со стороны.

За несколько месяцев упорного труда Петров ухитрился поставить дело на такой хороший уровень, что уже не справлялся с работой, и он предложил мне стать его помощником. Хотя я действительно нуждался в деньгах, его предложение не вызвало у меня энтузиазма. Всё это слишком пахло криминалом, да и вообще мне было противно заниматься сводничеством и обманывать больных.

Поскольку мы знали друг друга с детства, я не хотел ни во что вмешиваться или читать Коле мораль. Я просто решил, не входя в конфликт с приятелем, как можно быстрее выбраться из двусмысленной ситуации и сказал ему, что работа в венерическом отделении мне слишком неприятна, что я постоянно испытываю страх перед случайным заражением и что вообще мне слишком отвратительны венерические заболевания.

— Тогда могу устроить тебя санитаром в психушку, — пожал плечами Петров. — Там-то ты уж точно не заразишься. Разве что крыша поедет.

Он весело рассмеялся своей шутке.

— Это мне подходит! — обрадовался я.

Так я вместе с ещё одним нашим общим знакомым начал работать санитаром в психушке.

Живописная территория симферопольской психбольницы располагалась недалеко от Салгира, примерно на полпути между улицей Пушкина и железнодорожным вокзалом, знаменитым своей уникальной архитектурой. Об этой психушке по городу ходили самые невероятные легенды, в которых вымысел причудливо переплетался с реальностью.

Люди пересказывали истории о том, как чокнутые барышни из женского отделения похищали студентов-медиков, пришедших к ним на практику, и сообщая всей палатой насиловали их. Большой популярностью пользовались рассказы о маньяках, каждую ночь сбегавших из сумасшедшего дома, несмотря на хорошо организованную охрану, а под утро возвращающихся в родные стены.

В истории с маньяками действительно была реальная база, поскольку нередко по улицам города прогуливались люди в больничных пижамах с накинутыми на плечи плащами. Как я потом узнал, психи без особого труда договаривались с санитарями или с охраной, и за небольшую мзду их выпускали погулять. При этом санитары или охранники тщательно разрабатывали легенду о том, как больной ухитрился сбежать, и заставляли

пациента вызубрить историю наизусть, чтобы в случае поимки он полностью взял всю вину на себя. Так что многим психам смекалки было не занимать.

Мой новый напарник-санитар Саша тоже оказался лич ностью колоритной, но ещё более колоритным был его пёс, мрачная бестия, громадный дог благородного серо-стально го цвета по кличке Дэмон.

— Почему ты называешь его Дэмон, а не Демон? — спросил я Сашу после того, как он познакомил меня с догом.

— А потому, что он Дэмон! — скорчив зловещую рожу очень выразительно и с сильным ударением на букве «э», объяснил Саша.

Я всё понял.

Хотя приводить собак в больницу было категорически запрещено, Саша со свойственным советским людям нахаль ством хихал на все эти неизвестно для кого придуманные правила, и Дэмон неизменно сопровождал нас на ночные де журства.

Несмотря на мрачный нрав, дог оказался на редкость сообразительным псом, и больные боялись его до умопомра чения. Саша каждую ночь оставлял пса в коридоре, и даже у психов хватало ума без серьёзного повода не соваться в кори дор, чтобы не связываться с принявшим собачий образ пред ставителем тёмных сил. Однако естественные надобности — штука серьёзная, против них не попрёшь, и волей-неволей некоторые больные были вынуждены совершать ночные про гулки в туалет.

В таких случаях великолепно оттренированный Дэмон аккуратнo брал больного зубами за кисть руки и, не отпуская её, сопровождал перепуганного психа в туалет и обратно. Поскольку пёс не собиpался разжимать челюсти даже в туа лете, отправлять естественные надобности было не слишком простым делом, но больные как-то приспособились к этому и в конце концов свыклись с огромной собакой. У входа в палату пёс отпускал руку и, убедившись, что дверь закры лась, снова укладывался в коридоре и засыпал, уронив на лапы большую тяжёлую голову.

На первых порах Дэмоя по привычке и меня попытался водить за ручку по больничным коридорам, но я всякий раз прятал кисть и тихонько дул ему в нос. Пёс морщился и мо тал головой, бросая на меня мрачные взгляды, но в конце кон цов свыкся с мыслью, что я не пациент, и разрешил мне сво бодно разгуливать по больнице. Так началось моё знакомство с миром Симферопольской психушки.

Не знаю почему, но для более или менее спокойных су масшедших одним из самых почётных и престижных дос тижений было попасть на сеанс трудотерапии, заключающий ся в поклейке конвертов. Трудотерапией занимались в уют ном дворике, огороженном сеточками и решётками. Под навесами стояли длинные деревянные столы с деревянными скамьями, на которых стройными рядами рассаживались больные с печатью грусти на лице, тупо и сосредоточенно клеящие конверты.

Наряду со спокойными пациентами в больнице содер жались и крайне опасные. Некоторые из палат были отданы под патронаж судебно-медицинской экспертизы, и там собиpалась весьма своеобразная публика. В подобные палаты са нитары всегда входили с опаской и только по двое, готовясь в любой момент отразить внезапную атаку. Хотя и кровати, и тумбочки были намертво привинчены к полу, всегда суще ствовала вероятность, что за ночь изобретательные преступ ники ухитрятся что-либо отвинтить или отодрать какую-ни будь деталь кровати, использовав её как оружие нападения.

В застойные времена зловещая тень психбольниц вита ла не только над диссидентами, но и над многими рядовыми советскими гражданами, никоим

образом не страдающими от психических заболеваний. Врачи-психиатры обладали широкими возможностями для помещения неугодных людей в психиатрические лечебницы, и мне было известно несколько случаев, когда жёны, имеющие связи с врачами-психиатрами, шантажировали мужей тем, что, если супруг не будет добросовестно выполнять свои обязанности по дому или вздувает где-то шляться по вечерам, пропивая зарплату, его быстрое и надёжно упрячут в уютную палату с зарешеченными окнами.

Общаясь с относительно спокойными психами, я познал мир с удивительным миром фантазий, в котором замыкались эти во многих отношениях вполне разумные люди.

Санитары то и дело приносили из палат любопытные творения психбольных, и один из них дал мне почитать рапорт предложение одного мужчины, на которое тот за время своего пребывания в больнице ухитрился извести около двадцати пяти килограммов бумаги.

На этих двадцати пяти килограммах бумаги пациент самым подробнейшим образом разработал план захвата любого капиталистического государства с помощью сделанных им новейших технических разработок.

Этот план был достаточно прост, и в то же время хитро умен. Воздушное пространство капиталистического государства должен был вторгнуться огромных размеров самолёт, состоящий из сотен более мелких самолётиков. Каждый мелкий самолётик наш мудрый псих предлагал отказать на битву вооружёнными до зубов десантниками, причём за спиной каждого десантника подвешивалась не слишком большая, но зато мощная бомба.

Для выполнения плана атаки большому самолёту нужно было долететь до середины захватываемого государства. Чтобы его полёту не мешали, правительство Советского Союза должно заранее объявить, что самолёт направляется в страну с дипломатической миссией и везёт груз продовольствия для помощи нуждающимся рабочим.

Если бы проклятые капиталисты всё-таки заподозрили подвох и выпустили по самолёту ракеты, большой самолёт немедленно рассыпался бы на сотни маленьких самолётиков и ракеты пролетели бы мимо, через щели, образовавшиеся при распаде большого самолёта.

Маленькие самолётики с огромной скоростью разлетелись бы по всей стране, подобно сеятелю, щедрой рукой рассыпая семена, разбрасывая по вражеской территории десантников с парашютами. Благополучно избавившись в самом начале прыжка от привязанной за спиной бомбы, каждый десантник приземлялся бы уже в глубокую воронку — эпицентр причинённых этой бомбой разрушений. С оружием в руках десантники из воронок защищали бы свои участки захваченной капиталистической земли, удерживая их до подхода основных сил.

Но главная хитрость заключалась даже не в этом. В момент начала атаки наше правительство должно было включить четыре установленные по углам захватываемой страны установки, генерирующие особые импульсы для воздействия на мозги местного населения. Головы наших десантников защищали от этих импульсов специальные шлемы, а незащищённые аборигены под действием усиленного облучения, тотчас прониклись бы идеями необходимости построения развитого социализма, мира во всём мире, равенства и братства между народами, и т. д. и т. п.

Обретённый должный уровень политической сознательности местного населения немедленно начало бы собираться на митинги, поголовно записываясь в советскую армию и помогая нашим десантникам удерживать пепелища. Каждый десантник был наделён особыми правами, и, встав во

главе ставших сознательными бывших капиталистических граждан, он должен был организовать местные социалистические комитеты самоуправления.

Четверть центнера бумаги было испещрено подробнейшими чертежами самолёта и генераторов импульсов, но, поскольку наш изобретательный псих был не слишком силен в авиастроении, основное внимание на чертежах уделялось таким важным деталям, как туалеты для десантников, ванны для десантников, а также место для поклейки конвертов.

Вообще поклейка конвертов была любимым занятием гениального стратега, тем более что там он ещё и подворо-вывал бумагу для создания своих бессмертных планов. Естественно, что поклейка конвертов также оказалась любимым хобби советских десантников, и длинные деревянные столы и скамейки, подобные больничным, стали непременным атрибутом каждого маленького самолётника.

Вообще за время работы в сумасшедшем доме чего только я не наблюдал. Я понял, что врачи, профессиональные психиатры, нередко затрудняются поставить точный диагноз, и у меня сложилось впечатление, что они сами не могут точно определить, что такое «шизофрения» и где проходит граница между нормой и патологией.

Человеческое сознание под действием каких-то трудно объяснимых, иногда биохимических, а иногда психических процессов давало странные сбои, причудливым и непредсказуемым образом искажая представление о мире.

После того как Учитель рассказал мне о моделях мира и о схемах, которыми человек подменяет реальную действительность, я понял, что мы не слишком сильно отличаемся от тех, кого мы считаем сумасшедшими, просто модели мира «нормальных» людей позволяют им более адекватно приспособиться к окружающей обстановке, то есть лучше выживать.

До развития цивилизованного общества, искусственным образом поддерживающего своих не слишком приспособленных к жизни членов, все проблемы решались при помощи естественного отбора, и именно цивилизация в некотором роде стала стимулятором растущего числа нервных и психических нарушений.

Я никогда не испытывал свойственного многим нездорового интереса к тонкостям духовной жизни личностей с болезненной психикой. В данном случае я не имею в виду официальных сумасшедших, хотя вполне естественно, что яркие проявления сумасшествия всегда вызывали у наших граждан интерес, близкий к тому, который заставляет людей толпиться у места автомобильной аварии, жадно пожирая глазами окровавленные тела жертв катастрофы.

Глубинный источник такого интереса к несчастьям ближнего — это волнующие ощущения, связанные с непроизвольной активизацией сексуальной энергии. Эта спонтанная активизация связана с подсознательным страхом крови и смерти. Оргазмическим ощущениям, связанным с активизацией сексуальной энергии, сопутствует подсознательная радость оттого, что беда обошла тебя стороной. Эта радость обычно сопровождается мифическим ощущением, что ты застрахован от подобных непредвиденных трагедий, хотя, в случае людей мазохистского склада, наоборот, удовольствие может приходить от представления, что то, что произошло, в любой момент может произойти и с ними.

Интерес к сумасшествию имеет ту же природу, что и интерес к чужой смерти, но тут возникающее чувство безопасности ещё большее, поскольку

в глубине души почти каждый уверен, что уж сойти с ума ему точно не грозит.

Возбуждающее влияние того, что Спокойные называли бы «большим рассудком», проявлялось в широкой популярности произведений талантливых писателей с теми или иными психическими отклонениями, не настолько сильными, что бы изолировать их от общества. Так, болезненные фантазии Кафки или эпилептическая надрывность произведений Достоевского заставляли множество людей переживать мощные, волнующие и щемящие эмоциональные всплески.

Причина этого часто заключается в том, что в обыденной жизни людям не хватает ярких и полноценных впечатлений и ощущений. Как я уже упоминал. Спокойные считали впечатления пищи, необходимой для нормального функционирования человеческого организма, пищей, не менее важной, чем еда, вода или воздух.

Неудовлетворяемая потребность в ощущениях и впечатлениях перерастает в жажду ощущений, которую, в зависимости от типа личности, каждый человек удовлетворяет тем или иным путём — через усложнённые интеллектуальные построения, через эмоционально окрашенные фантазии, через какие-то сексуальные фантазии или действия. Естественно, что все три составляющие — сексуальная, эмоциональная и интеллектуальная — в разных пропорциях так или иначе присутствуют в способах, которыми человек удовлетворяет свою жажду ощущений (хотя тут может идти речь и о какой-либо другой жажде или о комплексе жажд, дополняющих жажду ощущений).

Так, например, Достоевский никак не мог избавиться от владевшей им страсти играть и проигрывать, которая приносила ему извращённое мазохистское удовольствие. Его семья постоянно жила в нищете, в беспросветной нужде, и в то же время единственным; что приносило великому русскому писателю временное успокоение, была возможность проиграть последние, на коленях вымоленные у жены деньги, что бы потом в очередной раз бесконечно раскаиваться и молить его «святую» жену простить его за эту недостойную слабость.

В его случае жажда ощущений дополнялась сложным комплексом других жажд, вроде жажды самоунижения, жажды сочувствия и т. д.

Произведения Достоевского, где находили своё выражение терзающие автора жажды, пробуждали у читателей, особенно у тех, чья эмоциональная жизнь была не слишком полноценной, эмоциональные всплески, сопровождающиеся самопроизвольной активизацией сексуальной энергии. Читатели начинали испытывать характерные для психики писателя переживания, болезненные по своей природе, но волнующие и дающие «пищу» ослабленной отсутствием полноценных впечатлений душе. Таким образом полноценные ощущения внешнего мира подменялись суррогатом возбуждающих фантазий внутреннего мира, и человек невольно начинал ограничивать своё восприятие, уходя внутрь и возводя между внешним миром и собой стены неудовлетворённости, недоверия или страха.

В учении Спокойных были разработаны специальные техники «питания психики» за счёт «внутреннего мира» в случае, когда внешний мир не давал достаточного количества впечатлений и переживаний для гармоничного удовлетворения основных потребностей человека. В частности, к этим техникам относились медитации «воспоминания о том, чего не было». Однако подобные техники использовались лишь для того, чтобы компенсировать недостаток впечатлений, но ни в коем случае не подменять общение с внешним миром уходом во внутренний мир. Подобные

компенсирующие пси хотехники можно было сравнить с приёмом женьшеня для повышения общего тонуса организма, в то время как получение кайфа от воображаемых острых эмоциональных переживаний, избыточных сексуальных фантазий, получение переживаний при чтении литературных произведений или фильмов, порождающих сильные эмоциональные всплески болезненного характера, сравнимы с неумеренным потреблением алкоголя для того, чтобы «забыться» или «раскрепоститься». Естественно, что все вышесказанное не означает, что не стоит читать подобную литературу, — талантливо написанное произведение всегда стоит того, чтобы его прочли тать, но не имеет смысла использовать его как своеобразный «наркотик» для извлечения возбуждающих, но болезненных по своей природе переживаний.

— Вот видишь, ты достаточно хорошо знаком с тем, как люди возводят вокруг себя стены, — сказал Учитель, выслушав мои истории о сумасшедшем доме. — Теперь тебе остаётся только научиться возводить стены самому. Хотя, предупреждаю, это не простое и не слишком приятное упражнение. Ты действительно уверен, что хочешь изучить способы ухода от мира?

— Уверен, — сказал я. — Меня интересует всё, относящееся к проявлениям человеческой психики.

— Ну что ж, сам спросился, — как-то нехорошо подмигнул мне Ли. — Никто тебя за язык не тянул. Ты уже успел познакомиться с путями воина, купца и Хранителя Знания. Теперь ты вступаешь на новый путь — путь аскета. Возведение вокруг себя стен в наибольшей мере характерно именно для этого пути.

— Это так сложно? — удивился я. — Я думал, что мне предстоят обычные медитации сужения сознания.

— При помощи сужения сознания ты, конечно, тоже можешь возвести стены между собой и миром, — сказал Учитель. — Но на самом деле это будут не стены, а тоненькие картонные перегородки, лишь загораживающие от тебя окружающий мир, но не защищающие тебя от его проявлений. Те, кто следует по пути отшельника, — серьёзные строители, и их стены по своей толщине превосходят крепостные, а по прочности дадут фору танковой броне. Раз уж тебе так захотелось вступить на путь отшельника, то делай это основательно. Итак, первая стена, которую ты начнёшь возводить вокруг себя, — это стена молчания.

Ли немного помолчал, словно давая мне время осмыслить сказанное, и я решил уточнить.

— Ты хочешь сказать, что мне придется перестать разговаривать с людьми? — спросил я.

— Перестать разговаривать — это лишь начальный этап того, что тебе придётся сделать, — ответил Учитель. — Это не так сложно. Гораздо сложнее перестать хотеть разговаривать.

— В этом ты прав, — согласился я. — Перестать хотеть разговаривать действительно непросто.

— Ничего, ты этого добьёшься, — подбодрил меня Ли. — Практика отказа от разговоров распространена во многих школах и религиозных течениях, особенно аскетического толка. Однако Спокойные использовали отказ от разговоров ещё и в медицинских целях. Это давало больному дополнительные энергетические ресурсы.

Воины, изучающие технику управления чувствами и судьбой, обязательно проходили через этап возведения стены молчания. Но человеку, не склонному к пути аскета, не имеющему формы аскета, крайне опасно

зацикливаться на этой технике, как, впрочем, и на любой другой технике, связанной с возведением стен. Путь аскета, естественно, если им злоупотреблять, может привести к непредсказуемым и очень неприятным последствиям.

Кстати, отказ от разговоров люди нередко используют и в повседневной жизни, в качестве оружия воздействия на близких. Наверное, ты знаешь семьи, где мужья, жёны или дети периодически «замыкаются в гордом молчании».

— Жаль, что мои родители не относятся к этой категории, — заметил я, — особенно мама. Хорошо, хоть отцу обычное бывает лень ввязываться в перепалки. Но у меня действительно есть одна подруга, с которой отец не разговаривает больше года. Кажется, причиной тому послужил не одобренный им чересчур легкомысленный покрой её платья.

Я задумался, вспоминая.

— Да, кстати, ещё один мой приятель почти никогда не разговаривает с женой, — усмехнулся я. — Он очень азартный и не любит уступать. Он мне рассказывал, что игру в молчанку затеяла его жена. Обидевшись за что-то в первые месяцы семейной жизни, она как-то целый день с ним не разговаривала. Мой приятель тоже решил обидеться и, не желая отставать, промолчал трое суток. В следующий раз жена молчала неделю, а он ухитрился выдержать аж целый месяц. С тех пор так и пошло. Сейчас они пишут друг другу записки или общаются через третьих лиц.

— Прямо, как в анекдоте, — усмехнулся Ли. — Муж и жена поссорились и не разговаривают друг с другом. Вечером муж пишет жене записку: «Пожалуйста, разбуди меня завтра в половине восьмого». Наутро муж просыпается в десять часов и находит рядом записку: «Вставай, уже без двадцати восемь».

Я рассмеялся.

— Мне почему-то никогда не приходило в голову, что молчанием люди воздвигают стены между друг другом или между собой и миром, — заметил я. — А ведь, если хоро-

шенько вдуматься, стены можно воздвигать и чрезмерной болтливостью, отталкиванием других людей или отрицанием очевидного.

— Любая модель мира — это уже определённая конструкция, в которой присутствуют стены, — сказал Учитель, — но эти стены относительно тонкие, и они могут менять свои очертания. На самом деле грань между стеной обычной модели мира, и стеной, которой отгораживается от мира аскет или человек с нездоровым рассудком, столь же размыта и неопределённа, как и грань между нормой и патологией в современной психиатрии. Только случаи, находящиеся достаточно далеко от этой грани, могут чётко классифицироваться. В упражнениях, которые тебе предстоят, тебе придётся зайти очень далеко за эту грань.

После того как ты воздвигнешь между собой и миром стену молчания, ты перейдёшь с созданием следующей стены — стены избирательного невидения. Это будет уже по труднее, чем простой отказ от разговоров или даже от желания разговаривать. За стеной избирательного невидения последует полное невидение, а затем избирательное и полное неслышание. Затем ты избавишься от тактильных ощущений.

— Ты что, хочешь сказать, что я должен буду погрузиться в себя до такой степени, чтобы полностью перестать видеть, слышать и воспринимать окружающий мир? — спросил я.

— Ты уже делал это, входя в трансовые состояния, — ответил Ли. — Но тогда эти состояния длились недолго, и обычно ты входил в них под моим

руководством. Теперь тебе придётся проделать всё самостоятельно и пробыть в состоянии полной самоизоляции от мира по меньшей мере несколько дней. Кстати, некоторые аскеты месяцами не выходят из него.

— Да, серьёзная штука, — задумчиво произнёс я. — Похоже, это будет не быстро и не просто.

— Угадал, — усмехнулся Учитель.

Тренировку ухода от окружающего мира я начал с откачки от разговоров. Объяснить маме или отцу, с какой стати я вдруг решил больше ни с кем не общаться при помощи слов и объясняться исключительно жестами, кивками головы или невразумительным мычанием, было невыполнимой задачей. Чтобы хоть как-то оправдать своё поведение, не обидев при этом домашних, соседей, друзей и знакомых, я соорудил на голове впечатляющую повязку с огромным компрессом под нижней челюстью, и, когда кто-либо пытался заговорить со мной, я, состроив очень жалостное лицо, указывал на повязку, издавая страдальческое мычание.

Обычно этого было достаточно. Не склонный к излишней болтливости отец сразу же оставил меня в покое, но из-за навязчивой заботы любимой мамочки оказалось не так просто. Поэтому мне приходилось вставать ни свет ни заря и уходить из дома, возвращаясь лишь поздно ночью, когда она уже спала.

С каждым днём молчание становилось всё менее тягостным для меня, и в конце концов я начал испытывать от него удовольствие. Я даже перестал мычать и вообще издавать какие-либо звуки. На четвёртые сутки я отметил наступление странного внутреннего умиротворения. Я заметил, что даже не реализованное желание что-то сказать или промолчать уже напрягало голосовые связки, и теперь, когда я по степени утрачивал желание общения, голосовые связки что-то по-особому расслаблялись.

Я заметил, что, общаясь жестами или просто стоя рядом с кем-то, я стал меньше наклоняться к этому человеку, чем когда я вступал в беседу. Моя осанка изменилась, став более ровной. Естественно, что теперь я гораздо меньше общался с людьми. Знакомые и соседи свыклись с моим новым состоянием и оставили попытки вступать со мной в контакт.

Следующей стеной, которую я должен был воздвигнуть по заданию Учителя, была стена избирательного невидения. Для начала мне надо было перестать замечать моих знакомых, в буквальном смысле «в упор не замечать их», и перестать общаться с ними даже при помощи мимики или жестов. После того как у меня, очень общительного по природе, действительно пропало желание говорить, я понял, что внутренне готов к полному отказу от общения с людьми. И действительно, ещё через несколько дней я настолько ушёл в себя, что перестал замечать окружающих. Я скользил взглядом по окружающему миру, не фиксируясь ни на чём, что не являлось для меня жизненно важным, например, на потоке машин, когда я переходил через улицу. Всё, что я видел, мгновенно стиралось из моего сознания, как стирается изображение с засвеченной плёнки.

Затем наступил самый сложный этап тренировок. Я заранее договорился с одним из своих учеников, что он поможет мне на время превратиться в настоящего отшельника. У этого ученика был небольшой частный дом недалеко от Симферополя, и он жил там один. Во дворе дома располагалась маленькая времянка, приспособленная для жилья. В нижней части двери времянки был сделан специальный вход для собак в виде плотной резиновой шторки. Ученик обещал мне каждый день, не открывая дверь, ставить внутрь через вход для собаки подносы с едой и питьём, и

точно так же заботиться их обратно, ни в коем случае не пытаюсь открыть дверь или войти со мной в контакт.

Тренировки во времянке я начал с возведения стены неслышания. Освоив неслышание, я перешёл к полному невидению. Чтобы облегчить себе задачу, на первых порах я плотно затыкал уши и завязывал глаза, приучаясь жить в полной темноте. Жизнь без звука и света оказалась странной, неприглядной и очень неприятной. На первых порах меня терзала невыразимая скука. Я учился жить как слепой. Я привыкал к запахам, развивал чувствительность пальцев, отчасти компенсируя недостаток информации тактильными ощущениями. Вскоре я изучил наощупь каждый уголок комнаты. По запахам я безошибочно определял, где находится дверь, где окно, где кровать, а где стоят подносы с едой.

Чтобы окончательно не сойти с ума от скуки, я постоянно что-то делал — массировал тело, двигался, катался по полу. Постепенно я свыкся со своим состоянием слепого и глухого. В конце концов я научился при помощи волевого усилия полностью уходить внутрь, и внутренний мир заменил мне мир внешний. Я слышал музыку, со мной разговаривали какие-то странные голоса, передо мной проходили невероятно яркие, кажущиеся совершенно реальными картины, напоминающие сновидения наяву. Тогда я понял, что уже готов откатиться и от обоняния, и от тактильных ощущений.

Я перестал двигаться. Я просто лёг на кровать на правый бок, и всё бесконечно тянувшееся время посвятил осознанию своего «Я», входя в контакт с основным внутренним стражем, позволяющим мне поддерживать контакты с жизнью и с самим собой (Ли когда-то определил осознание собственного «Я» как общение с основным стражем).

По мере того как связь с основным стражем усиливалась, музыка, голоса и зрительные образы отступали на задний план, и наконец они полностью исчезли. Я погрузился в странное состояние полной отрешённости от всего и в то же время удивительной полноты. Казалось, что в этот момент я стал самим собой. Я был совершенно один. В этом мире больше ничего не существовало, да и мира, как такового, тоже не было. Я стал замкнутой в себе точкой, возможно такой, каковой была вселенная до того, как непонятно какой силой спровоцированный взрыв создал из ничего стремительно разлетающиеся в разные стороны громадные конгломераты раскалённой материи. Пребывая в собственном «Я», я оценил всю прелесть и полноту этого неопишемого состояния, этого абсолютного уединения, когда организму удаётся отдохнуть одновременно и от внешнего, и от внутреннего мира. В то же время я, каким-то непостижимым образом, одним махом перешёл множество тревоживших меня тогда философских проблем. Наверное, не совсем верно было бы употреблять в данном случае слово «решил». Вряд ли бы я сумел сформулировать что-то словами, скорее, я обрёл чувство того, что я их решил. Я снова переосознал, что такое вечность, бесконечность, и ещё более остро прочувствовал свою связь с этим миром.

Но это осознание пришло ко мне ещё до того, как я погружился в своё «Я». Оно сопровождалось причудливыми видениями и ярчайшими галлюцинациями, но, возводя всё новые стены, в конце концов я избавился и от них.

И вдруг, находясь в полной пустоте, я почувствовал, как в глубине моего «Я» формируется и созревает желание вернуться к привычным ощущениям и ярким краскам окружающего мира, вернуться к полноценной, наполненной впечатлениями жизни. Сначала ожил мой внутренний мир, вернувшись ко мне во всей своей

полноте, и я с новой силой осознал невыразимую ценность уникального факта своего рождения на свет.

Потом началось возвращение к внешнему миру, а тело моё возвращалось к жизни. Первым чувством, которое я испытывал, было чувство жажды. Тело, казалось, застыло. Я не мог пошевелить ни одним мускулом. Долго и мучительно я старался вновь обрести контроль над своими мышцами. Сначала я почувствовал, как вздрогнули веки, потом ощутил пальцы ног и даже смог пошевелить ими. Затем до меня дошёл запах. Теперь я знал, где нахожусь и где расположены подносы с едой. Потом я различил запахи стула, стола, обоев. Хотя мои глаза всё ещё были закрыты, казалось, что я вижу комнату сквозь опущенные веки.

Потом ко мне стали пробиваться звуки. Я продолжал свои попытки двигать мышцами. Возникло странное ощущение, что я невидимыми энергетическими руками «разгребаю» их, как щётки снегоуборочных машин разгребают засыпавший улицы снег.

Как только я смог двигать руками, я сорвал повязку с глаз и вынул затычки из ушей. Звуки буквально оглушили меня, и, как ни странно, самым громким и тревожащим оказался звук моего собственного дыхания. Ранее незаметное и едва слышимое, оно вдруг зазвучало как огромный работающий электронасос, с шумом перекачивающий воздух.

На мгновение меня охватил страх, что я ослеп. Несмотря на то что я снял повязку, глаза по-прежнему застилали темнота. Я тут же взял страх под контроль и неожиданно сообразил, что веки у меня всё ещё были закрыты. Я чуть-чуть приподнял их. Меня продолжала окружать темнота, в которой я обнаружил размытые сероватые полосы тусклого света. Я догадался, что на дворе ночь, а свет пробивается из углов занавешенного окна. Это открытие меня окончательно успокоило. Я широко открыл глаза, и меня удивило, насколько хорошо я видел в темноте. Несмотря на ночь и занавешенное окно, я различал контуры стола, стула и даже подноса с едой, стоящего на полу.

Я провёл руками по краю кровати. Казалось, что руки превратились в сверхчувствительный инструмент. Острота и чёткость тактильных ощущений были под стать обострившемуся слуховому восприятию.

Жажда напомнила о себе. Чувствительность в мышцах ещё окончательно не восстановилась, и я, с трудом спустившись с кровати, на коленках пополз до большой пиалы с водой. Почему-то мне захотелось потрогать воду. Я намочил руки и коснулся ими лица, груди. Влажная прохлада вызвала волну странного озноба, прокатившегося по телу. Я подумал, что младенец, впервые познающий мир в ощущениях, должен так же удивляться непривычности того, что с ним происходит.

Я начал пить мелкими глотками. Я пил, пил и никак не мог остановиться. Опустошив пиалу, я снова наполнил её из стоящего рядом кувшина и продолжил пить. Меня удивило, как организм может принять такое количество воды. Потом я ощутил голод.

Вкус пищи тоже был непривычным, но я уже почти пришёл к себе, и наконец в действие активно включился мыслительный процесс. Я осознал всю важность того, что я только что сделал. Это были не просто упражнения по возведению стен между собой и миром. Они были теснейшим образом связаны со многими психотехниками Спокойных, в частности с упражнениями по модификации чувств, которые Учитель уже показывал мне. Зрение я должен был переводить в слух или в тактильные ощущения, вкус переводился в касание. Подобные техники управления чувствами использовались в качестве вспомогательного элемента в действиях, под

разумевающих наличие паранормальных способностей, вроде рассказа по наитию, или при восстановлении целостности картины по какому-то ограниченному кусочку зрительной, слуховой или тактильной информации. Так, с помощью слуха можно было видеть, или можно было чувствовать при помощи зрения.

Когда я выбрался наконец из своего «убежища отшельника», ученик, который носил мне пищу и воду, сказал, что очень тревожился за меня и уже собирался было, несмотря на мой строжайший запрет, открыть дверь и посмотреть, не умер ли я. Оказалось, что, погружаясь в глубины собственно го «Я», я пролежал в полной неподвижности три дня, и ученик каждый раз забирал нетронутую пищу и воду, ставя на её место новый поднос с едой.

Впоследствии опыт «ухода от мира» не раз приговаривался мне в моей знахарской практике.

Одна семейная пара из села Доброе обратилась ко мне с просьбой вылечить их единственного сына, с которым творилось что-то непонятное. С одной стороны, казалось, что мальчик страдал от «задержки развития». Говорить он начал поздно, но, когда заговорил, он делал это чисто и правильно. Создавалось впечатление, что он просто не хотел ни с кем разговаривать. Периодически Женя на долгие часы впадал в задумчивость, ничего не замечая вокруг. Он никогда не смеялся, с большой неохотой откликался на попытки родителей сблизиться с ним и категорически отказывался общаться со сверстниками и посторонними людьми — словом, был типичным «тормозом».

Тем не менее при психиатрических обследованиях семилетний мальчик, видимо инстинктивно понимая, что здесь нужно вести себя по-другому, вёл себя как обычный ребёнок, без особой охоты, но всё же внятно и разумно отвечая на все вопросы, которые задавали врачи, и психиатры не находили у него никаких отклонений.

«Заторможенность» мальчика привела к тому, что родители отказались от мысли послать его в школу и начали заниматься с ним дома. Женя обладал блестящей памятью и хорошим уровнем интеллекта, так что учение давалось ему легко, но его постоянная замкнутость в себе и хроническое нежелание играть или проводить время со сверстниками стали плохо сказываться на его физическом состоянии. Женя слабел на глазах.

Поговорившись с Женей, я сразу понял, что это типичный случай «ухода от мира». Внутренний мир мальчика давал ему гораздо больше, чем внешний мир, точнее, по каким-то причинам он так и не научился получать удовольствие от взаимодействия с внешним миром. Мальчик на меня почти не реагировал, продолжая пребывать в своей странной отрешённой задумчивости.

Поскольку от постоянного пребывания в пассивном состоянии здоровье ребёнка значительно ухудшилось, я решил в первую очередь воздействовать на его организм, повышая общий уровень жизнеспособности. Раз за разом я начал приезжать в Доброе, массируя Женю и всячески стараясь растормошить его. Во время сеанса непрерывно говорил, пытаясь привлечь его внимание. Я рассказывал ему о мечтах, о радостях жизни, расспрашивал его о его жизни, о прошлом и о планах на будущее. Я настолько хорошо настраивался на него, что чувствовал его состояние, его холодное одиночество среди высоких стен, которыми мальчик отгородился от окружающего его мира.

Долгое время мои старания не приносили результата. Всё, что бы я ни делал. Женя воспринимал со стоической покорностью. Даже когда во время

массажа я причинял ему боль, он не протестовал, оставаясь таким же вялым и пассивным. Но я твердо решил довести лечение до конца, тем более что родители мальчика умоляли меня не бросать его, поскольку я был их последней надеждой.

Постепенно Женя стал прислушиваться к моим словам, и наконец настал день, когда я дал ему первый урок рукопашного боя. С этого момента Женя начал включаться в активную жизнь. Насколько я знаю, больше у него не возникало проблем с «уходом от мира».

ГЛАВА 13

Среди ночи меня разбудил телефонный звонок. Я в полусне нашупал телефонную трубку и услышал радостный голос Сергея, моего приятеля из Евпатории и большого любителя воинских искусств.

— Надеюсь, я не разбудил тебя? — бодро поинтересовался Сергей.

Я взглянул на часы.

— Да что ты! Кто же ложится спать в два часа ночи? Это еще детское время, — зевая во весь рот, пробормотал я.

— Извини, если разбудил, — в голосе Сергея не чувствовалось ни капли раскаяния. — Речь идет о жизни и смерти.

— Нельзя ли поподробнее? — попросил я, мучительно борясь с зевотой.

— Ты должен срочно выехать в Донецк! — сообщил Сергей. — Ты будешь нашим делегатом!

— Делегатом? Каким еще делегатом? — не понял я. Спросонья я плохо соображал, и единственная ассоциация, пришедшая мне на ум в связи с этим словом, была связана с очередным съездом нашей родной и любимой Коммунистической партии.

— Мы посоветовались и выбрали тебя, как наиболее достойного, — поспешил обрадовать меня Сергей.

— Неужели? Премного благодарен, — не слишком уверенно отозвался я. — И за что мне такая честь?

Похоже, Сергея начала раздражать моя тупость.

— Ты же отец крымского кунг-фу, — объяснил он. — Вот мы с ребятами посоветовались и решили отправить тебя в Донецк. Там появились отличные самиздатовские книги по боевым искусствам, и мы собрали деньги, чтобы ты смог выкупить их.

Автор выражения «отец крымского кунг-фу» применительно ко мне, к сожалению, остался неизвестным, но кто-то прочно запустил его в оборот, и я развлекался, пытаясь выяснить, что если я отец, то кто же тогда мать.

— А почему ты сам не поедешь? — спросил я. — У меня, как всегда, довольно плотное расписание.

— Говорят, что донецкие рукопашники — весьма своеобразные ребята. Ты можешь быть самым лучшим представителем крымских конфуистов. Нам бы не хотелось ударить лицом в грязь перед дончанами.

— Но ведь нужно всего лишь купить книги, — возразил я. — Мы же не будем устраивать показательные выступления. По крайней мере, я ни с кем драться не собираюсь.

— Конечно, — поспешил успокоить меня Сергей. — Об этом речь и не заходила. Просто мы решили, что было бы лучше, если бы в Донецк поехал ты.

— Ладно, — согласился я. — Пожалуй, я смогу выкроить пару свободных дней.

На самом деле для поездки в Донецк у меня были еще и личные мотивы. Я знал, что в Донецке живёт удивительный знахарь, который лечит

людей, заточая их на весь период лечения в заброшенных штольнях шахт. Звали этого знахаря Павло, с ударением на последнем слоге.

Я услышал о Павле от другого украинского знахаря по кличке Степняк, живущего на Херсонщине. Степняк был хо рошим целителем и очень приятным в общении человеком, но, кроме того, он ещё и страстно увлекался воинскими искусствами древности, собирая любую доступную ему информацию, в том числе и про боевые приёмы славянских, татарских и прочих народов Советского Союза.

Степняка настолько захватили техники Шоу-Дао, что он был готов щедро делиться со мной любимыми рецептами и при ёмами народной медицины в обмен на тренировки. Когда я приезжал к нему в гости, мы проводили долгие часы, спаррингуясь и отрабатывая приёмы, а потом, за чаем, он рассказывал мне множество интересных историй о мире знахарей.

До Степняка я, в основном, общался с народными целителями, которые были полностью замкнуты на самих себе, считали свои методики лучшими и уникальными и готовы были зубами и когтями драться с возможными конкурентами за своих пациентов. Степняк был совсем не такой. Как выяснилось, он принадлежал к негласному обществу знахарей, члены которого были разбросаны по всему Советскому Союзу, но тем не менее активно обменивались между собой информацией, лекарственными травами и средствами, а заодно и новыми методиками целительства.

Через Степняка мне удавалось доставать очень редкие травы. К моему удивлению, оказалось, что через того или иного целителя можно было достать лекарственные растения, произрастающие даже в самых удалённых уголках планеты. На наших азиатских границах все годы Советской власти процветала контрабанда лекарственных трав, и тюки с сырьём на спинах носильщиков доставлялись через горы из соседних государств.

О донецком целителе я узнал случайно. Одна моя знакомая просила меня помочь ей вылечиться от тяжёлого хронического заболевания лёгких, но, поскольку у меня не было времени и возможностей серьёзно заняться её лечением, я обратился к Степняку, надеясь подкинуть пациентку ему.

— Это не для меня, — покачал головой Степняк. — Есть другой знахарь. Он её быстрее вылечит. Её надо к Павлу отправить, — с ударением на последнем слоге сказал он.

— А кто такой этот Павел? — заинтересовался я.

— Не Павел, а Павло, — поправил меня Степняк. — Это уникальный целитель. Конечно, характерец у него тот ещё, не позавидуешь, но лечит здорово. Такого больше никто не делает.

— А как он лечит? — спросил я.

— Шахтами, — ответил Степняк. — Он запирает чело века в заброшенную штольню и там издевается над ним как может, — заставляет его голодать и выполнять различные процедуры, подвергает психическому и физическому насилию, в общем чего только не вытворяет. Иногда он запирает больного на две недели, а то и на месяц в полной темноте, или при слабом свете. В зависимости от заболевания, стены келий, в которых живут больные, он выкладывает разными минералами, в частности каменной солью.

— И это срабатывает? — с сомнением спросил я. — Звучит всё это немного устрашающе. Неужели люди идут к нему?

— Ещё как! — воскликнул Степняк. — У Павла всё срабатывает. Он говорит, что невыносимые условия, которые он создаёт, обостряют защитные силы организма и организм под влиянием дополнительного

стресса в конце концов излечивается. Отправь к нему свою лёгочную больную. Уверен, что она выздоровеет.

Мне сразу захотелось своими глазами посмотреть, как лечит этот загадочный дончанин с плохим характером. Но, к сожалению, у меня не было ни времени, ни денег, чтобы специально для этого отправиться в Донецк.

И вот теперь я надеялся встретиться с этим странным целителем, договориться с ним о лечении моей знакомой и, возможно, даже посмотреть на его шахты и процедуры.

Наутро я позвонил своим знакомым из Комитета Госбезопасности, и они помогли мне купить билет на поезд, отправляющийся в Донецк вечером того же дня. Наученный горьким опытом предыдущего общения с иногородними любителями восточных единоборств, я дал себе слово не устраивать никаких учебно-показательных спаррингов, поскольку подобные затеи обычно быстро переходили с учебного плана на уровень: «а ну-ка, козел симферопольский, посмотрим, кто круче».

Удобно устроившись на верхней полке, я почти с нотами тальгической нежностью вспоминал период, который я мог бы назвать своей юностью в мире боевых искусств. Хотя с тех пор прошла всего лишь пара лет, я, под влиянием Учителя, настолько изменился, что иногда мне казалось, что я повзрослел на целую жизнь, и слово «юность» для меня в определённом смысле стало синонимом хотя и восхитительной, но все же глупости, избытка гормонов и наивного романтизма.

В книге «Тайное учение даосских воинов» я уже упоминал об Эльюнси Мухаммеде по кличке «Мишель». Он был подданным Туниса и учился в Симферопольском медицинском институте. Эльюнси был хорошим специалистом рукопашного боя, но при этом крайне неприятной личностью.

Мишель обладал способностью оказывать психологическое воздействие на окружающих и широко этим пользовался, подчиняя своей воле учеников до такой степени, что они делились с ним даже своими женами.

До встречи с Учителем меня очень интересовала техника рукопашного боя Мишеля, но отношения с ним у меня не сложились — то ли он интуитивно чувствовал во мне соперника, то ли понимал, что манипулировать мной было не так просто, как другими, и я не мог учиться непосредственно у него.

Однако я не сдавался и решил заслать к нему шпиона — одного из моих приятелей и учеников. Выбор пал на Костю Потлатова — студента мединститута, и нам даже удалось сделать так, что в конце концов Костю подсадили в комнату Эльюнси.

Первое время Костя честно работал на «нашу разведку», принося новые сведения о тренировках Мишеля и о его боевых техниках, но мы не учли один очень важный фактор

— влияние жесткой и жестокой личности Эльюнси на ученика.

Мишель полностью подчинил себе нового соседа по комнате, так что Потлатов с рабской покорностью выполнял все его указания. Наши общие знакомые рассказывали, что он взял на себя все заботы по хозяйству, убирал комнату, застилал Эльюнси постель и готовил ему еду. Если Мишелю казалось, что Костя недостаточно расторопно выполняет его поручения, он даже прибегал к физическому наказанию в виде нескольких сиккенов* в различные части тела. Постепенно Потлатов перестал общаться со мной и со своими прежними друзьями, а если мы случайно встречались, он восхвалял мудрость и силу своего нового наставника почти на уровне культа личности.

Меня это не волновало, поскольку я уже начал обучение у Ли и, в сравнении с учением Спокойных, техники Мухамме да потеряли для меня свою привлекательность.

Примерно через год обучения у Эльюнси Потлатов решил доказать превосходство его школы, вызвав на поединок

* Сиккен — разновидность удара рукой.

моего приятеля и ученика, Семена, которому я показывал многие техники Шоу-Дао.

Я уже упоминал о Семене в книге «Тайное учение даосских воинов». Он был одним из кандидатов в мои напарники, которого отверг Ли, сказав, после беглого взгляда на него, что у этого человека слишком огненная воля и что на короткое время он может быть верным другом, но он не способен стать хорошим партнером, поскольку у него непомерная жажда самоутверждения и жесткая, всепоглощающая целеустремленность.

Учитель, как всегда, оказался прав. Я сразу рассказал как-то Семену о том, что Ли не согласился сделать его моим напарником, предпочтя ему Славика, и с тех пор наши отношения дали трещину. Я чувствовал, что Семен так и не смог простить мне отказа, в котором я ни капельки не был виноват. Однако в то время мы еще активно тренировались вместе, и, когда Семен сообщил мне, что Потлатов предложил ему драться с ним и с еще одним представителем школы Эльюнси, я не одобрил этого, понимая, что ничего хорошего из подобной затеи не выйдет, но мой приятель, как всегда, шел напролом, не желая показаться трусом.

Мишель со своими учениками встретился с Семеном в одном из спортзалов Симферополя. Судить поединок должен был некто Пожарский, человек, влюбленный в боевое искусство и изучавший рукопашный бой как у меня, так и у Мишеля. Я относился к этому человеку с искренним уважением, поскольку он, начав изучать воинские искусства в возрасте около сорока лет и находясь почти на грани инвалидности, в относительно короткий срок превратился в сильного спортсмена.

Незадолго до того, как Пожарский начал заниматься кунг-фу, он был вынужден даже продать свою любимую «Волгу» вишневого цвета из-за того, что он начал терять сознание за рулем, но через несколько лет упорных тренировок он, не останавливаясь, мог избежать на Чатырдаг. В то же время Пожарский стал жертвой характерной для многих рукопашников жажды проверять себя и окружающих через боль, через поединки в полный контакт, ставящие бойца на грань жизни и смерти.

Семен наивно полагал, что его ожидает обычный бесконтактный поединок или спарринг в неполный контакт по стандартным правилам. Однако, когда Эльюнси заявил, что ему предстоит драться в полный контакт с каждым из его учеников до потери сознания, Семен из гордости уже не мог отказаться.

Своего первого противника он уложил через несколько секунд молниеносным ударом в челюсть. Нокаут был настолько мощным, что у ученика Мишеля пошла изо рта кровавая пена и он пришел в сознание лишь спустя несколько минут, но еще долго не мог восстановить координацию движений.

Теперь Семену предстояло драться с Потлатовым. По жарский, обеспокоенный слишком суровым исходом предыдущего поединка, начал активно вмешиваться, пытаясь предотвратить серьезное увечье или даже смертельный исход.

Дважды он помешал Семену нанести решающий удар, перехватывая его руку или блокируя удар ногой. Каждый раз судья взывал к разуму

Эльюнси, умоляя его прекратить по единок, но Мишель хладнокровно продолжал посылать своего ученика на убой.

Наконец удар Потлатова разбил Семену губы и подбо родок. Кровь хлестала с такой силой, что было необходимо наложение швов. Только тогда Мухаммед прекратил поединок, громогласно заявив о решающей победе своей школы.

На самом деле Семену крупно повезло, потому что, если бы он вырубил и Потлатова, ему пришлось бы драться с самим Эльюнси и тут ему действительно пришлось бы туго.

Я вспоминал этот случай и многие другие нелепые «смертельные схватки», в которые по чистой глупости ввязывались мои знакомые рукопашники, и дал себе слово любой ценой избегать в Донецке подобных приключений.

Сойдя с поезда, первым делом я решил направиться к Павлу.

Знахарь жил в небольшой двухкомнатной квартире в блочном доме. Открыв дверь в ответ на мой звонок, он окинул меня мрачным и подозрительным взглядом.

Я улыбнулся как можно доброжелательнее и объяснил, что я от Степняка, что я сам увлекаюсь целительством и пришёл поговорить о моей знакомой, которая хотела бы лечиться у него.

Похоже, Павло колебался, впускать меня или не впускать, но, видимо, имя Степняка сделало своё дело, и он с вымолвленной неохотой приоткрыл дверь, кивком головы пригласив меня зайти. Квартира была грязная, захламлённая, тёмная и унылая. Я подумал, что чем-то она напоминала шахту.

— Что там за пациентка у тебя? — сразу перешёл к делу целитель.

Я объяснил.

— Ладно, присылай, — мрачно буркнул Павло. — Вы лечим.

Он бросил на меня неприязненный взгляд, давая понять, что время аудиенции закончилось. Я уже понял, что увидеть шахты мне не светит, но надеялся вытащить из неразговорчивого целителя ещё какую-нибудь информацию.

— Извините, если я отнимаю у вас время, — сказал я, — но Степняк говорит, что вы единственный в своём роде. Не могли бы вы немного рассказать мне о том, как вы лечите?

— А что я? Шахта лечит! — буркнул Павло.

Я сделал ещё пару безуспешных попыток вытянуть что-либо из неразговорчивого дончанина, но, кроме отрывистых «шахта лечит» или «шахта вылечит», мне так больше ничего не удалось из него выжать.

Почему-то стиль его речи вызывал у меня устойчивую ассоциацию с неожиданно пришедшей на ум фразой «могила тебя исправит».

Забегая вперёд, я упомяну, что всё-таки послал к Павлу мою знакомую, честно рассказав, что процесс излечения будет не слишком приятным. Однако у неё хватило смелости отправиться в шахту, и действительно, Павло, как и обещал, вылечил её.

Но несмотря на то, что болезнь отступила, похоже, что общение с целителем стало для этой женщины сильным шоком, вплоть до психической травмы. У неё заметно испортился характер, она стала угрюмой и нелюдимой. Как говорится в пословице: «одно лечит, другое калечит».

От Павла я отправился по адресу, который мне дал Сергей, и встретился с группой любителей боевых искусств. Из бесед с ними о себе, я рассказал об иностранных студентах, живущих в Симферополе и владеющих разными стилями боя.

Я закупил всю имеющуюся в наличии самиздатовскую литературу по боевым искусствам, выполнив таким образом задание общественности. Пришло время возвращаться в Крым.

Я находился в гостиничном номере, упаковывая свои вещи, когда меня охватило специфическое чувство преследования. Я сам не понимал, из-за чего оно возникло, но я был уверен, что за мной следят.

Я вышел из номера с большой дорожной сумкой из кож заменителя, на которой красовалась эмблема чемпионата Европы по дзю-до — два белых равносторонних треугольника с венчающими их сверху белыми кругами, видимо символы зирующими головы борцов.

Я несколько раз осматривался вокруг, пытаюсь обнаружить преследователей, и, хотя ничего подозрительного не заметил, ощущение опасности не оставляло меня. Основываясь скорее на интуиции, чем на реальных фактах, я решил, что вряд ли в этот раз за мной следят правоохранительные органы или бандиты. Скорее всего, это были местные «сен-сеи», решившие «проверить» приезжего.

На вокзале я убедился, что мои подозрения были обоснованы. За мной следили два крупных, хорошо физически развитых парня. Делали они это не слишком профессионально, то ли стараясь напугать меня, то ли боясь потерять меня из виду. Я понял, что, скорее всего, они были в гостинице, когда я почувствовал их присутствие, но затем, зная, что я собираюсь на вокзал, они встретили меня уже здесь.

Сделав вид, что я их не заметил, я отправился в мужской туалет, расположенный в конце платформы. Как и большинство советских привокзальных туалетов, он не блистал особой чистотой. В середине выщербленного кафельного пола красовалась огромная зловонная лужа, дверь в одну из кабинок была выбита, и ее покосившийся край упирался в бортик грязного унитаза.

Я зашел в туалет, сняв сумку с плеча и держа ее на весу, а следом за мной вошла дружная парочка амбалов. Один из них остановился сбоку от меня, другой постарался зайти за спину, но я развернулся таким образом, чтобы контролировать их перемещения.

— Это что за ерунда нарисована у тебя на сумке? — поинтересовался тот, что сбоку, в типичном стиле: «ты козел, — за козла ответишь».

Я промолчал.

— Чемпионат Европы по дзю-до, — продемонстрировал свою грамотность другой. — Ишь ты, дзюдоист выискался.

Я подумал, что для некоторых людей необходима пусть небольшая, но преамбула для начала военных действий. Я не нуждался в преамбулах. Не собираясь связываться в дискуссию, я слегка развернулся и левой ногой ударил в пах парня, стоящего у двери. Он взвыл и согнулся, сделав шаг вперед, и в этот момент я швырнул сумку с книгами в дверной проем, чтобы она во время драки не упала в нечистоты и моя бесценная самиздатовская литература не промокла.

Сумка была тяжелой, мое движение оказалось неловким, и это спасло меня от мощного и резкого удара ногой по дуге типа маваша. В момент, когда мой второй противник выполнил этот виртуозный удар, я как раз поскользнулся и, пытаясь сохранить равновесие, уцепился за оторванную дверь.

Удар пришелся точно в косяк двери буквально в миллиметре над моей головой, и амбал с душераздирающим воплем ухватился за разбитую голень.

Я восстановил равновесие и, вытянувшись в струнку, что было силы, врезал ребром стопы по колену пока еще целой ноги, на которой он стоял.

Потеряв равновесие, виртуоз ударов ногами шлепнулся в лужу мочи.

Его приятель, еще не отошедший от удара в пах, согнувшись, глотал ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Я сделал к нему широкий шаг и ударил его локтями в области спины и поясницы. Описав небольшую дугу, он с размаху плюхнулся на своего приятеля, катающегося в нечистотах.

Быстрым шагом выйдя из туалета, я подхватил сумку и, внимательно осмотревшись вокруг, бегом пересек железнодорожные пути и спрятался за товарным поездом, присев на подвеску одного из его вагонов. Я не хотел идти в зал ожидания, подозревая, что там меня могли ожидать новые неожиданности.

Со своего наблюдательного пункта я мог наблюдать за парочкой, которая, выбравшись из туалета, хромая, продефилировала по платформе к выходу.

Против обыкновения, я занял свое место в поезде в последнюю минуту перед отправлением. Когда поезд тронулся, я с облегчением вздохнул.

Сергей встретил меня на платформе, пылая энтузиазмом. Мы отошли в укромное местечко, и он, присвистывая и причмокивая от восторга, осмотрел сокровища самиздата, которые я извлек из сумки.

— Я прямо сейчас отнесу все к приятелю, который раз множит книги на всю компанию, — сообщил он. — Ну как, тебе понравилось в Донецке?

— В следующий раз делегатом поедешь ты, — не вдаваясь в подробности, отмахнулся я.

Встретившись с Ли, я первым делом рассказал ему о встрече с Павлом и посоветовал на то, что так и не смог увидеть, как именно лечит донецкий целитель.

— У тебя уже был подобный опыт, — заметил Учитель, — Конечно, речь не идёт о деталях, но идея заключается в помещении больного в ограниченные замкнутые объёмы. Разве ты забыл, как ты выполнял медитативные упражнения в ограниченных пространствах?

— Ты имеешь в виду медитации в гроте? — спросил я.

— И их тоже, — сказал Ли.

О гроте, расположенном недалеко от Партизанского дохранилища, я уже упоминал на страницах книги «Тайное учение даосских воинов». Целью медитаций, которые я выполнял в гроте, было повышение защитных сил организма. Грот был на удивление уютным, хотя и небольшим. За узким отверстием в скале скрывалась маленькая овальная пещера. Лучи солнца, падающие через входное отверстие, нагревали камень, и на нём было тепло сидеть, но в то же время верхняя часть моего тела находилась в тени. Я чувствовал, что грот окутывает меня, как уютный и надёжный кокон. Возможно благодаря этому, в гроте ко мне особенно быстро приходило изменённое состояние сознания через специфическое ощущение тела, частично замкнутого в каменный мешок.

— Значит, мои медитации в гроте были сродни тому, что делает Павел со своими пациентами? — спросил я.

— В том, что касается воздействия на человека замкнутыми пространствами, да, — ответил Учитель. — Человек, находящийся в замкнутых пространствах специфической конфигурации, невольно начинает накапливать защитную энергию. Энергия, исходящая от его тела, отражаясь от мощных каменных стен, возвращается обратно, создавая вокруг тела энергетический слой повышенной плотности. Организм на чинает восстанавливаться и запасать на будущее излишки энергии. Поскольку разные минералы по-разному взаимодействуют с энергетикой

человеческого тела, выкладывая стены пещеры нужными минералами, Павло добивается дополни тельного эффекта в лечении тех или иных заболеваний.

Мы с тобой уже успели изучить множество техник, ко торые могут использоваться в том числе и как лечеб ные. Эти техники связаны с лечением местностью. На самом деле по чти любое воздействие на человека может лечить, если это воздействие правильно направлено и правильно организова но. Лечит движение, лечит дыхание, лечит покой, лечит стресс, лечит местность, лечат открытые или, наоборот, зак рытые пространства, лечит одиночество и лечит общение, лечат травы, лечат минералы, и так далее. Твоему донецко му знахарю, очевидно обладающему блестящей врачебной интуицией, удалось создать свой собственный метод, отве чающий склонностям его мрачноватой и замкнутой личнос ти, и этот метод оказался эффективным. Но не стоит слиш ком страдать оттого, что ты не изучил технику Павло. У тебя в любом случае нет условий для её применения, и у тебя нет склонности к психологическому и физическому садизму в об рашении с больными. Ты просто лишний раз убедился в том, что арсенал лечебных воздействий, изобретённых челове че ством, удивителен и необычайно обширен. Ты сам уже обла даешь достаточным количеством информации, чтобы не ко пировать других целителей, а с успехом прокладывать свой собственный путь.

ГЛАВА 14

Несмотря на то что я неоднократно добивался успеха в лечении самых различных заболеваний, иногда случало сь, что результаты лечения удивляли даже меня самого. Особенно это касалось некоторых даосских техник, которые в глубине души я относил уже к области чистой магии, по скольку не мог подобрать никакого более или менее научно го объяснения происходящему.

Одна семейная пара обратилась ко мне по поводу бес плодия. Лена и Стае знали меня давно, и вначале Лена про сто посетовала на то, что, несмотря на страстное желание иметь ребёнка, у них ничего не получается.

Лена объяснила, что прошла полное медицинское об следование, и врачи сказали, что у неё всё в порядке и нет никаких видимых причин, чтобы она не могла иметь детей.

Поскольку разговор об этом зашёл случайно, я, не слиш ком задумываясь о своих словах, брякнул:

— Бесплодной не всегда бывает женщина. Возможно, в том, что у вас ничего не получается, виноват мужчина. Мо жет, тебе стоит поискать другого партнёра?

Как выяснилось, мою не слишком удачную шутку де вушка восприняла всерьёз.

Несколько месяцев спустя Лена и Стае попросили меня о встрече.

— Мы последовали твоему совету, но всё равно ничего не получилось, — сокрущённо сказал Стас.

— Какому совету? — не сразу сообразил я.

— Как какому? Найти другого мужчину, — спокойно объяснила Лена.

— Мы договорились с братом Стаса, что он сделает мне ребёнка, я специально подгадывала нужные дни, мы пытались несколько раз, но ничего не вышло. А уж брат-го точно не бесплодный, у него ребёнок есть.

— Я тоже ходил к врачам провериться, не бесплоден ли я, — вмешался Стас. — Врачи говорят, что мы оба в пол ном порядке, и они не понимают, почему мы не можем иметь детей, а не понимая, в чём дело, они, естественно, не могут и помочь нам.

Тут я решился всерьёз взяться за лечение. Было ясно, что речь идёт о каком-то функциональном нарушении. Я по пробовал прижигание и массаж, но это не помогло. Учитель к тому времени уехал на Дальний Восток, и я не мог попросить у него совета. Я принялся ворошить свои конспекты в поисках старинных народных рецептов от бесплодия, но то, что я там находил, вряд ли смогло бы помочь Лене.

Одним из самых оригинальных рецептов было ношение на шее живого скорпиона в холщовом мешочке, подвешенно го на уровне солнечного сплетения. Это был китайский рецепт. Страх перед вкусом скорпиона заставлял женщину не прерывно сосредоточиваться на области под мечевидным отростком, которая считалась «сосудом зачатия», и это стимулировало её способность к зачатию ребёнка.

Потом ко мне внезапно пришло воспоминание о том, что когда-то объяснила мне Лин.

— У некоторых женщин бывает холодная матка, — сказала она. — Такие женщины с физиологической точки зрения кажутся совершенно здоровыми, и тем не менее они не могут родить.

— Что означает «холодная матка»? — спросил я.

— Слишком много инь, — объяснила Лин. — Хотя внешне матка здорова, у неё просто не хватает сил для того, чтобы выполнить то, что предназначено ей природой.

— И что нужно делать в таких случаях? — поинтересовался я.

— Облучение луной, — сказала кореянка.

— А что это такое?

— Увидишь, когда наступит полнолуние, — улыбнулась моя возлюбленная.

Я поразился своей забывчивости. Как странно, что только сейчас мне пришло в голову, что единственное объяснение происходящего с Леной — это то, что у неё холодная матка.

Я вспомнил ночь полной луны и сказочно прекрасное обнажённое тело кореянки с распущенными волосами, озарённое лунным светом. Лин стояла у открытого настежь окна времянки.

— Когда нет туч, я каждое полнолуние выполняю облучение луной, — объяснила мне Лин. — Луна настраивает цикл женщины, согревая её естественным, поэтому купание в лунном свете исключительно полезно для женщин любого возраста. А если женщина страдает какими-то женскими расстройствами, то прежде, чем начинать лечение, ей нужно провести несколько полнолуний наедине с луной. Тогда, может быть, и лечение не понадобится.

— А что ты делаешь, общаясь с луной? — спросил я.

— В принципе, можно даже вообще ничего не делать, а просто подставлять тело лунному свету или спать в лунных лучах. Но гораздо эффективнее дышать лунным светом. Это стандартная медитация, сопровождаемая мыслеобразом того, что ты вдыхаешь лунный свет и он равномерно растекается по твоему телу, наполняя его силой луны, насыщая его лунной энергией. Можно представить, что лунные лучи пронизывают твоё тело насквозь, как если бы ты был привидением, или можно уже на интуитивном уровне выполнять ещё какие-либо изобретённые тобой техники.

Конечно, в глубине души у меня сохранялись сомнения в том, что облучение лунным светом может оказаться достаточно эффективным для излечения от бесплодия, но поскольку других идей у меня в данный момент не возникало, я посоветовал Лене в течение нескольких месяцев каждое полнолуние облучаться и дышать лунным светом.

Месяца полтора спустя, когда я пришёл домой, мама протянула мне записку.

— Тут какой-то парень приходил, — сказала она. — Принёс тебе два мешка разносолов, спирт, окорока, говорит, что даже не знает, как тебя благодарить. Что ты ему такое сделал?

Я развернул записку и прочитал:

Я назову нашего сына твоим именем.

Стае.

— Пожалуй, ему стоило бы поблагодарить не меня, а луну, — улыбнувшись, сказал я.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ БОЕВЫХ ИСКУССТВ «ШОУ-ДАО» и НИПКЦ «ВОСХОД»

приглашают Вас на постоянно действующие заочные курсы по воинским искусствам, выживанию, оздоровительным и медитативным практикам.

Заочные курсы имеют следующие направления:

1. Клановая школа Шоу-Дао. Воинское искусство.
2. Универсальная боевая система «УНИБОС». Бой с оружием и без оружия. Основы боя на уничтожение.
3. Выживание.
4. Фехтовальная практика Востока. Кали Эскрима, Шоу-Дао. Нож, меч, палки.
5. Фитотерапия и лечение средствами животного и минерального происхождения.
6. Медитативные даосские практики и пигун. Работа с сексуальной энергией.
7. Психотехники счастья. Контроль над сознанием и эмоциями. Общение.
8. Фэн-шуй Шоу-Дао («Яйцо на острие меча»).

Также проводятся трехдневные сессии обучения воинским искусствам по непрерывной шоу-даосской циклической схеме: «три часа тренировки, три часа отдыха», описанной в книге «Обучение у воды» и обеспечивающей полное и глубокое погружение в учебный процесс.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ БОЕВЫХ ИСКУССТВ «ШОУ-ДАО»

приглашают Вас на семинары, посвященные шоу-даосским техникам работы с сексуальной энергией, оздоровительным методикам «Спокойных», техникам по достижению гармонии тела, духа и окружающего мира «Яйцо на острие меча», искусству быть счастливым в соответствии с учением «вкус плода с дерева жизни», а также умению распознавать типы людей и структуры их моделей мира и сделать общение с окружающими плодотворным и взаимовыгодным.

Семинары предназначены для всех, кто хочет изменить к лучшему свою жизнь, встать на путь здоровья и творчества, повысить уровень жизненных сил, укрепить организм, избавиться от неврозов, психосоматических и эмоциональных расстройств, пагубных привычек и негативных последствий стресса, достичь эмоциональной стабильности и внутренней гармонии, научиться понимать окружающих людей и ладить с ними, уметь быть счастливым и выходить победителем из самых затруднительных ситуаций, обрести новые жизнеутверждающие стимулы к личностному росту и саморазвитию, научиться наслаждаться каждым мгновением прожитой жизни, а также овладеть секретами целительного, стимулирующего и божественно прекрасного даосского секса.

Семинары проводит Александр Медведев, президент международной ассоциации боевых искусств Шоу-Дао, вице-президент военно-спортивной ассоциации УНИБОС, главный консультант журналов «Боевое искусство планеты» и «Спецназ», инструктор рукопашного боя военной академии им. Фрунзе.

ТЕМЫ СЕМИНАРОВ:

1. **ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ ШОУ-ДАОССКИХ ПСИХОТЕХНИК** (вводный семинар).
2. **СЕКСУАЛЬНЫЕ ЭНЕРГИИ «СПЯЩЕЙ СОБАКИ»** (оздоровительные упражнения, техники активизации и восстановления организма через потоки оргазмических ощущений, снятие неврозов и стабилизация нервной системы).
3. **СЕКСУАЛЬНЫЕ ЭНЕРГИИ «СПЯЩЕЙ СОБАКИ»** (корректировка нарушений в половой сфере, упражнения для избавления от половой холодности и импотенции, раскрепощение психо-эмоциональной сферы, снятие последствий стресса и синдромов хронической усталости, прочистка энергетических объемов).

4. **СЕКСУАЛЬНЫЕ ЭНЕРГИИ «СПЯЩЕЙ СОБАКИ»** (техники работы с сексуальной энергией для пар, стремящихся достичь в своем сексуальном общении высшей степени наслаждения и гармонии).
5. **СЕКСУАЛЬНЫЕ ЭНЕРГИИ «СПЯЩЕЙ СОБАКИ»** (развитие чувственности и чувствительности, раскачка и стабилизация эмоциональной сферы, упражнения по активизации внутренней энергии через систему упражнений с разнополыми партнерами и с группами партнеров (тренировки происходят в одежде и без традиционных сексуальных контактов).
6. **«ЯЙЦО НА ОСТРИЕ МЕЧА»** — гармония тела, духа и окружающего мира. Овладение теоретическими и практическими основами оздоровления тела, достижения эмоционального равновесия и умения гармонично организовывать как свой внутренний мир, так и свое внешнее окружение, гармония жилища, рабочего места и контактов с другими людьми.
7. **«ВКУС ПЛОДА С ДЕРЕВА ЖИЗНИ»** — первичные медитации, направленные на получение наслаждения от жизни, окружающего мира и себя самого, искусство быть счастливым и делать счастливыми своих близких.
8. **«АРОМАТ ПЛОДА»** — искусство общения с людьми, создания нужного впечатления о себе, умения понимать и анализировать свою собственную модель мира и модели мира других людей. Коррекция и гармонизация противоречивых моделей мира. **Длительность семинара — 2 дня (суббота и воскресенье).**

Стоимость обучения (за один семинар): за наличный расчет — рублевый эквивалент 60 долларов США по текущему курсу на день оплаты; за безналичный расчет (только для жителей России) — рублевый эквивалент 80 долларов США по текущему курсу на день оплаты.

Для участия в семинарах необходимо; зарегистрироваться не позже чем за две недели до начала семинара, внести регистрационный взнос в размере рублевого эквивалента 10 долларов США по текущему курсу на день оплаты (регистрационный взнос не возвращается).

О времени проведения семинаров и порядке регистрации участников вы можете узнать: 111621, г. Москва, ул. Оренбургская, д. 15, офис 226, тел/факс (095)700-12-08. E-mail: voshod@inforser.ru <http://user.portal.ru/~dao>

ВНИМАНИЕ! По вопросу индивидуальных занятий с А.Н. Медведевым обращаться по тел. (095)700-12-08

Готовятся к публикации книги Александра и Ирины Медведевых из новой серии «ТЕХНОЛОГИЯ СЧАСТЬЯ»: «ФОРМУЛЫ СЧАСТЬЯ», «ПСИХОТЕХНИКИ СЧАСТЬЯ» и «СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ И СЕКС».

Книги этой серии посвящены доступному каждому человеку искусству быть счастливым. Вопрос о счастье являлся одной из важнейших составляющих учения Спокойных, и умение быть счастливым с раннего детства закладывалось в личность шоу-даоса.

Что такое счастье? Достижимо ли оно? Как прийти к этому состоянию? Почему люди не умеют быть счастливыми? Что нужно человеку для счастья?

На эти и на многие другие вопросы вам ответят книги серии «Технология счастья».

Простым и доступным языком в книгах изложены многочисленные даосские психотехники, специальным образом адаптированные для использования европейской аудиторией и предназначенные для самых разных целей — умения наслаждаться жизнью и окружающим миром, умения любить себя и других, омоложения и укрепления организма, повышения творческого потенциала и уровня жизненных сил, достижения эмоциональной стабильности и избавления от неврозов, депрессии и психосоматических расстройств.

В книгах приводятся даосские теории структуры личности человека, классификации типов личности и основанные на них техники общения, позволяющие полноценно реализовать свой собственный личностный потенциал и сделать свое общение с окружающими полноценным и взаимовыгодным.

Рекомендуем прочитать книги из серии «Путь Шоу-Дао»:

«ТАЙНОЕ УЧЕНИЕ ДАОССКИХ ВОИНОВ» — это захватывающий рассказ об обучении А.Н. Медведева у корейского учителя Ли Н. из тайного восточного клана Шоу-Дао. Круг охватываемых здесь тем значительно шире сферы боевых искусств и включает в себя много информации по искусству жизни в целом. Книгу можно рассматривать и как глубокое эзотерическое, и как увлекательное художественное произведение. Опыт А.Н. Медведева, изложенный с его слов его женой, свидетельствует, что глубокие тайные знания и учения существуют сегодня не только в Индии, Мексике и других странах, о чем мы знаем из книг Кастанеды, Гурджиева, Йогананды и других, но и в нашей стране.

«ОБУЧЕНИЕ У ВОДЫ» — продолжение первой книги, столь же захватывающее и

интересное. Охватывает полугодовой период обучения в крымских лесах у Партизанского водохранилища.

В серии «СОХРАНЕННОЕ СОКРОВЕННОЕ» выходят первые две **книги** Александра Медведева (объединенные в одну):

«КУНГ-ФУ: ШКОЛА БЕССМЕРТИЯ» — книга знакомит со школой Шоу-Дао. Приводится ряд упражнений и приемов из ее арсенала, относящихся к начальному этапу обучения рукопашному бою.

«СЕКСУАЛЬНЫЕ ЭНЕРГИИ СПЯЩЕЙ СОБАКИ» — книга посвящена секретным способам пробуждения, укрепления и управления внутренней энергией человека, известной большинству европейцев под названием Кун-далини.

Серия «БОЙ НА ПОРАЖЕНИЕ, СПЕЦТЕХНИКИ, ВЫЖИВАНИЕ»

- посвящена тактике, стратегии и технике реального скоростного боя на поражение как с применением, так и без применения оружия, а также спецтехникам и выживанию.
- Бой при ограниченных возможностях (рукопашная схватка одной рукой).
- Противодействие ударам ног без оружия.
- Основы противодействия захватам.
- Скоростной бой. Противодействие при угрозах и атаках ножом
- Гвоздь, штырь, камень, ветка в рукопашной схватке.
- Скоростной бой. Противодействие атакам палкой.
- ПОБОС. Основы применения короткой резиновой дубинки.
- Скоростной бой. Боевые связки без оружия, основанные на ударах.
- БАРС (Боевая Армейская Система). Работа с оружием в рукопашной схватке.

Новинка этой серии. СПРАВОЧНИК СНАЙПЕРА.

Книга представляет собой справочник содержащий баллистические таблицы по наиболее применяемым образцам снайперского оружия, формулы и примеры баллистических расчетов, способы определения дистанции до цели. В справочнике изложены способы введения поправок на расстояние, ветер, движение цели и метеоусловия, а также практические **приемы** пристрелки оружия и стрельбы в особых условиях.

Подробно излагаются расчетная и тактическая методики, позволяющие снайперу подходить творчески к решению постоянно возникающих боевых задач и полностью контролировать тактическую обстановку в зоне своей ответственности.

Литературно-художественное издание

Ирина МЕДВЕДЕВА ОБУЧЕНИЕ ТРАВАМИ

Серия «Путь Шоу-Дао» книга 4

Корректурa

Г. Зенова, Е. Ладикова-Роева, Е. Введенская

Оригинал-макет **Г. Ткаченко**

Обложка **Н. Вакуленко**

Лицензия ЛР №064633 от 13.06.96

Подписано в печать 21.09.99.

Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,00 Тираж 5 000 экз. Зак. 1563,

Издательство "София", Украина, Киев, пр. Победы, 12 000 Издательство "София", 109172, Россия, Москва, Краснохолмская наб., 1/15, кв. 108

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов в ОАО «Можайский полиграфический комбинат». 143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Издательство *"СОФИЯ"*. Телефон в Киеве: (044) 573-90-87

Наши представители в городах Украины:
Харьков, «Здесь и сейчас», ул. Чеботарская, 19 (0572) 12-24-39
Одесса, «Книга-33», пр-т Адмиральский, 20, тел. (0482) 66-20-09

E-mail: SophyaInfo@sophya.kiev.ua

Москва, 109125, Москва, Новоспасский пер., 3/1, телефон (095)
912-02-71

В России наши книги можно заказать по адресу:
113054 Москва, а/я 35, «Книга — почтой», телефон (095)
230-37-66, «Пост-пресс»

В Украине наши книги можно заказать «Книга-почтой» по адресу:
Киев-30, а/я 41, или по телефону (044) 513-51-92

f Для получения полного каталога книг фирмы «София» ^ (с краткими аннотациями), просьба прислать конверт формата А4 (21х29,7 см) с соответствующей почтовой маркой (вес каталога 100 г) по следующим адресам:
в Украине: 252030, Киев-30, а/я 41
в России: 109172, Москва, Краснохолмская наб., 1/15, кв. 108 ^ _____ (конверт с обратным адресом обязателен) _____ ^